Р3 8/35

УРАЛЬСКАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ВЫПУСК 5

ВИКТОР БЫКОВ

ВОЗМУТИТЕЛИ

(Бунты в Ревдинском заводе
в 1826 и 1841 годах)

УРАЛКНИГА
1925

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЫПУСК 5
Истпарт Уральского Областного Комитета РКП (б.)

Виктор Быков

ВОЗМУТИТЕЛИ

(Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА—СВЕРДЛОВСК 1925

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ГОСУД. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 34300
10-III-1925.
БИБЛИОТЕКА.

Уралобллит № 2028. Тираж 10.000.

Свердловск, тип. «Гранитъ», Акционер. О-ва Уралкнига. Заказ № 5533

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 3

1825—1826 г. г.

Глава I. Забастовка углепоставщиков.—Требование установления указной меры угольного короба.—Временная уступка заводоуправления.—Депутация углепоставщиков в Екатеринбурге.—Арест депутатов.—Массовый поход углепоставщиков в Екатеринбург для освобождения арестованных.—Арест 300 участников похода и водворение их обратно в Ревду.—Коллективная подписка углепоставщиков о возвращении в должное повиновение властям.—Представление выборными углепоставщиков мотивированного ходатайства главному горному начальнику.—Арест поверенных.—Горное правление утверждает меру короба, требуемую углепоставщиками.—Заводский исправник задерживает опубликование указа горного правления. . 9

Главе II. Следствие советника Любарского.—Отмена горным правлением своего постановления о введении уменьшенной меры короба.—Прошение углепоставщиков «на высочайшее имя».—Арест поверенных и составителя «всеподданнейшего» прошения.—Избиение управителем завода делегатов углепоставщиков.—Вызов в Ревду воинской команды 17

Глава III. Движение углепоставщиков принимает организованный характер.—«Самочинная присяга».—Второй приезд советника Любарского.—«Увещание» бунтующих.—Массовое «полицейское исправление».—Вторичная экзекуция.—Арест «явных возмутителей».—Настойчивость бунтующих. — Новые меры «полицейского убеждения».—Требование о присылке военных подкреплений.—Отказ в этом военного начальства.—Попытка углепоставщиков подать новую жалобу и арест «прошателей».—Новые волнения.—Вмешательство в дело пермского губернатора и недовольство этим горного начальства.—Дело восходит до комитета министров и царя.—Ходатайство заводовладельцев о высылке зачинщиков в Сибирь 22

Глава IV. Размеры заработка углепоставщиков, их оклады и размеры задолженности заводоуправлению.—Примерный расчетный листок углепоставщика Якова Толченова.—Кабала рабочих . 34

Глава V. Константин Криночкин.—Тяжба заводовладельцев Зеленцовых с бывшим заводовладельцем Демидовым.—Хищническое ведение дела Зеленцовыми.—Демидов в роли защитника рабочих, эксплоатируемых Зеленцовыми.—Неожиданный главный зачинщик бунта.—Новое проявление «неповиновения» в Ревдинском заводе.—Арест Криночкина и предание его суду.—Екатеринбургский уездный суд оправдывает Криночкина.—Отмена оправдательного приговора горным правлением.—Пересмотр дела и осуждение Криночкина . . 40

Стр.

Глава VI. Разбор дела углепоставщиков в екатеринбургском уездном суде.—Горное правление постэновляет сослать зачинщиков бунта в Сибирь на поселение.—«Строжайший выговор» администрации Ревдинского завода.—Дело участников «самочинной присяги». Временное «утушение искры непокорности». 48

1841 г.

Глава VII. Заводы во владении «рабочелюбца» Демидова.—Криночкин — управитель заводов.—Указ об угольном коробе.—Исправник прячет указ под сукно.—Разглашения.—Выкраденный указ.—Фантастические слухи об указе.—«Штат».—Удаление «разглашателей» из завода.—Усиление толков о «штате».—Прошение «на высочайшее имя» — «ябедническая бумага».—Взятие под стражу поверенных углепоставщиков.—Требование освобождения арестованных и об явления «штата».—Самоосвобождение поверенных.—Заводоуправление трусит и хитрит.—Главный начальник предписывает советнику Карпову привести бунтующих в повиновение.—Карпов в Ревде.—Вновь арестованные поверенные отбиты толпой.—Поп—миропродавец.—Карпов, не добившись умиротворения, возвращается в Екатеринбург.—Образцовая агентура охранителей заводовладельческих интересов. 53

Глава VIII. Прибытие в Ревду и. д. главного начальника с воинской силой—«Горестная картина ниспровержения гражданского порядка».—Сладкие речи увещевателей.—Углепоставщики упорно стоят на своем.—«Посмотрим, чья возьмет».—Бунтующие поражают прибывшее начальство своей дисциплинированностью.—Совет усмирителей решает пустить в ход оружие.—Новое собрание углепоставщиков на заводской площади.—Полное неуважение к своду законов—Гнусная роль попов.—Кровавая расправа.—Неудачная попытка утопить попа-увещевателя. — Восстановление «спокойствия». — Список жертв.—Похороны «без отпетия».—Братская могила.—Потери усмирителей.—Ожесточенность борьбы.—Вариант-частная летопись . . 63

Глава IX. Из'явление покорности.—Ловля бунтовщиков.—Охота за Ереминым и Дрягиным.—Назначение военно-следственной комиссии.—Поставленные ей задачи.—Заключение комиссии о причинах и ходе бунта.—Признание действий усмирителей правильными и целесообразными 72

Глава X. Назначение военного суда.—Следственные характеристики главнейших обвиняемых.—Положение углепоставщиков в изображении военного суда.—Горное правление признает, что в Ревдинском заводе рабочие подвергались большей эксплоатации, чем где бы то ни было—Вопиющие злоупотребления заводской администрации.—Вопрос о виновности Криночкина. — Поп-доносчик. — «Секрет» взаимоотношений заводоуправления и заводского исправника. 76

Глава XI. Приговор военного суда.—Необычайная снисходительность к заводоуправлению.—Восемнадцать разрядов «возмутителей» и «пристойные за вину наказания».—Дело исправника Земляницына.—«Высочайшая милость» осужденным.—Стоимость экипировки каторжанина сороковых годов. 88

ВВЕДЕНИЕ.

Тяжелым кошмаром пота и крови, плетей и шпицрутенов обвеяна эта книга...

Для молодых поколений, отделенных от описываемых событий сотнею лет, родившихся и выросших уже после этой беспросветной эпохи крепостничества, для пролетариата, свергнувшего ярмо самодержавия и эксплоататоров,—многое в этой книге может показаться вымыслом.

Между тем, это — сама жизнь наших дедов, запечатленная в пыльных архивах, и, даже, несомненно, в угоду тогдашним хозяевам жизни, сильно прикрашенная.

Двадцать три толстых тома уральского горного архива и три тома архива б. екатеринбургского уездного суда красноречиво описывают до мельчайших подробностей борьбу ревдинских крепостных рабочих со своими поработителями. Пожелтевшие страницы архивов сохранили для нас имена, как этих, безвестных, героев, так и их палачей.

Ревдинские бунты — один из наиболее ярких эпизодов борьбы крепостных рабочих за свое освобождение.

Ревдинские углепоставщики боролись под лозунгом уменьшения приемной угольной меры. Для того, чтобы этот лозунг стал понятен современнику, надо сказать, что вся жизнь углепоставщика крепостного времени определялась налагаемыми на него непосильными нормами обязательного труда—«окладом»—количеством коробов угля, которые он должен был вырубить и доставить в завод. Поэтому понятно, что все устремления углепоставщиков были направлены в сторону понижения этих норм, в

сторону уменьшения размеров самого короба. Отсюда — все слухи о «штате», об «указной», «орленой» мере короба и т. п.

Все остальные обстоятельства — чрезмерное отягощение работами, издевательства и истязания заводских приставников, бесправное и полуголодное существование — составляют фон, характеризующий эту эпоху, богатую бунтами и возмущениями крепостных рабочих.

В продолжение всего XVIII века волнения среди рабочих Урала почти не прекращались. Часто они переходили в открытые восстания, которые усмирялись с исключительной жестокостью. Особенной свирепостью была ознаменована усмирительная деятельность князя Вяземского, на которого в 1762 году. Екатериной II была возложена специальная обязанность приведения в повиновение взбунтовавшихся уральских крестьян. Князю Вяземскому было приказано действовать «огнем, мечем и всем тем, что от вооруженной руки произойти может»...

Несмотря, однако, на все эти жестокости, через самое непродолжительное время волнения вспыхнули с новой силой, хотя и не приняли таких размеров, как перед 1762 годом.

Когда, через несколько лет, Пугачев из под Оренбурга двинулся на север, восстание охватило весь Урал.

Отклики «пугачевского бунта» долгое время давали себя знать и после его усмирения. Массовые волнения уральских заводских крестьян были окончательно подавлены только в 1779 году.

Правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки. 21 мая 1779 года был издан манифест, в котором определялись обязательные для приписных к заводам крестьян работы, предписывалось некоторое увеличение плат за них, на заводчиков возлагалась ответственность за чрезмерное отягощение рабочих работами и проч.

В дальнейшем, указом 30 января 1781 г. было отменено право заводчиков наказывать заводских крестьян по своему усмотрению.

Как увидит читатель, даже в первой половине XIX века, т.-е. ко времени ревдинских бунтов, все эти бумажные ограничения власти заводовладельцев оставались пустым звуком...

Даже николаевские военно-судебные чиновники, производившие расследование ревдинского бунта, установили в Ревде «применение работами престарелых, слабых, увечных и малолетних детей», нашли, что в Ревде «работы превышают уроки ка-

зенных и соседственных частных заводов» и что, тем не менее, обвиняемые «при нынешних высоких ценах на хлеб не в состоянии пропитать себя и семьи». Сами углепоставщики заявляли, что они не в состоянии «пропитаться даже одним хлебом».

Были установлены истязания и избиения рабочих по произволу любого агента заводской администрации.

Ревдинские углепоставщики долго терпели гнет, как терпели его и рабочие других уральских заводов, все еще находившиеся под впечатлением кровавых расправ усмирителей.

И если, наконец, они выступили, то не с оружием в руках, а с ходатайствами и прошениями во всевозможные инстанции вплоть до самого царя. Тому же, что они, в конце концов, были вынуждены взяться за единственно доступное им оружие—дреколье, в значительной степени способствовала провокация со стороны местной горной полиции.

А выступили они с такой решимостью, что исход их столкновения с николаевской солдатчиной мог быть решен только пушечными выстрелами.

«Искра непокорности была утушена»...

Между тем, положение Ревдинских заводов в то время было не так уже плохо и благосостояние заводчиков основывалось всецело на чрезмерной эксплоатации рабочих. Так, в середине сороковых годов, по имеющимся данным, барыши заводовладельца Демидова выражались следующими цифрами:

Средняя стоимость выделки:		Продажная цена в Нижнем.	Прибыль.
Пуд резного железа	2.40	3.45	44 %
» шинного »	2.36	3.47	46 %
» листового »	3.97	7.51	89 %

В эти цифры не включены расходы по доставке, но она производилась водой и стоимость ее была ничтожна.

Вопиющий расстрел Ревдинских рабочих, по своей жестокости превосходящий ужасы Ленских событий, не помог жадным заводчикам упрочить свое хозяйство, основы которого уже прогнили.

В 1869 году, следовательно, уже после падения крепостничества, ревизовавший Урал сенатор Безобразов писал:

«Нынешнее положение Ревдинских (посессионных) заводов полковника Демидова представляется самым крайним выражением недугов, гнездящихся в частном горном хозяйстве Урала, и, вместе с тем, самым крайним выражением системы государственного хозяйства, обусловливавшей собою развитие этих недугов».

«При многих хороших естественных условиях хозяйства округ начал расстраиваться задолго до освобождения горнозаводского народонаселения, начиная около 1855 года; главная причина расстройства—крайняя беспорядочность в заводуправлении. Огромные суммы денег были брошены на всякого рода увеселительные заведения и постройки, возведение и содержание которых господствовали над всякими хозяйственными расходами»...

«В эпоху крепостного права на Ревде были большие замешательства с рабочими, возникавшие от несправедливых требований заводоуправления и вызывавшие замешательство властей»

В настоящее время Ревда—благоустроенный завод, состоящий в ведении Свердловского Горнозаводского треста («Гормет»).

Основное производство завода—прокатка проволоки. С пуском в настоящем операционном году домны Ревдинский завод будет иметь законченный цикл производства —от руды до гвоздей.

В Ревде сейчас около 2.000 рабочих.

ГЛАВА I.

Забастовка углепоставщиков.—Требование установления указной меры угольного короба.—Временная уступка заводоуправления.—Депутация углепоставщиков в Екатеринбург.—Арест депутатов.—Массовый поход углепоставщиков в Екатеринбург для освобождения арестованных.—Арест 300 участников похода и водворение их обратно в Ревду.—Коллективная подписка углепоставщиков о возвращении в должное повиновение властям.—Представление выборными углепоставщиков мотивированного ходатайства главному горному начальнику.—Арест поверенных.—Горное правление утверждает меру короба, требуемую углепоставщиками.— Заводский исправник задерживает объявление указа горного правления.

В начале декабря 1824 года, в самый разгар возки угля из куреней в завод, углепоставщики Ревдинского завода, крепостные крестьяне наследников Зелинцовых, остановили возку угля. Привезенные в завод короба с углем не сдавались: углепоставщики продержали их около шести дней на заводской плотине. Собираясь ежедневно по несколько раз, углепоставщики настойчиво требовали от заводской администрации уменьшения угольной меры. Единодушие в пред'явлении требований показывало, что выступление было подготовлено заранее.

Заводское и полицейское начальство всячески увещевало и застращивало «бунтовщиков», но ничто не помогало. Собрания их изо дня в день все увеличивались, а немногие, несогласные с большинством, углепоставщики запугивались и избивались своими товарищами.

Неоднократно углепоставщики являлись к «господскому дому», к управляющему и к исправнику, требуя установления заводской конторой указной железной углеприемной меры, которую они называли «орленой». Установленную же конторой меру они находили чрезмерно высокой и обременительной.

Положение заводов в тот момент было, повидимому, критическое: запасы угля совершенно истощились, и всякое промедление в подвозке его грозило остановкой доменных печей.

«Если не согласиться на их требования, то должно было полагать все заводское действие, особенно доменные печи, от действия коих зависит все благополучие здешних заводов, а потом к вящему подрыву могло присоединиться и то, что от непроизвождения угольной возки в самое лучшее и удобное время года мог бы заготовленный в куренях уголь остаться невывезенным в завод, отчего, по невыплавке чугуна и по недоковке желе-

за, заводы почувствовали бы большое расстройство и невозвратимые убытки, а казна с выплавленного металла лишилась бы своих доходов».

Так характеризовало заводоуправление остроту момента.

Углепоставщики правильно оценили положение и вызвали настоящую забастовку именно в том цехе, который являлся жизненным нервом всего «заводского действия».

Заводоуправление и местный исправник Штейнман были вынуждены временно согласиться на требования «бунтовщиков» и принять уменьшенную угольную меру. Эта мера была уменьшена против прежней на три решетки, т. е. на 1/8 короба.

Впрочем, соглашаясь на уменьшение существовавшей меры, заводская контора об'явила депутатам углепоставщиков, что она делает это временно—впредь до получения разрешения высших властей.

Возка угля возобновилась и продолжалась всю зиму, и все это время приемка производилась уменьшенной мерой. Но за летнюю заготовку углепоставщикам стали платить по мере, ранее существовавшей. Тогда некоторая часть их отказалась от такой платы и требовала расчета за весь вывезенный уголь по новой мере.

Так тянулось до половины мая 1825 года, когда 17-го и 18-го числа толпа свыше чем в 300 человек углепоставщиков потребовала у доверенного заводов Селянина и заводского исправника расчета по уменьшенной мере и за летнюю заготовку и установления этой меры на будущее время.

Настойчивые требования подействовали, и контора была вынуждена согласиться на их удовлетворение. Однако, углепоставщики были вновь предупреждены, что заводоуправление не считает уменьшенную меру «настоящей», а о размерах настоящей ждет извещения соответствующего начальства. Вместе с тем, при производстве расчета контора кое в чем урезала выдачи.

Углепоставщики решили закрепить отвоеванную ими у заводской конторы уменьшенную меру. С той целью они в начале июня того же года отправили в Екатеринбург депутатов в числе семи человек * «для узнания о настоящей указной мере угольного короба» и подания куда следует ходатайства об утверждении своей меры, «заорленой»исправником и заводской конторой.

В распоряжение депутатов углепоставщики передали собранные ими 50 рублей—«на жизненное содержание в городе, на могущие встретиться надобности: покупку гербовой бумаги и переписку оной сочинителям и переписчикам».

---

* Иван Медведев, Григорий Сахаров, Иван Ковырин, Григорий Богомолов, Тимофей Кузнецов, Василий Воронов и Максим Белоусов.

Посланные не успели подать свое ходатайство: 16-го июня они были арестованы екатеринбургской полицией, как не имеющие при себе законных письменных видов и самовольно отлучившиеся с места работ. «Ходатели» были доставлены в городскую «управу благочиния», где на первом же допросе показали, что пошли в город под угрозой тяжких побоев со стороны сотоварищей.

На второй день слух об аресте ходатаев дошел до Ревды. Кто то из канцелярских служителей сообщил углепоставщикам, что один из задержанных уже наказан плетями, а четверо—палками.

В тот же день, 17-го июня, углепоставщики в числе до 500 ч. собрались и решили идти в город для освобождения арестованных и заявления своих жалоб начальству. Перед отправлением в город «сделали между собою поручительство стоять один за другого, что хотели утвердить в церкви присягою, но не были допущены священником».

Затем, толпой около 500 человек двинулись в город.

Как только намерение углепоставщиков стало известно горному начальнику, он командировал навстречу толпе екатеринбургского исправника. Встретив углепоставщиков в 15 верстах от города, исправник обратился к толпе с увещаниями. Он «старался внушить ей, что таковые сборища, быв законом строжайше запрещены, составляющих оные подвергают ответственности». Затем исправник, согласно приказу, должен был,«употребя над сими людьми все предписанные средства, стараться благоразумными и кроткими внушениями склонить их к возвращению в жительство и исправлению лежащих на них обязанностей, об'явля им, что если они имеют какие-либо справедливые жалобы, то, не усливаясь об'являть оные всею толпою, для сего избрали бы из среды своей двух или трех человек».

«Но», гласит официальный документ, «по употреблении им.. г. исправником, всех мер, по врожденному в сих людях упорству, он успеть в совершенном обращении их к месту своей службы не мог; из которых, однако же, более двухсот человек, вероятно восчувствовавших свое самовольство, возвратились в жительство».

Остальные, свыше 300 человек были под конвоем башкирских казаков и этапной команды впущены в город, а затем введены «под приличным караулом» в здание недействующего монетного двора. Здесь им предложили выбрать из своей среды поверенных через которых и принести жалобы.

Были избраны: Никон Медведев, Сидор Голубятников и Марк Щукин.

Тем временем прибывшие в Екатеринбург углепоставщики подверглись увещаниям горного начальника. Этими увещаниями они «доведены были до раскаяния в противозаконном

своем поступке, происшедшем, как они об'явили, от ложного их страху».

Горный начальник, приведя «бунтовщиков» в «должное повиновение», того же числа отправил их под присмотром обратно в Ревдинский завод. При этом исправнику завода было предписано «водворить их в жительство и употребить в работу с произведением той платы, какая им следует, приказав ему, как их, так и прочих содержать в повиновении и в границах обязанности».

Коллективная подписка углепоставщиков о возвращении в «должное повиновение» гласила:

«1825 года, июня 19 дня. Мы, нижеподписавшиеся Ревдинского г. Зеленцова завода крепостные крестьяне, всего 304 человека, означенные в особо-прилагаемом регистре, раскаясь в самовольной из своего жительства отлучке в здешний город и потому возвращаясь в свое место, сею подпискою обязываемся—против своего начальства не делать никакого неповиновения и положенную на нас работу справлять попрежнему беспрекословно и в свое время, не допуская прочих, принадлежащих Ревдинским заводам людей, к подобно оказанному нами своевольству. К сей подписке вместо крестьян Никона Медведева с товарищами, всего 304 человека, по незнанию их грамоте и по личной просьбе руку приложил екатеринбургский мещанин Степан Иконников.

При отобрании сей подписки присутствовали: горный начальник (подпись), оберштеттен-фервальтер (подпись), полиций-мейстер (подпись), 2 маркшейдера (подписи), уездный стряпчий (подпись)».

Тремя выборными были заявлены горному начальнику главнейшие претензии углепоставщиков:

«Что все они находились у рубки дров, сжении угля и вывозки оного в Ревдинский завод из расстояния 20-ти, 25-ти, 30-ти и 35-ти верст. Мера короба была такова: внизу поперек 12 вершков в длину 3 аршина, в вышину 6 четвертей, по верху — в длину $3^1/_2$ аршина и в ширину 6 четвертей. Мера сия установлена от заводского начальства, и им по просьбе их дано было письменное удостоверение, подписанное заводчиком, управляющим Селянниным, заводским исправником и поверенным со стороны бывшего заводчика Демидова Бакуевым; каковую меру, данную им в Филиппов пост, накануне Николина дня, они почли для себя безобидною, возили против оной уголь до весны, т. е. до самого окончания поставки, и когда чинили им расчет оплате, то уголь стали считать не по данной им мере, а по другой, прежде бывшей которая состояла:—в длину по низу 3 аршина 2 вершка, в ширину 15 вершков, в вышину 6 четвертей 3 вершка, вверху шириною 7 четвертей без вершка, а в длину вверху 3 аршина и 10 вершков, почему самому и плата оказалась гораздо менее, а с тем вместе осталась на многих недоработка.

Напротив того, по их счету, сверх следующей платы, за излишнюю вывозку причиталось некоторым по пятидесяти, по сту и двести рублей, но по большей убыли вышло на казенный короб осмина короба или со ста(свыше) двадцати коробов, и когда они сочлись выдаваемою им платой недовольными, то в продолжение месяца просили господина своего Алексея Зеленцова, управляющего Селинина, исправника Штейнмана и прикащика

Общий вид Ревдинского завода.

Лебедева, которые не согласились на просьбу их и сказали, что по новой мере короба платить не могут; и средь их словесных просьб подавали исправнику письменную слишком от пяти сот человек, после чего удовлетворены были платою по последне установленной мере короба, потом просили, чтобы мера сия была им заорлена, что исправники исполнил вместе с т. Зеленцовым.

А как прежде того, сверх платы за короб по большей мере, давали им награды денег по 20 копеек за каждый, почему они, вывозя уголь по вновь установленной мере, также настояли дать им подобное награждение, в чем им отказали; за каждый же короб до установления новой меры получили они хлебом по цене на 80 копеек, да деньгами в награждение по 20 копеек: *

---

* По объяснению конторы награждение по 20 копеек с короба делалось в 21, 22 и 23 годах, когда была дороговизна хлеба.

В 1824 году «по незаслужении того» в добавочных 20 копейках было отказано.

сверх того, когда кто кроме положенных на годного работника 90 коробов, вывозит излишне, то за каждый короб платили по 1 рублю 50 коп.; каковую плату получали и по меньшим окладам налагаемым от 5-ти до 60-ти коробов, полагая работника от 12 лет и более, выключая малолетних детей, не имеющих отцов и родственников; лошадьми же казенными из них снабжаются те только, которые не имеют состояния завесть их на свой счет, а плата за вывезенный уголь как на казенных, так и на собственных лошадях одинаковая по расстоянию верст, полагая за каждую версту зимою по 3 копейки, а вообще никому не выдается деньгами как на покупку лошадей, равно и упряжи; для продовольствия же их получают в неделю овса два пуда на каждую лошадь, а иногда вместо оного муки один пуд с четвертью; цена же полагается за овес и муку свыше базарной, существующей в заводе, примерно десятью копейками, каковая цена вычитается летом из 80 копеек, получаемых за короб, а зимою из трехкопеечной платы, выдаваемой за версту.

Когда же не соглашались платить им наградные, то они, вместо оного, просили убавить из казенных 90 коробов, налагаемых на горного работника, по 10 коробов, на что тоже хозяева не соглашались.

Сверх окладной угольной работы, каждый год занимаются они рубкою и вывозкою квартирных дров каждый по три сажени с оплатою за сажень по рублю пятидесяти копеек, постановкой без платы сена, возкою и сплавкою по реке казенных дров, бревен для караванных потребностей и заводского действия, выгрузкою дров на берег,складкою в поленницы и потом в кучи с осыпкою, одернением и жжением, рубкою крепежного леса, нарядам поочередным в караул; при сплавке же бревен, по недостатку воды, проводят иногда времени по месяцу, а взамен каковой сплавки из 90 коробов убавляется с них по 10 коробов, что они считают себе в отягощение; за плавку же через 70 верст течения реки за каждое дерево дают им платы только по 15-ти копеек, расчитывая всегда при конце года кроме нынешнего, а во время страды высылают их на господский покос,где находятся по две недели, но в хорошее время менее, за что в конце года выдают годному работнику за сутки по 30 коп., а не годному по 20 коп.

Не получают они шуб и зипунов; о чем они хотя и просили, но выдают по двои в год рукавицы без варежек и с вычетом за каждые по 1 рублю по 20 копеек, по мнению их дороже базарного копейками шестидесятью.

Более они никаких притензий не имеют, чем и подписуются. Претензии, заявленные довереннымп углепоставщиков, были направлены на рассмотрение Пермского горного правления.

Одновременно на месте, в Ревде, были приняты меры к задержанию троих поверенных углепоставщиков, избранных послед-

ними для заявления их претензий. Уже 9 июля заводская контора сообщила заводскому исправнику, что во исполнение его распоряжения задержаны в деревне Краснояр и доставлены в Ревду двое «зачинщиков»: Голубятников и Медведев. Третьего «зачинщика» Марка Щукина углепоставщики деревни Краснояр отбили от посланных и заявили, что они доставят его сами.

Отношением от 25 июня Пермское горное правление разрешало вопрос о мере короба следующим образом. Оно указало, что еще в 1792 году Пермской казенной палатой было дано распоряжение как казенным, так и частным заводам о мере угольного короба. Поэтому предписывается подтвердить заводскому исправнику Штейнману и Ревдинской конторе, чтобы по всем заводам Зеленцовых угольные короба были устроены непременно в соответствии с установленной мерой, об'явив об этом под расписку и углепоставщикам.

К распоряжению была приложена справка о мере угольного короба согласно указу Пермской казенной палаты от 28 июля 1792 года.

«При казенных заводах и при частных, к которым приписаны были государственные крестьяне, мера угольного короба учреждена такая же, какая при заводах Пермских, т. е. по верху $3^{1}/_{2}$ на $1^{1}/_{2}$ аршина, высотой $1^{1}/_{2}$ аршина и по низу 3 на $^{1}/_{3}$ аршина»*)

Владелец заводов Зеленцов протестовал против такого распоряжения горного правления, приводя следующие доводы:

«1-ое. Мера в указе означенном относиться должна только к тем частным заводам, которые имеют приписных крестьян, в Ревдинских заводах находятся одни только крепостные и вечно отданные, подобно как и в Белорецком г. Пашкова заводе, где ныне существует мера короба вышины 1 арш. 11 вершков, длины: по дну 3 аршина, вверху 3 аршина 8 вершков; ширины внизу 14 вершков, а вверху 1 аршин 10 вершков, которая должна вмещать угля весом в 25 пуд. Если же собрать против оной предписанную горным правлением меру для Ревдинских заводов, то по ней и 20 пудов весу не будет, между тем, как углепоставщики получают плату гораздо превосходнейшую против многих других заводов.

2-е. Если мера сия будет об'явлена, тогда заводы должны будут подвергнуться большим убыткам и запутанности в разрешениях заводских, как по поденному, кричному, так и прочим действиям, имеющим главным основанием вес короба. А с тем вместе и по другим заводам углепоставщики будут просить таковой же величины короба, через это повсеместное может случиться расстройство.

---

* Эта мера совпадает с «умеяьшенной» мерой, установленной под давлением углепоставщиков Ревдинской конторой в 1824 году.

3-е. Перемена обыкновенного короба на уменьшительный сколько убыточна для завода, столько бесполезна и для самих углепоставщиков, потому что с уменьшением меры должна уменьшиться и плата; вместо располагаемых на годного работника по обыкновенной мере 90 коробов, через уменьшение каждого по 1/8 должно увеличить оклад до 101 1/4 коробов на работника. Если же не расположить сей пропорции, тогда завод встретит в потребном количестве угля недостаток, а с тем вместе и остановку. Сии же надбавочные коробья, коих угодной пропорцией 48000-ми по 1/8 на каждый составится 6000 коробов, при возке коих в завод из 25-ти верстного расстояния должно произойти времени у 600 человек, имеющих 1000 лошадей, полагая вывести короб в два дни—7200 дней, при возке коего завод понесет убытку от 6000 коробов.

4-е. При возке угля двадцатипятипудовый вес против двадцатипудового никакой разницы работнику и лошадям причинить не может, потому более, что при здешних заводах куренные дороги наблюдаются в хорошей исправности, лошади и сани имеющиеся у углепоставщиков без из'ятий у всех бывают подкованные на заводский счет и для работы способные. Притом же для корму лошадей производится в выдачу от заводу мукой по 1 пуду 10ф.,а овсом по 2 п. 20 ф. на каждую лошадь в неделю».

В заключение Зеленцов просит горное правление отменить свое распоряжение и ввести или старую меру—какая существовала еще ранее, при завододержателе Демидове—или установленную на Белорецких Пашкова заводах.

Заводский исправник задержал об'явление углепоставщикам указа и присоединился к просьбе Зеленцова.

Одновременно с отправкой отношения в Ревду был командирован горным правлением для производства расследования советник Любарский. Вместе с тем, Любарскому было поручено расследование вспыхнувшего в то же время возмущения и в Полевском заводе.*

---

* В деле имеется лишь краткое упоминание о событиях в Полевском заводе:

«По жалобам мастерового принадлежащего Полевскому наследников Турчаниновых заводу Кирьянова на чинимые якобы мастеровым того завода местным начальством притеснения и истязания горное правление 18-го июня поручило Екатеринбургского уездного суда горному члену Засыпкину и заседателю Кашину произвести исследование. При самом приступе к тому Засыпкин и Кашин встретили со стороны Кирьянова и товарищей его неповиновение. Хотя и употреблены были ими все убеждения к послушанию, но упорствующие остались непреклонными, оказывали грубости и ходили толпами».

ГЛАВА II.

Следствие советника Любарского.—Отмена горным правлением своего постановления о введении уменьшенной меры короба.—Прошение углепоставщиков «на высочайшее имя».—Арест поверенных и составителя «всеподданнейшего» прошения.—Избиение управителем завода делегатов углепоставщиков.—Вызов в Ревду воинской команды.

В наказе, данном советнику Любарскому, берг—инспектор Булгаков писал:

«Долгом себе поставляю Вашему Высокородию поручить по спопутности заехав в Ревдинский Зеленцовых завод и город Екатеринбург, удостовериться из-под руки, точно-ли рабочие люди сих заводов, оставив работы, пошли в Екатеринбург. И буде сие окажется справедливым, то какие причины побудили их к таковому своевольному поступку, нарушающему тишину и спокойствие и строго воспрещаемую законами. Если неудовольствие со стороны местного начальства вовлекли их в сие заблуждение, то внушить им, что они на сие могли жаловаться Пермскому горному правлению, которое не оставило бы войтить в рассмотрение претензии их и доставить им веское оправдательное удостоверение, как по законам следует. Между тем, всеми мерами стараться известить им обязанности их и успокоить кроткими увещаниями и обращением к оным. В случае неуспеха об'яснить им последствие неповиновений и всю строгость законов, определяющих меру наказания за нарушение спокойствия. Словом, я надеюсь, что вы по благоразумию вашему не оставите без внимания ничего того, что может служить сообразно местным обстоятельствам к искоренению сих вредных начал и обращению людей к своим обязанностям, требующим от них единственно токмо повиновения, и обо всем том, что вами сделано и замечено будет донесть мне, если нужно с нарочным в самоскореишем времени».

Любарский прибыл в Ревду 8-го июля и энергично приступил к следствию. Он собрал богатый материал, допросил «зачинщиков» и 24-го того же месяца уехал с завода, сделав внушение углепоставщикам, чтобы они подчинялись местному начальству и ожидали указа об утвержденной мере короба.

По докладу Любарского Пермское горное правление изменило свое первоначальное решение и оставило в силе, впредь до окончательного разрешения вопроса министерством финансов, старый демидовский короб. Мера этого короба была установлена штатом 1737 года, почти за 90 лет до описываемых событий, комиссией князя Вяземского, известного усмирителя рабочих волнений на уральских заводах.

Горное правление постановило, что за работы по доставке угля в коробах указанной меры плата должна производиться такая же, какая существовала при Демидове. Увеличение платы допускалось лишь по предварительном рассмотрении дела в горном правлении и не иначе, как с разрешения горного департамента.

Указ горного правления был об'явлен углепоставщикам через исправника в октябре того же года.

Последствием указа было возобновление волнений лишь только началась возка угля.

11-го ноября углепоставщики были наряжены к возке угля из ближних куреній до зимнего пути (на колесах) и бревен к сплаву. На работу явились немногие, а остальные, до двухсот человек, толпились на улицах и перед управой благочиния.

Еще в первых числах ноября углепоставщики подали через тех же своих доверенных в горное правление прошение «на высочайшее имя». Прошение гласило:

«Всепресветлейший, державнейший, великий Государь император Александр Павлович, самодержавец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просят доверенные обществом Ревдинских г г. наследников Зеленцова заводов крепостных крестьян таковых же Марка Галактионова Щукина, Сидора Григорьева Голубятникова, Никона Корнилова Медведева, а в чем наше прошение, тому следуют пункты.

1-е.

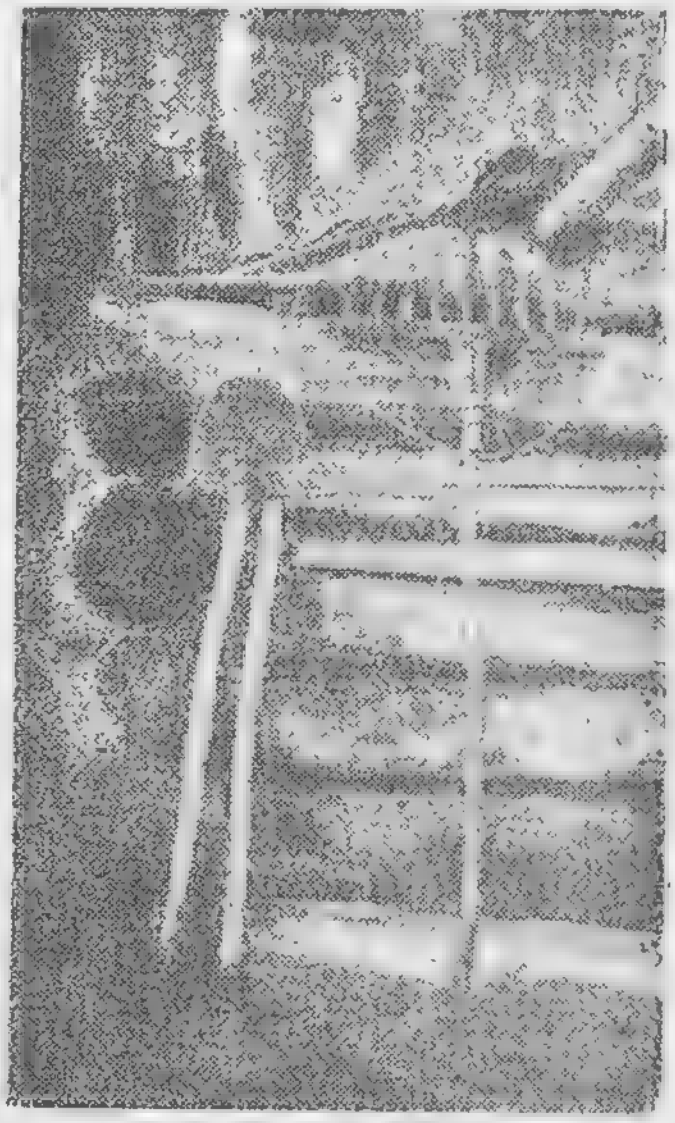
Прошедшего 1824 года ноября 6-го и декабря 21-го чисел, приходя обществом к господину завододержателю Зеленцову, просили учреждения ввести орленую меру по законному порядку между тем, он, господин Зеленцов, чинит разные обиды и угнетает совсем несносными нашей силы работами, также и при наших Ревдинских заводах заведывающего г-на заводского исправника Штейманова просили, и которому было нами об'явлено довольно уже раз и подаваны бумаги. Но как оный исправник не принимал никакого от нас прошения, но и удовольствовал нас только тем, чтобы более его не беспокоить; равным же образом Василия Александровича Селянина и г-на исправника Штейманова о сей же мере вообще просили их, на что они согласились и дали письменное заключение с приложением своих рук и акторской печати, и г-на Зеленцова за подписанием его собственной руки на оную законную и орленую меру и утвердили в том всех угольного припаса рабочих людей декабря 3 дня 1824 года, а ноне опровергши оную меру и от их сей бумаги отперлись и потом,

2-е.

Положенный на нас заводский уголь на годного работника по девяносту коробов, кроме негодных, как-то вырубить, скласть, выжечь и на заводскую площадь предоставить по 3 коп. с версты, а что касается до размерения приемщиков угля, то оказалось, что у них мера совсем свыше положенной меры несправедливо, как должно было по указанной мере, ибо,

3-е.

По отправлении нашей работы и вывозке угля в завод согласно положения находится у некоторых излишек переработка, и за которого платы денежной выдачи не получают и от чего остаются в крайнем разорении, и за несправедливую ими положенную на нас меру короба денежную выдачу оная контора удерживает, да и в страдное время находятся при поставлении для господских лошадей сена и платы полагается только одному человеку по 25 к. за день и находимся при оной поставке две и три недели, которые приводят также в разорение, и к тому,



Инструменты углежога.

4-е.

Сверх же оклада положено на нас по три сажени квартерных дров на человека и с вывозкой оных в заводы и куренных кубической меры дров же с вывозкой и плавкой по воде и выгрузкой до завода-ж не менее одной тысячи сажен и бревен кровельных пяти и шести сажен от 25 и до 35 на одного работника полагается безо всякой платы вырубить и вывезть на берег, совсем нам уже не в силу снести сии положения и приходим во многое разорение, как-то:

5-е.

Штатные служители конторы получают удовольствие невпример рабочих большее, а что же касается до рабочих людей, получаем провиант сверх покупной цены взыскивает контора от 10 до 20 коп. за пуд, престарелых летних стариков, который из них в господской работе, тот получает провиант кольми паче не в силах нести господскую работу и так остаются без всякого призрения и ничего не получают, малолетних девиц также до

одиннадцатилетнего возраста от заводской конторы провиант выдается и с двенадцатилетнего возраста, принуждая отсылкою на рудники с произвождением за то самой малой платы, а провианта нисколько не производится, и наконец,

6-е.

Сего года в полу июне м-це по неспосшейшим от означенных заводержателей Зеленцовых и через служителей угнетением вынужденными были снискать себе прибежищем законные защиты, на таковой случай подвигнувшись обществом составляющим числом не менее около семисот душ единогласными советами взойтить в уездный город Екатеринбург, в рассуждении не могли снискать законных прав и содержащихся под стражею в Екатеринбурге безвинно страждущих сего общества таковых же крестьян Ивана Васильева Козырина с товарищи сего седми человек от оной просили освободить и в домы свои среди их семейств, дабы не могла истекчи напрасно река безвинных слез, и так` об'яснив чинимое угнетение крепостным крестьянам Ревдинского завода от тамошнего начальства и заводского исправника Штейманова по доверенности от крепостных крестьян нам данной приемлем смелость всеподданейше просить и дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение принять и в прописанных нами в шести пунктах обстоятельствам сделать законное рассмотрение и удовлетворение.

. . . . . .

К поданию надлежит в Пермское Горное Правление. Ноября, 5 дня, 1825 года. Сие прошение со слов просителей по личной их просьбе сочинял и набело переписывал и по неумению их грамоте руку приложил Полевского и-ков Турчанинова завода мастеровой Василий Иванов сын Кирьянов».

Вслед за тем 13-го ноября заводская контора обратилась к исправнику с ходатайством об аресте «именующих себя доверенными» Щукина и Голубятникова во избежание их дальнейшей вредной деятельности. Контора обвиняла их в подаче разного рода кляузных прошений «с прихотливыми и затейливыми требованиями» и в возмущении заводских людей.

25-го ноября 1825 года горное правление постановило: 1) Щукина, Голубятникова и Медведева, которые обязались в Екатеринбурге подпиской быть послушными, а 12 ноября. собрав 200 человек, явились в Ревдинскую управу благочиния для выслушания ответа горного правления, как совершенно вредных людей, отослать в уездный суд. Кирьянова (составителя «всеподданейшего» прошения) заключить в тюремный замок; 2) екатеринбургского горного начальника просить на

будущее время* от подобных Щукину и Голубятникову людей, как вовсе ведению его не принадлежащих**, никаких просьб не принимаать, самих задерживать и доносить.

30-го ноября доверенные были арестованы.

13-го января 1826 года углепоставщики, в числе более полутораста человек, собрались на заводскоїі плотине. Они выбрали из своеї среды четырех уполномоченных и послали их к жившему в заводе одному из наследников Зеленцовых с требованием расчета за уголь по уменьшенноїі мере короба и выдачи денег.

Вместо ответа, управитель Селянин, по показаниям рабочих, подверг посланных избиению «нещадно и своеручно, чтобы его не просили ни о чем».

Но, видя решимость углепоставщиков настаивать и далее на своих требованиях, начальство все же всполошилось.

16-го января 1826 г. заводскоїі исправник Штейнман донес Нермскому горному правлению, что он об'явил углепоставщикам о необходимости подчинения и о том, что окончательно вопрос о мере короба будет решен министерством финансов. Но они на уставленную меру не согласились и силоїі воспрепятствовали ее выверке.

Штейнман писал: «Чем долее углепоставщики силою закона не будут приведены в должное послушание и повиновение местному начальству, тем более будут возникать от них различные незаконные требования, служащие единственно ко вреду и невозвратному убытку завода, и будут поводом к дальнеїшим дерзостям, непокорству и неповиновению».

В своем отношении, отправленном главному начальнику екатеринбургских горных заводов через два дня после того, т.-е. 18-го января, заводская контора приводит буквально те же соображения, что и исправник.

За день до этого, утром 17-го января, толпа углепоставщиков подходила к дому, где жил Зеленцов, а затем к квартирам управляющего Селянина и исправника Штейнмана и настоїічиво требовала уплаты денег.

Уговоры заводского и полицеїского начальства не деїйствовали. Толпа разошлась уже под вечер, причем из среды ее раздавались угрозы по адресу начальства.

Это побудило заводского исправника просить главного начальника екатеринбургских горных заводов о присылке в завод воинскоїі команды до 50 человек. Это было, по его мне-

---

* До горного правления дошли слухи, что рабочие Сысертского завода предполагают, по примеру Ревдинских, итти в Екатеринбург жаловаться на заводскую контору за неплатеж денег.

** Екатеринбургскому горному начальнику были подчинены только *казенные* горные заводы округа.

нию, необходимо во избежание «больших неприличностей», а также «для скорейшего восстановления тишины и спокойствия и охранения заводского капитала».

В завод была прислана этапная команда. При разводе солдат по квартирам углепоставщики всячески противились их размещению. В виду этого начальство заблаговременно запросило подкреплений.

В это время войска нужны были не только в Ревдинском, но и в соседнем с ним Шайтанском заводе.

Беспорядки в Шайтанском заводе Ярцева возникли из-за неповиновения находившихся в нем для работ крестьян, присланных из вотчины Бороздина из Витебской губернии. Эти крестьяне «избили бесчеловечно» своего поверенного Закревского. Для усмирения их была отправлена воинская команда в 100 чел., у которой произошла стычка с «бунтовщиками». 30 крестьян были арестованы и отправлены в земский суд.

ГЛАВА III.

Движение углепоставщиков принимает организованный характер.—«Самочинная присяга».—Второй приезд советника Любарского.—«Увещание» бунтующих.—Массовое «полицейское исправление».—Вторичная экзекуция.—Арест «явных возмутителей».—Настойчивость бунтующих.—Новые меры «полицейского убеждения».—Требование о присылке военных подкреплений.—Отказ в этом военного начальства.—Попытка углепоставщиков подать новую жалобу и арест «прошателей».—Новые волнения.—Вмешательство в дело пермского губернатора и недовольство этим горного начальства.—Дело восходит до комитета министров и царя.—Ходатайство заводовладельцев о высылке зачинщиков в Сибирь.

20 января углепоставщики, проживавшие как в самом заводе, так и в деревне Краснояр, стали скопляться в заводе, на Еланской улице. Заводская контора и исправник тотчас же сообщили об этом командовавшему прибывшей из Екатеринбурга воинской силой офицеру и просили его умиротворить «мятущихся». Воинская команда в составе 20 солдат и 10 казаков немедленно явилась к толпе.

Офицер спросил о причине скопища. По официальному документу, ему ответили следующее:

«Собрались для утверждения непрерывных неизменных между собой положений, чтобы во всяком случае друг друга не выдавать, и в случае кого-либо начальством из их сословия требуемом человека ни под каким видом ни одного ни двух не отпущать и не выдавать; а по малейшему извещению тотчас явиться всем куда следует итти вкупе».

Далее, поставщики заявили, что для того, чтобы никто не отважился нарушить это их взаимное соглашение, они пойдут в церковь и принесут там в том присягу.

Увещания ни к чему не привели. Когда толпа увеличилась до 300 человек, в 6-м часу вечера все отправились в церковь.

В церкви находился в это время лишь церковный староста Яков Большухин, который описывает в своем показании необычайное посещение так:

«20 числа, будучи он по долгу своему в здешней Архангельской церкви по отслужении вечерни и по выходе бывших в служении священников Андрея Бурова, Александра Распопова и дьячка Константина Плотникова из церкви, явились к нему в церковь угленоставщики великою толпою, так что полна была церковь, и спрашивали священников для служения молебнов спасителю и святителю Николаю чудотворцу. Но осведомившись от него, что священники вышли, то из них Иван Григорьев Моксунов и Самойло Утюмов, велели всем замолчать; а потом Моксунов громко сказал: «Слушайте, товарищи, когда попов в церкве нет, то мы сами собой вместо присяги приложимся к иконам и дадим перед престолом божьим друг другу обещание, чтоб в затеянном нами деле выстаивать единогласно, и ни под каким видом друг другу не изменять». И таким образом все прочие уговорились и дали ему старосте денег, велели поставить всем местным иконам и сжечь рублевые свечи, которых им поставлено на 5 рублей, да осталось у него и теперь же хранятся пять рублей, о коих они ему об'явили, что впредь пришлют человек двух или трех, при коих и на оставшиеся деньги поставить свечи-ж; а сами все помолясь богу сказали: «когда нет попов, то вместо креста поцелуем образ спасителя», что и исполнили до одного все по порядку, приложились к ручке спасителя. При выходе-ж из церкви начали громко неблагопристойно говорить, то он староста от сего их удержал, что в храме божием такого шуму делать не следует; при чем более руководствовались усоглашением и прочим, как и выше значится Иван Моксунов, Самойло Утюмов, Захар Утюмов и Никита Воронов, из коих, когда все люди прикладывались к иконе спасителя, Моксунов и Воронов стояли по сторонам оного образа для удостоверения, чтоб никто не мог остаться без прикладу, а Самоїло и Захар Утюмовы на паперте и в церкве принуждали, дабы все и каждый непременно к образу спасителя приложились. О каковом действии, хотя он староста и располагался кому следует о таковом происшествии донести, но не мог оставить без присмотра свою церковь; а потому оставил оное времяни, вследствии чего долгом поставил Ревдинской заводской конторе донесть».

По выходе из церкви толпа остановилась в Загорной улице и устроила совещание: ехать ли на следующий день в курени за углем? Решили ехать, но по возвращении «сождаться» за околицей, чтобы в завод приехать всем вместе, «грудою».

Самочинная присяга убедила начальство в твердой решимости углеставщиков стоять на своих требованиях до конца. Начальство не на шутку перепугалось. Заводский исправник донес горному начальнику, что прибывшей в тот день с Билимбая команды в 32 солдата, 10 казаков при 2-х унтер-офицерах вместе с ранее находившимися в заводе 25-ю солдатами и офицером далеко недостаточно. Даже, если в завод прибудут 100 человек из находящегося в соседнем Шайтанском заводе на усмирении витебских крестьян отряда—так и то будет мало. Исправник просил прибавить еще до 200 нижних чинов с офицерами и поспешить с их отправкой. «Сие умножение команды, писал перепуганный исправник,—тем более необходимо, дабы дать почувствовать прочих цехов здешним мастеровым и рабочим людям».

Углежог в курене.

25 января берг-инспектор Булгаков предписывает подчиненному ему Нермскому горному правлению:

«Заводский исправник через нарочного доносит, что 20 января дня углеставщики вновь сделали волнение и общий заговор, клонящийся к неповиновению местному начальству и что хотя они военною командою были от того удерживаемы, но по

малочисленности ее ни малейшего повиновения не оказали. Замечая из всего, что дух неповиновения... не только не прекращается, но от времени до времени увеличивается в большой степени, ибо они, в совершенное нарушение тишины и спокойствия, собираясь толпами, делают разные своевольства и, не внимая ни убеждениям местного начальства, ни указам горного правления, не признают даже сих последних за настоящие,—в отвращение всех сих беспорядков долгом себе поставляю горному правлению предложить... спешно командировать советника Любарского, которому употребить посредством воинской команды все средства не только к утушению сей искры непокорности, но даже к искоренению тех начал, от коих оная может паки возродиться»*.

27 января Пермское горное правление предписало советнику Любарскому выехать в Ревдинский завод для приведения углеставщиков в повиновение. Любарскому предписывалось:

«Употребить посредством воинской команды все средства не только к утушению сей искры непокорности, но даже и искоренению тех начал, от каких может оная паки возродиться. Мера кротости, из'яснение обязанностей и увещание и обращение к оным должны быть началом по сему предмету действий. В случае неуспеха должны быть из'яснены последствия неповиновения и законы, определяющие за оные наказания. А наконец, когда все сие окажется тщетным—поступить по положению комитета г. г. министров 16 декабря 1822 г. При том во всяком случае учинить строжайшее исследование, что было истинным поводом означенных углеставщиков не признавать указов горного правления за настоящие, а равно и о мере угольного короба, какая существовала по Ревдинским заводам при прежнем содержателе Демидове и нынешних Зеленцовых. По окончании дело представить на распоряжение горного правления».

Любарский приехал в Ревду 1 февраля. 3-го числа туда же прибыла часть Пермского гарнизонного батальона в 200 человек под командой полковника Костырко, специализировавшегося на усмирении заводских людей. Костырко получил от военного начальства инструкцию «поступать по своей опытности и здравому рассудку, подобно тому, как он действовал в Кыштымских наследников Расторгуева заводах»**.

---

* Советник Пермского горного правления Любарский, как видно из архивных дел, специализировался по «утушению искры непокорности»: в эти же годы он оперировал в Полевском и Шайтанском заводах.

** В январе 1823 г. «учинили неповиновение» крестьяне Кыштымского завода Расторгуева: 98 человек, назначенных владельцем, как вредные люди, к переселению на Богословские казенные заводы, не хотели выезжать туда. Для усмирения была послана команда под начальством Костырко.

6-го февраля на площади, где складывается уголь, было собрано до 400 человек углепоставщиков.

Любарский явился к углежогам в сопровождении полковника Костырко, управляющего заводами от казны маркшейдера Селянина и поверенного Зеленцовых Лебедева.

Он сообщил углепоставщикам о цели своего прибытия и затем об'яснил им, «что они непокорливостью своей презрили предписание горного правления о том, чтоб возить уголь тем коробом, каким вывозка его производилась при заводчике Демидове и при покупке от него Зеленцовым Ревдинского завода, беззаконно; что за таковое их преступление подвергают они себя строгому и неизбежному наказанию, что таковое их буйство по божественным и по государственным постановлениям ни в коем случае терпимо быть не может».

Углепоставщики все в один голос заявили, что они кроме той меры, какой начали поставлять уголь с декабря 1824 года, никакой другой принять не согласны.

Повторив свои увещания о необходимости повиновения, Любарский два раз громко прочитал указ горного правления от 28-го января и об'явил, что «высшим правительством» уже утверждено, чтобы они непременно поставляли уголь коробами старой меры.

«Но, — гласит официальный документ,—за всеми таковыми кроткими его, г. Любарского, увещаниями все те углепоставщики паки с грубостью и упорством громогласно отзвались, что сею мерою короба поставлять уголь никак не будут».

Тогда Любарский, отложив в сторону всякие «кроткие увещания», передал углепоставщиков в обработку палачу Костырке.

Донесение об этом Любарского горному правлению гласило:

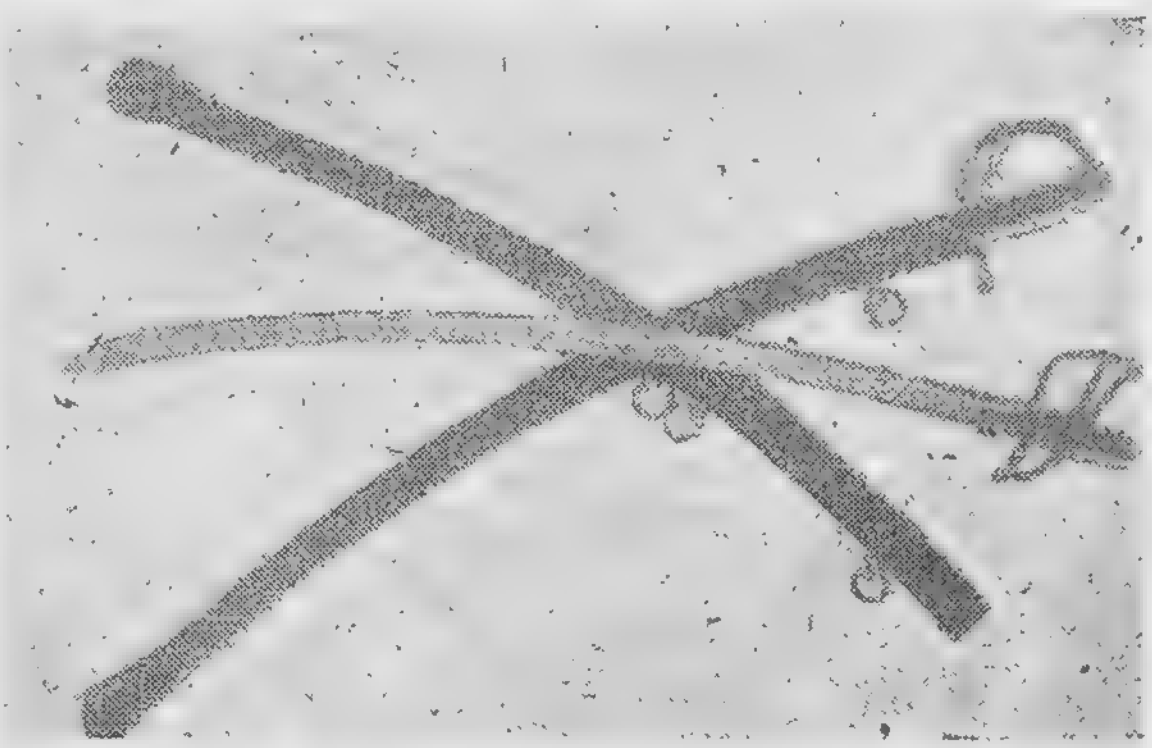
«Главнейшие из грубиянов переданы были для полицейского исправления полковнику Костырке, по учинении коего большая часть из'явила покорность к повиновению и согласилась уголь поставлять на ту меру, какая существовала при завододержателе Демидове».

Заводская канцелярия в своем рапорте описывает экзекуцию так:

«За грубость и неповиновение для исправления нравственности их поступлено было полицейским оштрафованием; немалое число их наказано палками, отчего многие, тогда сознав добрую совесть, согласились исполнять волю об'явленного указа. Однако-ж и за всем тем не более половины из'явили послушание и явились к записке на предписанную начальством меру короба, а прочие, более закосневшие в упрямстве, по внушению злобных и тайно скрывающихся неблагонадежных людей, (о которых производится изыскание) и, может быть, подстрекаемые ими, оставались неповинующимися. Но, подвергнувшись вто-

ричному полицейскому исправлению и видя, что не остается более средств к упорству, стали один за другим записываться на упомянутую и утвержденную высшим правительством угольную меру, так и на повиновение к своему начальству, наконец, по написании сего рапорта, кроме малого числа углепоставщиков, все прочие подписались. Но водворится-ли на следующее время по сему должное спокойствие и будут-ли углепоставщики выполнять в точности свои обязанности, контора никакого заключения учинить еще не может, потому более, что сия покорность или согласие учинены ими при заботах находящейся в здешнем заводе воинской команды».

Сами поставщики описывают весь ход «полицейского исправления» иначе. Это будет видно из нижеприводимого их прошения.



Холодное оружие горной стражи.

Но и после «вторичного полицейского исправления» некоторые углепоставщики остались непреклонными. Об этом Любарский говорит:

«Некоторые из общества, числом до 17 человек, остались и за сделанным полицейским побуждением по закоренелой грубости своей непокорными, а посему из них пять человек *, замеченные явными возмутителями всего общества, дабы и в более слабых умах не посевали разврата и убийства, господами наследниками Зеленцовыми удалены в город Екатеринбург для содержания их в тюремном замке впредь до решения об них начальством дела. Оставшиеся же 10 человек отданы, по воле тех же наследников Зеленцовых, под полицейскую стражу».

10-го февраля некоторые углепоставщики привезли в завод уголь и сдали до 80 коробов по мере, существовавшей при Демидове. Между тем, остальные, «из числа возмутителей, около 300 человек, представили меру короба, данную им в 1824 году от владельцев Зеленцовых, и требовали, чтобы уголь был принимаем по ней. Получив отказ, они сдачу угля остановили».

---

* Иван Моксупов, Захар Утюмов, Самойло Утюмов, Михей Завиралов и Семен Баранов.

По приказанию полковника Костырко к представленной «возмутителями» мере был приставлен воинский караул. Углепоставщики подумали, что их меру хотят увезти. Они подняли большой шум и оказали сопротивление: вывернули от саней оглобли, набрали камней и стали бросать в карул, не причиняя, однако, никому вреда. Наконец, они снова подтвердили, что возить и сдавать уголь согласны только своей мерой, а не мерой господ Демидовых.

Вследствие этого были арестованы еще шесть человек, а 30 человек снова приведены полицейским побуждением к повиновению».

Костырко, видя, что движение не затихает, потребовал усиления отряда до 300 человек.

Но военное начальство того времени давало воинские команды весьма неохотно: штаты постоянных инвалидных и этапных команд были невелики, а требования на них—большие: всюду, заводы волновались и везде надо было содержать военные отряды. Поэтому неудивительно, что в ответ на требование Костырки о присылке войск в Ревду и Шайтанку, дежурный генерал 8-го корпуса внутренней стражи Портнягин недовольно писал: «Тут потребны одни благоразумные завододержателя меры для восстановления между спорящихся тишины, а не воинская команда».

Советник Любарский, с своей стороны, так характеризовал последующие события в Ревде:

«Поелику же между тем, многие из углепоставщиков, приходя в мою квартиру, лично мне об'являли на поставку угля прежним демидовским коробом согласие и просили имена свои записать, а от меня при сем внушаемо им было, что в случае дальнейшего их неповиновения непременно и в скорейшем времени приведена будет сюда воинская команда в наибольшем количестве, тогда непокоряющиеся усмирены будут уже военною рукой, со стороны г. г. наследников Зеленцовых в сие же время к обузданию главнейших возмутителей принята строгая мера. Сии два обстоятельства настолько на умы углепоставщиков подействовали, что на другой же почти день и в последующие за тем беспрестанно являются ко мне лично и в заводскую контору с покорностью, каковых уже и записано более 200 человек—и все они начали поставлять уголь по прежней демидовской мере; то по сему требование прибавок воинской команды для усмирения углепоставщиков, по общему моему с г. полковником Костыркой рассуждению, оставлено и остается теперь только политическим видом.

При том же, сего февраля в 16-е число, дабы сколько-нибудь привести в разум колеблющихся углепоставщиков, я, г г. полковник Костырко, маркшейдер Селянин, прикомандированный

от Екатеринбургского земского суда заседатель Аврамов и из наследников коллежский секретарь Алексей Зеленцов, собравшись на заводскую плотину при множестве углепоставщиков, произвели коробьям, коим они поставляли при заводосодержателе Демидове и при начале управления Зеленцовыми до декабря 1824 года уголь, подробное измерение, которое открыло, что оные сделаны во всем сходно с положением бывшего генерал-прокурора князя Вяземского. А теперь короб, коим поставляли уголь углепоставщики с декабря 1824 года, оказался менее целой четвертью. При самом сем случае удовлетворены углепоставщики на опыте, какой именно должен быть короб для возки угля и, сознавшись, что они сею же мерою и наперед сего до 1824 года возили уголь, начали сдавать оной уже по тем выверенным коробьям, что и теперь продолжают без ропота.

Однако же, за всем тем о всеобщей тишине, чтобы она во всех углепоставщиках была поселена, утвердить еще не можно».

Из числа арестованных 6-го февраля «бунтовщиков» заводская контора, «с согласия самих господ наследников Зеленцовых», постановила шесть человек отдать в рекруты для того, «чтобы заупрямствовавшие люди не могли вовлечь и других в свое неистовое заблуждение». Но горное правление не согласилось с этим и предписало, как их, так и тех шестерых, которые содержались при полиции в Ревде, направить в екатеринбургский тюремный замок и предать уездному суду.

Между тем, эти 6 человек, содержавшиеся под арестом в Ревде, успели уже изъявить покорность и согласие на принятие указанной меры, почему и были, «по преклонным их летам», из под ареста освобождены и исполняли свои работы.

Вся масса углепоставщиков, хотя внешне и успокоилась после свирепого «полицейского исправления», но не оставляла мысли как о своей, завоеванной ими в 1824 году мере, так и о справедливом разборе своих жалоб.

В начале марта углепоставщики снова сделали попытку подать жалобу горному начальнику екатеринбургских заводов.

Жалоба была написана от имени доверенного общества Марка Щукина, сидевшего уже в то время в Екатеринбургской тюрьме. Составлена она была мастеровым Полевского завода Василием Кирьяновым и скреплена мастеровым того же завода Егором Медведевым. Двое скрывшихся из завода еще в декабре углепоставщиков—Яков Юдин и Парамон Дрягин, о розыске которых заводской конторой была сделана публикация, вызвались доставить жалобу горному начальнику.

Горный начальник жалобы от «прошателей» не принял, а их самих передал в руки полиции для отсылки в Ревдинскую управу благочиния.

Прошение же окольными путями попало в распоряжение заводской конторы, которая направила его исправнику со следующей припиской:

«Сего 7 марта к служителю Филимонову пришла жена Михаила Белоусова и показала ему две бумаги: беловую и черновую от Марка Щукина на имя горного начальника. А как означенные бумаги есть совершенно несправедливы и содержат в себе дух кроющейся непокорности и разврата и как они должны быть поданы горному начальнику присланными нынче из Екатеринбургской городской полиции углепоставщиками Яковым Юдиным и Парамоном Дрягиным, а не Щукиным, который содержится в тюремном замке, просит предать виновных законному суждению».

Прошение углепоставщиков весьма интересное, в отношении слога, ценно прежде всего потому, что оно—единственное в деле изложение происходивших событий устами самих углепоставщиков, притом не под угрозой розог и палок, а в сравнительно спокойной обстановке. Интересно сопоставить также заключающееся в нем описание экзекуции с мягкими выражениями официальных донесений.

Вот текст этого прошения:

«Его Высокоблагородию Г-ну Екатеринбургского уезда Горному Начальнику Осипу Самсоновичу,

ревдинского г.г. Зеленцовых Завода крепостных его крестьян доверенного обществом такового-ж Марка Галактионова Щукина.

Об'яснение.

Во-первых, приходя доверители мои к управителю Василию Александровичу Селянину четыре человека с своих обидах, которых за их просьбу бил нещадно и своеручно, чтоб его не просили ни о чем, так как будуче работали всю зиму без всякой платы, почему видя сие напрасное притеснение, и напротив его приходя к его же дому около 50 человек просить законное основание и удовлетворение, но он даже и в ограду не впустил ни одного человека и никакого ответу не дал; и дожидаясь тут день весь, с тем и ушли от его дому, напротив сего нашего прошения вытребовал он команду, яко-бы мы бунтуем, на каковое его требование и сошлась команда войска, а не знали для чего и с ней г. г. советник Любарский и полковник Костыркин и призвав кучного штату крестьян около 350 человек и перебили бесчеловечно, а неизвестно за чего именно, что и не один человек не пошевелил его, став на колена и до одного человека с коленей брали и били, и хотя бы и точно они были виноваты, то-б надо бы прочитать указ его императорского

величества, коим ничего не об'явя, а били такими бадогами, что человеку несносны, которые были длиною шесть четвертей, толщиною оные в комлю толще половины вершка. Между тем приходя в завод управляющий оным заводом и не дав работать углепоставщикам, а после опровергая якобы о самовольной своей воли не стали работать и через сие самое приводит их в претензию и теперь имеют над ними великое притеснение, но они не сами собой остановлялись, а заводское начальство запретило работать и теперь прибивают к подписке на большую меру и ежели не пойдут к подписке, то не дают хлеба и вторично бьют опять бесчеловечно. Когда человека выбьют из памяти и сами подписывают руки и еще между тем некоторых оприсяживают *, а неизвестно почему и на ответы доверителей моих опорочивают вас, что вы за нас заступали и таким образом говорят, что он и сам за вас заступил за то в Сибирь сослан под наказание. А кто именно: 1. Приказчик Иван Васильев Котошников, 2. Иван Лебедев и 3. Служитель Николай Кадников и тут подтвердил их Яков Митрофанов Юдин, который может на их показать кто с ним был и за сии его подтверждения теперь хотят захватить и привязать к лесине тут, чтобы и остыл, чего убоясь отступил от своего дому, а на хозяйство его хлеба не дают; и еще из того же штату такие делают притеснения, что которые и точно были в Екатеринбурге, а теперь подписались словохотно на большую меру и народ тем притесняют ездят во все селения имают и вяжут представляют в завод а кто именно: 1. Димитрий Сарафанников, Федор Рукавишников, Конон Рукавишников, Семен и Меркулий Бельковы, Иван Кириллов Долганов, Иван Васильев Гусев и Василий Мелков.

А потому об'ясняви Вашему Высокоблагородию сим всепокорнейше прошу сделать законное защищение и в нечаянном безвинном битие учинить свое распоряжение и удовлетворение. февраля 29 дня 1826 г. Вместо Марка Щукина Егор Медведев».

5-го апреля, пойманные доверенные были доставлены в Рединский завод и заключены под стражу, а 7-го апреля перед управой благочиния собралось до 70 человек углепоставщиков и требовали освобождения арестованных, говоря, что они посланы были от всего миру. Однако, после убеждений в незаконности сборища и бесполезности их просьб углепоставщики разошлись.

20-го апреля жители деревни Краснояр, принадлежащие к цеху углепоставщиков, были вызваны на экстренную работу по спуску на воду бревен для сплава. Вызванные явились, но работали вяло. А так как 22-го числа был праздник, то углепоставщики заявили, что в этот день они не будут работать.

---

* Т. е. приводят к присяге.

Между тем вода в реке спадала, и успеху сплава грозила серьезная опасность. Надзиратель Тяжелов начал принуждать к работе. Тогда один из углепоставщиков—Гаврило Дрягин бросил лесотаскательным крюком в надзирателя и сильно ушиб его. Остальные поставщики, бросив работу, раз'ехались по домам.

Заводская контора представила список 77 «зачинщиков», прося прислать команду. Восемь человек главных зачинщиков были доставлены в завод и приведены к покорности мерами «полицейского исправления». С них была взята подписка, что при малейшем притоке воды лес будет приплавлен.

С апреля 1826 года на заводах водворилось относительное спокойствие. Но из опасения повторения «бунта» воинская команда с завода не уводилась.

Горное начальство держалось настороже. В августе 1826 года уездный суд обратился к екатеринбургскому горному начальнику с предложением передать содержавшихся уже более полугода в тюрьме «зачинщиков» на монетный двор для горных работ или на Березовские золотые промыслы. Но горный начальник Осипов ответил решительным отказом: содержание «зачинщиков» на работах было признано опасным.

Приблизительно до марта 1826 г. все дело о Ревдинском бунте велось горными властями. Вскоре после февральской порки углепоставщиков в завод приехал Пермский гражданский губернатор Тюфяев. 9-го марта он собрал через исправника неповинующихся углепоставщиков. Явилось 22 человека, которых губернатор подробно опрашивал. 11-го марта к квартире губернатора прибыла большая толпа углепоставщиков, захвативших с собой на этот раз и свою меру короба. Мера эта была губернатором проверена, при чем разница между старым и новым коробами определена в 2 пуда. Затем губернатор увещевал углепоставщиков повиноваться начальству. Толпа мирно разошлась.

Горное начальство ревниво оберегало свои права на заводах и немедленно запросило Тюфяева: на каком основании и по какому поводу он действует на заводах Зеленцова?

Губернатор ответил: «Если бы не имел права и причины, то и не собирал бы сведения». Вслед за тем он затребовал от заводской конторы и исправника злополучный указ горного правления от 25 июня 1825 г. о введении короба пермской меры.

Вскоре департамент сообщил, что о ревдинских событиях доложено царю, и тот распорядился «гражданскому губернатору, буде дело сие не окончено, самому лично отправиться на завод и о всех обстоятельствах донести мне в собственные руки».

8-го июня 1826 г. комитет министров, заслушав доклад о событиях в Ревде, нашел, что «для прекращения дальнейших затруднений по управлению ревдинскими заводами могло бы служить ближайшим средством скорейшее окончание произ-

водящейся тяжбы между Демидовым и Зелеповыми о заводах». Но так как еще в 1824 году состоялось «высочайшее повеление» о рассмотрении этой тяжбы вне очереди, то комитет министров полагал предоставить дальнейшее течение дела суду.

Пермскому горному правлению за его вмешательство в действия губернатора было сделано, по представлению комитета министров, «высочайшее» внушение.

13-го апреля, еще до решения дела уездным судом, владелец завода Алексей Зелепцов просил сослать в Сибирь главнейших бунтовщиков:

«...Из коих главнейшие зачинщики к возмущению и неповиновению суть: Григорий Сахаров, Иван и Никон Медведевы, Марко Щукин, Михей Завиралов и Иван Мокеунов,—они первые посеяли дух к неповиновению, употребляя всевозможные дерзости как к местному начальству, так и лично мне самому; из своего же сословия кучекладов, которые с ними не соглашаются, вынуждали угрозами и дерзкими побоями последовать их примеру. Дерзость сих людей простекает даже до того, чтоб выбить двери в мои комнаты и разбить окошки».

«Как владелец, я должен бы был беречь людей, но сии люди, как мне самому лично известно, есть совершенные возмутители и вреднейшие для заводов, при коих если оные будут оставлены, то нельзя ожидать, чтоб спокойствие и тишина могли быть возвращены; даже и личное пребывание наследников подвергнуться может опасности. Зная сам совершенно буйный и неблагонамеренный характер сих людей, я в необходимости нахожусь всеподданнейше просить от лица всех наследников Зелеповых, для соблюдения впредь спокойствия и тишины от заводских, вышеупомянутых шесть человек, как вреднейших и главнейших возмутителей,—каковое бы о них в Екатеринбургском уездном суде поставление сделано ни было, в завод Ревдинский не обращать, а отослать на поселения, как для примера прочим, так и для водворения всегдашнего спокойствия и безопасности».

К прошению приложен «регистр главным начинщикам к возмущению и неповиновению из углепоставщиков Ревдинского г.г. наследников Зелеповых завода», в котором помещены характеристики зачинщиков:

1. Григорий Сахаров.	Первые начинщики возмущения. Дерзкими поступками и непокорностью своему начальству чинили угрозы и насильственные требования, к каковым наставали и прочих углепоставщиков, а которые не хотели им последовать, таковых били без пощады; собирали с углепоставщиков деньги и оными расходовали.
2. Иван Медведев.	

3. Никон Медведев.
4. Марко Щукин.
5. Сидор Голубятников.

Явные возмутители, которые при об'явлении указа Пермского Горного Правления от 4-го числа октября 1825 года углепоставщикам, были первые, из'явившие неповиновение к выполнению оного, удержав и прочих от того исполнения. Сверх того, участвовали в сборе с углепоставщиков денег и оными расходовали. Щукин же большею частью, оставляя свою обязанность, самовольно отлучался от завода для писания прошений.

6. Михей Завиралов.
7. Иван Моксунов.

С Сахаровым и Медведевым были в одном согласии, и главными руководителями и неповинующими указу Пермского Горного Правления, а Моксунов, будучи с углепоставщиками в церкви, для взаимной клятвы друг друга не выдавать, и сверх того в 6-е число февраля при об'явлении указа г. советнику Любарскому оказывал совершенное неповиновение и грубости.

Глава IV.

Размеры заработка углепоставщиков, их оклады и задолженность заводоуправлению.—Примерный расчетный листок углепоставщика Якова Толченова.—Кабала рабочих.

Для выяснения обстоятельств, доведших углепоставщиков до открытого бунта, весьма показательны сохранившиеся в архивных делах данные о заработке углепоставщиков, их окладах и задолженности заводской конторе.

Заводская контора составила особый список о задолженности главнейших зачинщиков бунта. Список этот должен был служить вящим доказательством их лености и нерадивости.

К моменту начала беспорядков числилось за:

Парамоном Дрягиным	880	р. 92	к.
Григорием Сахаровым	682	» 67	»
Иваном Козыриным	613	» 16½	»
Марком Щукиным	454	» 26	»
Сидором Голубятниковым	519	» 46½	»
Тимофеем Кузнецовым	996	» 87	»
Самойло Утюмовым	537	» 82	»
Захаром Утюмовым	186	» 41	»
Семеном Барановым	521	» 35	»

Официальная справка заводской конторы о среднем заработке «годного» работника гласит: «Сею работою (рубка леса,

выжег угля) годный работник, исполняющий оклад в течение летних и осенних месяцев, зарабатывает от 90 до 100 рублей и более, да в зимнее время возкою угля от 65 до 90 и более». Если сопоставить эти цифры с суммой задолженности, например. Гимофея Кузнецова, то выйдет, что его *задолженность была раз в шесть больше его полного годового заработка.*

Нижеприводимые краткие выписки из представленных заводской конторой в суд многочисленных копий расчетных листков за 1824 год дают любопытный материал для характеристики тех же вопросов о размерах «оклада», заработка и задолженности:

1. Федор Савельев Рукавишников, 34 л. — оклад
Жена и трое малолетних детей. — 80 короб.

Долгу на 1815 год — 38 р. 88 к.
» » 1824 » — 222 р. 92 к.
Уплатил долгу в 1824 году 18 р. 71 ¼ к.

2. Иван Ерофеевич Емельянов, 54 лет. — оклад
Жена, сын Андрей—25 лет.
девки—2, 17 и 15 лет,
сын—2-х лет. — 80 короб.

Долгу на 1815 год — 390 р. 63¾ коп.
» 1824 » — 629 » 66½ »
Задолжился в 1824 г. — 6 р. 85½ »

3. Яков Степанович Пороссенков, 52 л. — оклад
Жена 53 года — 60
Иван 17 лет; Жена (17 лет). — 35
Трофим 14 лет. — 10 кор.

Долгу на 1815 год — 222 р. 11 коп.
» » 1824 » — 517 » 16¼ »
Прибыло в 1824 году долгу 8 р. 54 »
Общий годовой заработок 338 р. 30 »

4. Назар Савич Рукавишников, 50 лет.
Жена 49 лет.
дети: Савелий 23 лет (жена и сын 1 г.).
Андреян 22 л. (жена, сын 1½ г. и дочь ½ года). — оклад
Сергей 19 лет.
Акакий 16 »
Андрей 14 »
Платон 11 »
Яков 8 »
Ульяна 18 » — 260 короб.

Долгу на 1815 год — 263 р. 57 коп.
» » 1824 » — 681 » 27½ »
Уплатил в 1824 » долгу 42 » 41¼ »

5. Никита Потапов Воронов, 50 лет. } оклад
Жена и дети: сын — 23 женат
» 19 лет.
3 дочери—13, 9 и 7 лет. } 280 короб.

Долгу на 1815 год — 108 р. 82 к.
» » 1824 » — 544 » 42¾ к.
За переработку сверх оклада по уменьшенной мере 218 р. 42½ коп.
Уплатил за 1824 год долгу 37 р. 90 коп.

Общий годовой заработок (3 чел.)—674 р. 43½ к.
получено хлебом — 205 руб.
» деньгами — 340 »
остальное—материалом.

6. Никита Осипов Кузнецов, 64 лет (караульщик): } Оклад
Жена — 61 года,
сын — 37 лет, жена его и дети: } 90 короб.
сыновья — 12 и 4 лет.
дочь — 10 лет и ½ года.

Долгу на 1815 год — 99 р. 72¾ к.
» » 1824 » 673 » 14¾ »
Заработал в 1824 году еще 11 р. 43¾ к.
Работали двое: отец караулил в куренях и возил дрова.
Общий их заработок 416 р. 73. коп.

Возьмем, например, Назара Рукавишникова. В семье его было много работников, и он уплатил за год в погашение долга наибольшую сумму—42 р. 41¼ коп. Но и он, находясь в сравнительно благоприятных условиях, *смог бы погасить свой долг такими взносами в течение не менее 16 лет.*

Все эти данные показывают наглядно в какой безвыходной кабале у заводчиков находились ревдинские углепоставщики.

Оклады, налагавшиеся на углепоставщиков, выражались, по свидетельству заводской конторы, в следующих цифрах:

«Окладная угольная работа по здешним заводам определяется ежегодно на следующем основании: на годного и мощного работника по 90, на столько мощного — от 80 до 60, превосходившего 50 лет—от 50 до 40, а на достигших до 60 лет, так равно и малолетки от 14 до 16 лет, при отцах и братьях находящихся,—

от 5 до 30 коробов, каковой расклад чинится с большим рассмотрением соответственно силам и возрасту, дабы одного не облегчить, другого не отяготить работой».

За выжег угля из дров своей рубки платилось: углепоставщикам «исправным», т.-е. выполняющим наложенный на них оклад полностью, по 1 рублю; «неисправным»—по 80 коп. с короба. За переработку сверх оклада—по 1 р. 50 к. за короб. причем эта переработка не зачислялась в уплату долга.

За рубку дров, возку угля в завод и другие побочные работы платилось особо.

Весь характер взаимоотношений тогдашних работодателей—рабовладельцев и их рабов иллюстрируется нижеприводимой копией расчетного листка углепоставщика Якова Толченова.

6. Степан Абрамов Толченов 69 лет. (Караульщик).
Дети: Михайло 24 лет. Жена его Марья—42 л. сыновья 2 л. и 1 г. — Оклад
Скота имеет: лошадей 2, коров— 1, нетелей 1, овец — 5 — 80 короб.

м-ц число.	Выдано:	Деньгами р.	к.	Хлебом р.	к.
	Долгу по ноябрь 15 г.	254	31½		
	» по каравану 1824 г.	227	13¼		
1824 г.	С каравану задано:				
Март 30	Хлеба 4 пуда 20 фун.	—	—	4	95
Апр. 14	Соли 5 фун.	—	25	—	—
» 26	Хлеба 4 пуда 20 фун.	—	—	4	95
	Соли 9 фун.	—	45	—	—
29	Хлеба 2 пуда.	—	—	2	20
	Соли 2 фун.	—	10	—	—
Мая 27	Хлеба Степану 2 пуда	—	—	2	20
	Соли 2 ф.	—	10	—	—
24	Хлеба 5 пуд.	—	—	5	50
Июня 21	Хлеба 1 » 10 фун.	—	—	1	37½
	Соли 5 фун.	—	25	—	—
24	Хлеба Степану 2 пуда.	—	—	2	20
	Соли 2 фун.	—	10	—	—
28	Хлеба 5 пуд.	—	—	5	50
	По росписе на харч.	4	—	—	—
Июль 22	Хлеба Степану 2 пуда	—	—	2	20
	Соли 2 фун.	—	10	—	—
26	Хлеба 2 п. 20 фун.	—	—	2	75

Авг.	2	Литовка 1 шт.	2	—	—	—
		Соли 5 фун.	—	25	—	—
	9	Хлеба 1 пуд 10 фун.	—	—	1	37½
	16	» 2 » 20 фун.			4	95
		» 2 » (Степану). . . .				
		Соли 2 фун.	—	10	—	—
		За жжение кученка	1	50	—	
		Рукавицы одне	1	10	—	—
	30	Хлеба 2 п. 20 фун.		—	2	75
		Соли 5 ф.	—	25	—	
Сент.	13	Хлеба 5 пуд.			7	70
	15	» 2 » (Степану) . . .				
Окт.	6	По росписе на харч. . .	2			
	11	Хлеба 5 пуд.	—	—	5	50
		Деньгами на соль . . .	—	39	—	
	14	Хлеба 2 пуда (Степану) . .	—	—	2	20
Нояб.	7	» 1 » 10 фун.	—	—	1	37½
	8	По росписе под угольну . .	2	40	—	
	11	Хлеба 2 пуда (Степанову) . .			2	20
		Деньгами на соль	—	30	—	—
	10	Овса 2 пуда 20 фун. . . .	—		1	50
	16	Хлеба 5 пудов	с ло-		8	25
		Еще 2 пуд. 20 фун.	шадью.			
Дек.	1	Хлеба 5 пуд.			15	
		» 9 » лошаде . . .				
		Рукавицы одне	1	20		
	8	Рукавицы (Степану)	1	10	—	—
	11	Деньгами на соль		25		
		Хлеба 1 пуд 20 фун. . . .	—	—	1	50
	17	Деньгами на соль	—	10		
	20	За накладку кученка . . .	1	50		
		Двух барабанов 2 п. 20 ф. .	2	76¼	—	—
		За квартирные дрова	3	—	—	—
	28	Деньгами на хлеб	—	80		
1825 г.						
Янв.	1	Хлеба 3 пуда 20 фун. . . .			7	65
		» 5 »				
		На соль деньгами	—	35	—	—
	16	Деньги под возку угля . . .	10	—		
		Хлеба Степану 2 пуда	—		1	80
	31	Деньгами на хлеб лошадям .	4		—	—
Фев.	1	Хлеба полтора пуда			2	
		» еще один »				
	5	По росписе под угольную . .	4	75	—	—
		Под возку дров деньгами . .		80		

	12	Хлеба лош. 2 п. 20 ф.	—	—	2	—
		Овса 5 пудов	—	—	2	40
	14	Хлеба 2 » 20 ф.	—	—	2	—
		Соли 5 ф.	—	27½	—	—
	15	Хлеба Степану 2 пуда.	—	—	1	60
	20	Соли 2 фун.	—	11	—	—
Март	1	Хлеба 2 пуда 20 фун.			4	—
		Лошади 2 » 20 »				
		За подковы	—	50	—	—
		Овса 5 пудов	—	—	2	40
	15	Хлеба 2 » 20 ф.			4	40
		Степану 3 »				
	21	Соли 4 фун.	—	—	—	20
	30	По росписе деньгами	—	50	—	—
		» » Степану	—	50	—	—
Апр.	20.	За переработку угольную	55	20	—	—
	30	» »	19	75	—	—
		» »	4	50	—	—
		» »	10	95	—	—
		Соли 5 фун.	—	25	—	—
					257 р.	93¾ к.

Заработка:

В мае Степану за караул при пильной	4.	р. 50	к.
» июне » » » » »	4	» 50	»
» июле » » » » »	4	» 50	»
Августе » » поделку при заводе	4	» —	—
» Михайлу за жжение и ломку куч	3	» 7	»
Сентябре за привоз угля 56¼ кор.	27	» 28	»
» Федору Голубятникову	—	— 33	»
Дек. Мих. за рубку и привоз дров	3	— —	—
» Степану за поделку при заводе	4	» 40	»
« За привоз угля своего	6	» 79	»
» » » »	9	» 21½	»
» » » »	7	» 64	»
Янв. Степану за поделку	9	» —	—
Февр. За привоз угля своего	8	» 61	»
» » » »	1	» 57	»
» » » »	4	» 28	»
» привоз на конюшню сена	4	» 30	»
» рубку и жжение	—	— 80	»
» излишек сверх оклада	55	» 31¼	»
» » »	19	» 68¾	»
» » »	4	» 50	»
Степану за караул	9	» —	—
	280	р. 30	к.

Долгу по каравану 1825 г. за уплатою 22 р. 36¼ коп. 204 р. 65 к.

Примечание: по сему расчетному листу углепоставщик Михаил Толченов получил за переработанный уголь в трех отделениях за 53 короба по 1 р. 50 к. . 79 р. 50 к.
За три сажени кв. дров по 1 р. 50 к. . . 4 р. 50 к.
За провоз на конюшню сена 26 п. по 5 к. 1 р. 30 к.

Из записей этого листка прежде всего видно, что Яков Толченов был одним из «исправных» работников: он не только выполнил наложенный на него оклад, но сверх того и переработал целых 53 короба. Это дало ему возможность уплатить конторе за год 22 р. 36¼ коп. долгу, что составляло около 10% всего его долга.

Но у него были исключительно благоприятные условия: старик-отец сам обрабатывал свой хлеб, семья небольшая, причем дочь и сноха, очевидно, работали, но оклад на них не накладывался.

Глава V.

Константин Криночкин.—Тяжба заводчиков Зеленцовых с бывшим заводовладельцем Демидовым.—Хищническое ведение дела Зеленцовыми.—Демидов в роли заступника за рабочих, эксплоатируемых Зеленцовыми.—Неожиданный главный зачинщик бунта.—Новое проявление «неповиновения» в Ревдинском заводе.—Арест Криночкина и предание его суду.—Екатеринбургский уездный суд оправдывает Криночкина.—Отмена оправдательного приговора горным правлением.—Пересмотр дела и осуждение Криночкина.

В конце 1825 года видное место в истории ревдинской борьбы занимает бывший крепостной Зеленцовых, отпущенный на оброк,—Константин Криночкин. В том же 1825 году он был назначен полковником Демидовым в качестве своего представителя в управлении Ревдинскими заводами.

Дело о Криночкине рисует нам закулисную сторону событий. Для большей ясности необходимо начать с небольшой исторической справки.

Коллежский ассесор Зеленцов купил в 1808 году Ревдинские заводы у тайного советника Демидова и в то же время заложил купленные заводы тому же Демидову в сумме 1.280.000 рублей с обязательством выплачивать ежегодно до 1815 года по 160 тысяч рублей.

В 1810 году Зеленцов почему-то прекратил выплаты. В 1815 году, с истечением срока закладной, Демидов должен был вновь вступить во владение заводами, но отказался вследствие расстроенного их состояния и накопления на них долгов.

Между тем, Зеленцов вчинил иск к Демидову за якобы неправильно показанное последним при продаже количество принадлежащей заводам земли. Возникло затяжное судебное дело, при чем сумма взаимных претензий обоих сторон достигла громадной по тому времени суммы—около двух миллионов рублей.

Естественно, что Зеленцов и его наследники не могли при таких условиях считать заводы своим прочным владением и вели хищническое хозяйство, весьма мало заботясь о развитии заводов и их правильной эксплоатации.

Полный упадок заводского дела констатировал в 1823 году и комитет министров, рассматривавший вопрос о продаже заводов по жалобе одной из главных наследниц Зеленцова—княгини Бейбулатовой.

Продукция железа, выражавшаяся в момент перехода заводов к Зеленцову в 305 тысяч пудов в год, постепенно падала, достигнув к 1813 году всего 139 тысяч пудов.

«Работа—говорится в постановлении комитета министров от 4 октября 1823 г.—производится не капиталом Зеленцова, а, собственно, казенным; что по несостоятельности Зеленцова не только нельзя ожидать помощи его заводам, но неминуемо последует совершенный упадок и разорение оных».

Комитет министров решил передать заводы в казенное управление, назначив управляющим искусного и надежного чиновника, а Демидову предоставить право назначить в управление заводов своего уполномоченного.

Волнения, возникшие в заводах, каждая сторона старалась использовать в своих интересах, как средство для подкрепления собственных претензий.

При этом, разумеется, не брезгали никакими средствами вплоть до выступления в роли защитников... рабочих интересов. Вот, что писал, например, заводчик полковник Демидов в своем прошении департаменту горных и соляных дел 1 января 1827 года:

«...Родитель наш тайный советник Петр Демидов 7-го ноября 1825 года передал нам право своего иска с наследников коллежского ассесора Зеленцова.

«Процесс сей мы приняли из сожаления к воплю 12-ти тысяч душ обоего пола, поступивших с заводами безвозмездно к незаботящимся о благе их владельцам».

«Люди сии по случаю нетерпимых стеснений и через неполучение за работы многих тысяч рублей лишены способов поддерживать свое существование, испытав всю нужду и потеряв все терпение, вынуждены были, наконец, в июне 1826 года, оставя работы свои в числе 800 человек, требовать у г. Селянина,

управляющего заводами с казенной стороны, и г.г. Зелиповых денежного удовлетворения, но г.г. Селянин и Зелинцовы, не опасаясь строгого от правительства за сие взыскания, не хотели удовлетворить справедливые требования заводских людей, чем подали им повод к отыскиванию своего права».

Далее, Демидов просит ввести его во владение заводами и отстранить управляющего Селянина, назначив нового.

В августе 1825 года в Петербург явился отпущенный на оброк крепостной крестьянин Ревдинского завода Константин Криночкин. Прибыл-ли он по личным делам, или по вызову Демидова--на это в деле определенных указаний нет.

Так или иначе, Криночкин явился к Демидову и передал ему материалы, относящиеся как к общему состоянию заводов, так и касающиеся бунта углепоставщиков. Вполне возможно, что, уезжая из Ревды, Криночкин дал понять углепоставщикам, что их положение с переходом заводов к Демидову может улучшиться.

Во всяком случае, в основание жалобы Демидова на Зелинцовых легли, повидимому, сведения, сообщенные ему Криночкиным.

В октябре 1825 года истек срок «плакатного паспорта», выданного Криночкину ревдинской управой благочиния, и ревдинская заводская контора не замедлила сделать публикацию о розыске и возвращении Криночкина на место его жительства. Но Демидов выхлопотал Криночкину отсрочку и назначил его своим представителем в заводском управлении. Департамент соляных и горных дел согласился на это.

Между тем в Ревдинском заводе снова начинались волнения, и местное начальство было озабочено отысканием главных зачинщиков бунта. Неожиданно в число их попадает и Криночкин.

15 января 1826 года куренный надзиратель Кадников донес заводской конторе, будто «известился он от многих людей, что в народных собраниях углепоставщиков рассеваются толки, что бывший служитель Криночкин уехал по их просьбе в Петербург для принесения жалобы на местное свое начальство и исхлопотания им за все работы больших плат, коего ожидают с нетерпеливостью.»

Из этого Кадников делал вывод, что Криночкин и есть главный зачинщик бунта.

То же подтвердил и приемотрщик за приемкой угля Тяжелов. Он добавил еще, что углепоставщики потому не соглашаются на прежнюю угольную меру, что ждут возвращения Криночкина. Такие разговоры Тяжелов слышал-де от находившихся в тюрьме зачинщиков.

Такие сообщения были получены заводской конторой и от присмотрщиков деревни Краснояр.

Эти сообщения, хотя и основанные целиком на слухах, дали Зеленцовым повод протестовать против совершенно нежелательного для них назначения Криночкина. В то же время острие следственного производства о бунте направляется против Криночкина. Вопрос об его подстрекательстве усиленно выдвигается все время Зеленцовыми и их приспешниками, которых Криночкин беспощадно разоблачает.

В прошении министру финансов от 15 февраля 1826 года купец Степан Зеленцов формулирует вину Криночкина и обосновывает свой протест против его назначения в управление заводами:

«... узнал он, Зеленцов, что означенный Криночкин по просьбе полковника Демидова, допущен (неизвестно по какому поводу и для какой надобности) быть со стороны сего последнего поверенным при казенном управлении их заводами. Обращаясь к лицу избранного соперником их поверенного Криночкина, сильное упадает на него подозрение по известному на Ревдинском заводе и поныне продолжающемуся возмутительному буйству большой партии рабочих людей из цеха кучекладов и углевозчиков, в числе которых по следствию открыты участвовавшими двое Криночкиных, может быть, родственники той же фамилии поверенного, к тому же самому цеху принадлежащего, внушениями коего, судя по ныне открывшимся собственным его дерзостям и злонамеренности против своих владельцев; вероятно и помянутое возмущение рабочих возникло и до такой простерлось степени, что и начальственные предписания Пермского горного правления недостаточны были обратить их к должному повиновению власти».

Указав далее, что влияние «сего крестьянина» продолжает все время сказываться на рабочих, для усмирения которых потребовался вызов войск, Зеленцов продолжает:

«При толь важных стечениях нельзя не ожидать, что упомянутый Криночкин, получив от соперника их в качестве поверенного не только значительное между собратий своих и силу, но даже почти равновесие с его господами, приобретет ближайшую возможность питать каждое их покушение и, подстрекая воспаленные буйством глупые умы рабочих, в состоянии будет вредить им, Зеленцовым, и казне до совершенного расстройства заводов».

В заключение, Зеленцов ссылкой на законы доказывает, что Криночкин, как крепостной, не имеет права быть доверенным Демидова. А так как, по его, Зеленцова, сведениям, Криночкин выехал уже из Петербурга в Ревдинский завод, то он и просит предписать Пермскому горному правлению по прибытии Кри-

ночкина в Пермь или в завод, удалить его в «безопасное место», пока не улягутся волнения рабочих. Самого же Криночкина «обратить в полное ведение и подчинение заводской конторы и управляющему с казенной стороны чиновнику».

26-го февраля полковник Костырко донес в сообщении Любарскому, будто в заводе открылось еще 31 человек неповинующихся. Новое проявление «неповиновения» об'яснялось, по сообщению Любарского, слухами о том, что Криночкин уже прибыл в Пермь и что с его приездом углепоставщики расчитывают на успех своего дела.

Разумеется, эти 31 «неповинующихся» были незамедлительно «приведены в повиновение полицейским побуждением».

В это время Криночкин, действительно, уже был в Перми. Он представил горному правлению доверенность, на основании которой и был допущен к управлению заводами вопреки настояниям Зеленцова, специально для этой цели прибывшего в Пермь.

Криночкин выехал в Ревду. Но в 30 верстах от завода, в селе Гробово, был арестован и под конвоем доставлен к дворянскому заседателю Аврамову, который продержал его 12 часов под строгим караулом в управе благочиния. Вещи и бумаги Криночкина были забраны и опечатаны.

Вслед за тем, Криночкин был привлечен к следствию по делу углепоставщиков. Все возводимые на него обвинения он об'яснил исключительно старыми счетами с заводским приказчиком (управителем) Лебедевым и происками Зеленцовых, стремившихся остаться полновластными хозяевами заводов.

Между тем, среди углепоставщиков укреплялось мнение о возможности перехода заводов от Зеленцова к Демидову и о возможном в связи с этим улучшении их положения. Разговоры по этому предмету делались известными заводской конторе и, естественно, усиливали убеждение в причастности к бунту поверенного Демидова.

Зеленцовыми были выдвинуты против Криночкина и обвинения по старой его службе в заводе: неправильные записи денежных сумм, нанесение побоев одному из сослуживцев и т. п.

Но, главными обвинениями, конечно, продолжали являться: подстрекательство к бунту и участие в нем, самовольная отлучка в Петербург, дерзость и неуважение к законным его господам—Зеленцовым.

Между прочим, куренной надзиратель Кадников донес заводскому управителю, что после поверки губернатором меры угольного короба среди углепоставщиков говорили: «Это нам не судья, а будет особый суд, который запечатанные у бывшего служителя Криночкина бумаги распечатает и нам сделает полное удовольствие».

Следствие по делу Криночкина велось явно пристрастно. В то же время Зеленцовым удалось добиться постановления горного правления о недопущении Криночкина к управлению заводами впредь до решения уездным судом его дела.

Понятно, что Демидов не мог помириться с таким оборотом дела и нажал пружины в горном департаменте. Последний стал на его сторону. Он нашел, что все обвинения против Криночкина основаны «на одних слухах, достаточно неутвержденных, во многом же опровергаемых событиями».

В силу этого департамент предложил горному правлению, не дожидаясь решения уездного суда, вновь рассмотреть вопрос о том, должен ли быть Криночкин удален с заводов.

Криночкин, защищался умело и энергично. В многочисленных своих показаниях и прошениях он разоблачал плутни заводской конторы и заинтересованность в исходе дела следственных и судебных властей и полиции.

В одном из своих прошений Криночкин обвиняет заводоуправление в прямых хищениях:

«С 1 ноября 1815 года по 1 мая 1821 г. получено доходов от заводов 1.601.891 руб. 23½ коп., из коих хотя заплачено ссудных в казну, переводных банку и проч. всего 950 тысяч рублей, но и за всеми платежами к 22-му году в остатке должно быть налицо не менее как 650 тысяч рублей, кроме тех еще доходов, которые с 1-го мая 1821-го года должны быть получаемы. Денег этих при заводах не оказывается и к доверителю моему не поступает. Прибыли—не истинны, а на бумаге».

Далее Криночкин сообщает небезынтересные сравнительные данные о размерах производства:

«До 1808 года завод Ревдинский был единственным в своем роде по действию из всех уральских заводов. Тогда в сутки в каждой доменной печи из тех же углей и руд, как и теперь, выплавлялось 960-1160 пудов чугуна, а в год до 450 тысяч пудов. Теперь выплавка пала до 650 пудов в сутки. От 100 пудов руды получалось ранее 58-63 проц. чугуна, теперь едва 50 пудов обходится»

Указывая, что самые богатые рудники выработаны хищнически и заброшены, а ближайшие леса вырублены «без всякого предусмотрения на будущее», Криночкин обвиняет управителя заводов Лебедева в том, что он, пристроив на все ответственные места в заводской администрации своих родственников, больше всего думает о собственном обогащении и меньше всего о благосостоянии заводов.

Разоблачая махинации заводских заправил, Криночкин не щадил и лиц административной власти.

Он подавал заявления о том, что заводский исправник Семянников * «друг и хлебосол» Зеленцова, что новый управляющий горный чиновник Викулов **, которому из-за болезни Любарского было поручено ведение следствия о бунте—родственник Зеленцова, что уездный судья Вулич состоит в большой дружбе с Зеленцовыми и даже держит у себя в услужении заводского крепостного Зеленцовых.

Упорное сопротивление Криночкина, в свою очередь, до крайности озлобляло его врагов. В одном из своих заявлений Зеленцов пишет о нем:

«Из'яснив дерзкие действия крепостного нашего Криночкина, которого все пронырства и дух ябедничества явственно доказывают самые его прошения. Разглашение же о поверенничестве его и что на заводы более имеет прав г. Демидов, есть, конечно, последствия прежних внушений, в заводских людях поселенных, чтобы всеми мерами расположить умы к неповиновению против законных владельцев и тем угодить г. Демидову.

«Из сего следует решить начальству: может ли Криночкин быть полезным заводам и носить имя усердного и покорного крестьянина, когда все просьбы его, так сказать, напитаны духом злобы, ябедничества и непризнавания законных владельцев за настоящих хозяев?

«Он есть корень зла, возродивший возмущение и неповиновение в людях. Разглашения его имели уже плоды—даже и до сих пор в деревне Краснояр направленные умы чтут в Криночкине своего защитника, тем более, что видят в лице его поверенного г. Демидова, в особенности потому, что, возвратясь из города и проживая здесь без всякого присмотра, вновь подал надежду сообщникам его думать, что он невинен, что дерзости, им оказанные против владельцев, остались ненаказанными, и что он может еще впоследствии быть их покровителем».

В заключение, Зеленцов просил арестовать Криночкина, судить его, а затем—каково бы ни было, решение уездного суда--отправить его в Богословские заводы ***.

29-го декабря 1826-го года уездный суд оправдал Криночкина во всех возводимых на него обвинениях и нашел, что он должен остаться в звании поверенного при заводах со стороны Демидова.

В заседании суда участвовали: горный член Мудров, заседатели Квашнин и Долматов.

---

* Сменивший умершего Штейнмана.

** Представитель казны в заводоуправлении, назначенный вместо отстраненного Селянина.

*** Богословские заводы служили в то время местом ссылки неблагонадежных и буйных элементов по решениям суда и по просьбе владельцев.

Решение свое суд постановил привести в исполнение, не представляя на ревизию горного правления.

Но горное правление, по жалобе Зеленцова, затребовало дело на ревизию. Найдя, что при постановлении приговора был допущен уездным судом ряд процессуальных неправильностей, горное правление предложило пересмотреть дело о Криночкине вновь в полном составе суда, т. е. с участием отсутствовавшего при первоначальном разборе по болезни судьи Булича, об отводе которого из за его тесных связей с Зеленцовым Криночкин еще ранее заявлял ходатайство.

Дело пересматривалось в екатеринбургском уездном суде 30 мая 1827 года. В журнале суда записано:

«По слушании выписки приказали по делу сему учинить следующее:

1) Крестьянина Криночкина, хотя бы и следовало по значущимся в оном обстоятельствам насчет таiного влияния на возмущение углепоставщиков, а также по пропуску записки денег в книге, на основании воинских процессов 2 части , 6 главы, 7 пункта и 17 главы 135 артикула,—оставить в подозрении, а за бесчеловечное битье крестьянина Смирнова, за ложный извет на следователей Викулова и Семянникова в утаiке докторского свидетельства и паспорта, за таковой же извет на г. уездного судью Булича в продержании прошения его без исполнения, за самовольную отлучку в город Екатеринбург и неследование вместе с делом по приказанию исправника Семянникова, за дерзостное из'яснение о владельцах заводов и за роптание против наложенной на него работы,—определить ему телесное наказание... но, как все сии поступки учинены им, Криночкиным, до манифеста 22 августа 1826 года *, то на основании оного учинить его свободным;

2) Означенного Криночкина, как оказавшего неприязненные и дерзновенные действия против наследников заводчика Зеленцова, по неоднократным настоятельным просьбам их, в коих они Криночкина признают вредным и опасным для спокойствия заводов человеком и в оных иметь его не желают... удалить его, Криночкина, согласно желанию Зеленцовых, на Богословские заводы впредь до исправления».

Приговор подписан уездным судьей Буличем, горным членом Нейбергом и заседателями Огневым и Квашниным.

1-го сентября того же года горное правление, утверждая этот приговор, постановило сослать Криночкина на Богословские заводы навсегда, «дабы лишить его вовсе способов к возмущению людей и к нанесению оскорблений им наследникам (Зеленцовым).

---

* Манифест об амнистии по случаю коронации Николая I.

Кроме того. горное правление постановило «положить чувствительную пеню» на членов суда. постановивших первоначальный оправдательный приговор о Крючкине.

Крючкин обжаловал решение горного правления в сенат. Но последний приговор утвердил, а Крючкина за подачу «неосновательного» отзыва на решение суда постановил выдержать на хлебе и воде одну неделю.

ГЛАВА VI.

Разбор дела углепоставщиков в екатеринбургском уездном суде.—Горное правление постановляет сослать зачинщиков бунта в Сибирь на поселение.—«Строжайший выговор» администрации Ревдинского завода. — Дело участников «самочинной присяги».—Временное «утушение искры непокорности».

По делу о возмущении ревдинских углепоставщиков уездному суду были преданы 22 человека:

1) Сахаров Григорий (35) *, 2) Медведев Иван (45). 3) Медведев Никон (51), 4) Шукин Марк (33), 5) Мокеунов Иван (40), 6) Завиралов Михей (31), 7) Богомолов Григорий (31), 8) Кузнецов Тимофей (16), 9) Козырин Иван(58), 10) Белоусов Максим (25), 11) Воронов Василий (29), 12 Голубятников Сидор (31), 13) Утюмов Захар (30), 14) Баранов Семен (34), 15) Щекалев Петр (25), 16) Сараев Клементий (16), 17) Утюмов Самойло (45), 18) Бельков Василий (16), 19) Юдин Яков ((19), 20) Белков Парфен (16), 21) Дрягин Парамон (50), 22) Кирьянов Василий (18).

28 августа 1826 года екатеринбургский уездный суд постановил:

1) В обсуждение претензии «мастеровых рабочих людей» не входить, поскольку этот вопрос уже разрешен Пермским горным правлением.

2) Равным образом, оставить без рассмотрения вопрос и о мере угольного короба, поскольку эта мера «решительно положена» и сами углепоставщики, кроме преданных суду, «об'явили свою готовность доставлять уголь по вышеозначенной мере».

3) О бывшем управляющем заводами со стороны казны маркшейдере Селянине, как подлежащем суждению за упущения военным судом, «представить на благоусмотрение» горного правления.

4) Дело о заводском исправнике Штейнмане, как умершем, оставить без рассмотрения.

5) «Главнейших нарушителей тишины и спокойствия» крестьян: Григория Сахарова, Ивана и Никона Медведевых, Марка

---

* В скобках указан возраст.

Щукина, Михея Завиралова и Ивана Моксунова «наказать в страх прочим плетями» и, «как вреднейших для завода людей» сослать в Сибирь на поселение.

6) Григория Богомолова, Тимофея Кузнецова, Ивана Козырина, Максима Белоусова, Василия Воронова и Сидора Голубятникова «наказать батожьем», но оставить на месте жительства.

7) Всех прочих «оштрафовать полицейским исправлением», причем предоставить заводчикам Зеленцовым ходатайствовать о сдаче в рекруты тех из них, кого они признают того заслуживающими. (В эту категорию осужденных не вошел Парамон Дрягин, которого суд определил «наказать палками»).

8) «Сочинителя и переписчика прошения» мастерового Полевского наследников Турчаниновых завода Василия Кирьянова «оштрафовать полицейским исправлением» и кроме того «опубликовать повсеместно ябедником со строжайшим ему воспрещением писать прошения и ходатайства письменно за других».

Приговор этот уездный суд постановил представить на ревизию (утверждение) Пермского горного правления. Последнее вновь постановило об оставлении всех жалоб и претензий углепоставщиков (о малой плате, о сверхокладных работах, о выдаче хлеба по преувеличенным ценам ит. д.) без последствий. В отношение осужденных уездным судом зачинщиков горное правление постановило применить манифест 22 августа 1826 года и «не подвергая полагаемому уездным судом наказанию—.... считать от дела свободными».

Однако, не всех:

«.... а как заводосодержатели Зеленцовы, находя вредными и опасными для заводов и лично для них, Зеленцовых, из оных подсудимых крестьян: Григория Сахарова, Ивана и Никона Медведевых, Марка Щукина, Михея Завиралова и Ивана Моксунова, просят удалить с заводов, то сих шесть человек сослать в Сибирь на поселение».

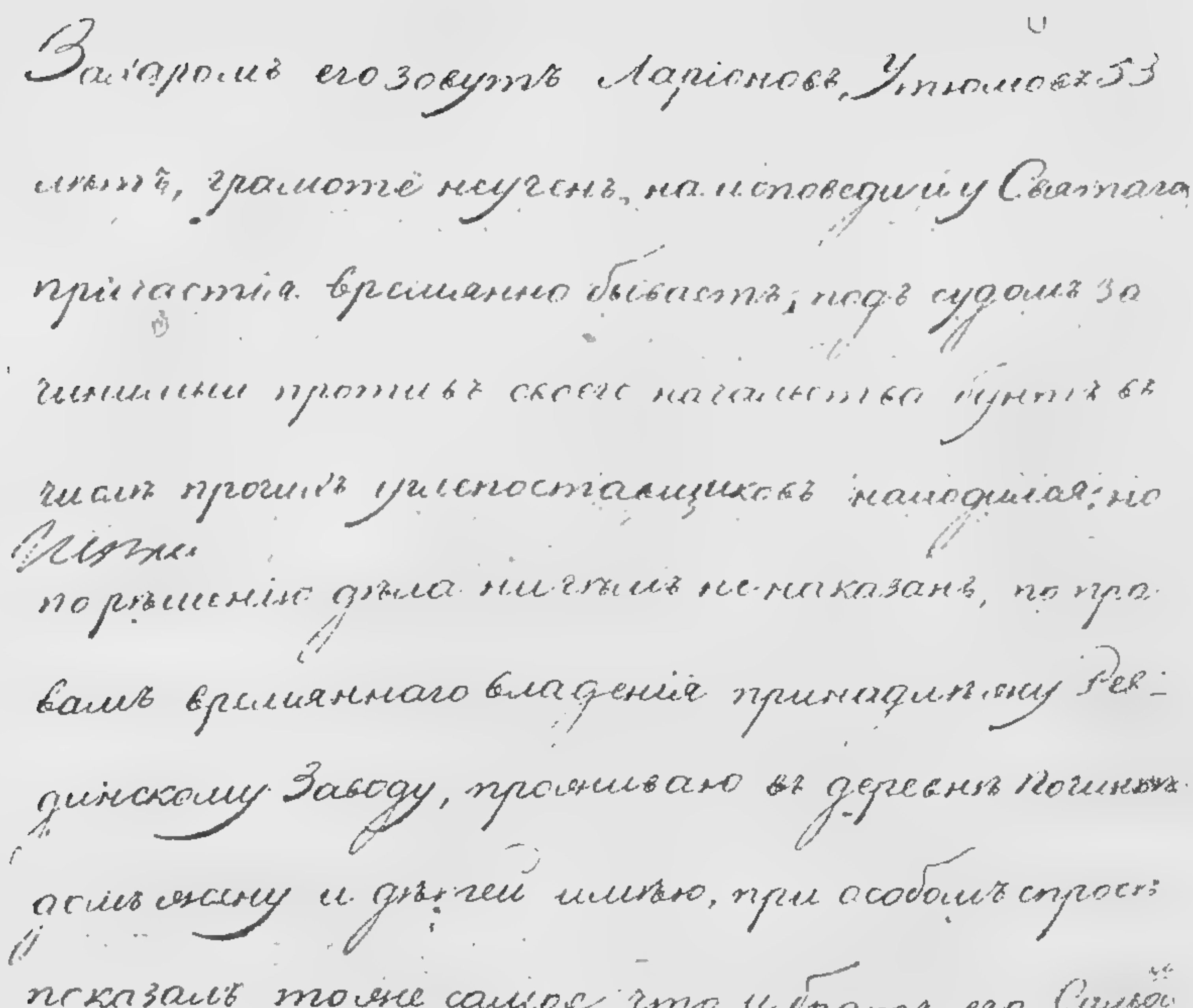
Управляющему Селянину и исправнику Штейнману (умершему) за упущения, выразившиеся в недонесении горному правлению о введении в 1824 г. новой, уменьшенной, меры короба, постановлено об'явить строжайший выговор.

Приговоренные к ссылке были отправлены в Сибирь, а остальные подвергнуты экзекуции через воинскую команду.

Это решение было затем утверждено сенатом.

По окончании судебного дела ревдинская заводская контора сообщила горному правлению, что ею на содержание вызванной для усмирения углепоставщиков воинской команды израсходовано за все время (свыше года) 7263 р. 51 1/4 коп. Эту сумму контора просила «взыскать с виновных и вместить в капитал заводский».

Были ли взысканы эти деньги с несчастных углепоставщиков из дела не видно.



Захаромъ его зовутъ Ларіоновъ Утюмовъ 53
лѣтъ, грамотѣ неученъ, на исповеди и у Святаго
причастія временно бываетъ; подъ судомъ за
чинимый противъ своего начальства бунтъ въ
числѣ прочихъ ослушниковъ находился; но
Сіяжъ
по рѣшенію дѣла ничѣмъ не наказанъ, по пра-
вамъ вреѣменнаго владенія принадлежу Рев-
динскому Заводу, проживаю въ деревнѣ Починкѣ
имѣю жену и дѣтей имѣю, при особомъ спросѣ
показалъ тоже самое что и братъ его. Симой
Утюмовъ. утверждая все то по чистой сове-
сти и сущей справедливости подписатся
вмѣсто обоихъ доверимъ Къ Сему Показанію
въ мѣсто Крестьянина Захари Утюмова
За не умѣніемъ [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] Завода [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

Протокол допроса.

«Возмутители» были приведены к повиновению, которое, однако, судя по имеющимся архивным данным, было далеко не полным. Так, в 1827 году заводской исправник доносит по начальству, что среди углепоставщиков все еще попадаются «самовольщики», которые и препровождаются конторой к исправнику для «полицейского исправления».

В 1828 году во время посещения ревдинских заводов главным начальником Богуславским углепоставщики подали ему жалобу на заводоуправление. Эта жалоба была оставлена без расследования.

Дольше всех тянулось дело главных участников злополучной присяги в церкви: Ивана Моксунова, Никиты Воронова, Самойлы и Захара Утюмовых.

Дело о них ходило по разным инстанциям духовным и светским до января 1831 года, когда Пермское горное правление направило его ревдинскому исправнику для нового расследования.

Обвиняемый Иван Моксунов был осужден по общему делу о бунте и сослан в Сибирь, а Воронов ко времени разбора дела успел уже умереть.

Перед судом предстали только двое братьев (двоюродных) Утюмовых: Самойло (60 лет) и Захар (55 лет).

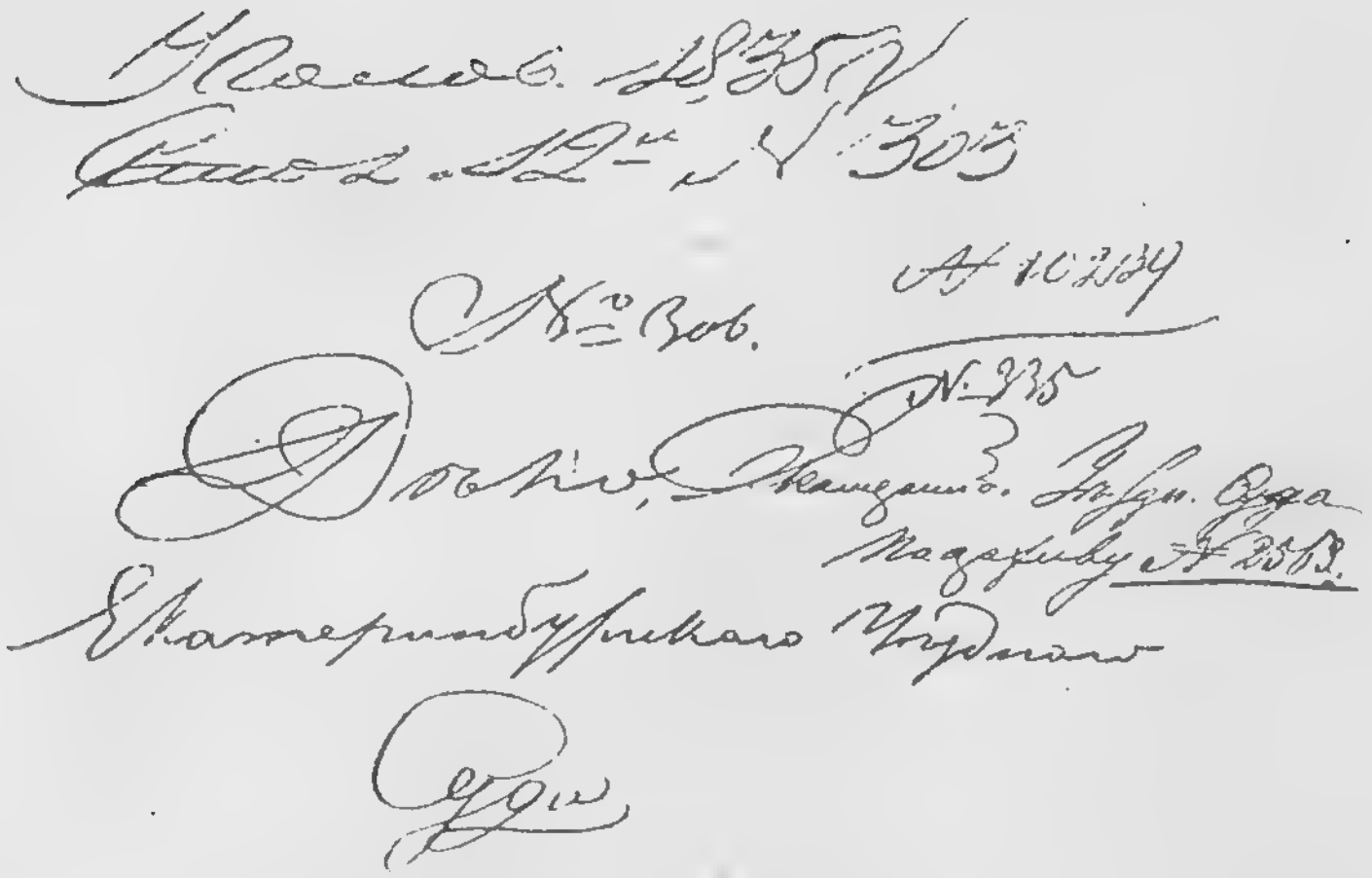
В своем представлении в суд заводской исправник, находя, что посещение бунтовщиками церкви было «не что иное, как начальное основание движения их безрассудной цели», предлагал по отношению к Утюмовым «в страх другим положить меру вторичного наказания полицейским исправлением».

31 марта 1834 года уездный суд нашел, что подсудимые особенно «неприличных святыне» поступков не делали. А так как, кроме того, деяние было совершено ими до манифеста 1826 года и они, по общему делу о бунте, были наравне с прочими подвергнуты через воинскую команду экзекуции, то суд ограничился по отношению к ним «строгим предупреждением не осмеливаться впредь таких поступков делать».

Так при помощи гнусной полицейской расправы была задушена первая вспышка ревдинских крепостных .

Заводчики-крепостники в тесном союзе с полицией и горными властями употребили все усилия, чтобы «утушить искру непокорности» и жестокой расправой с «возмутителями» восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Отобрание завоеванной было рабочими уменьшенной угольной меры было прямым следствием «утушения».

Тревожное положение в других цехах Ревды и на окрестных уральских заводах не допускало ни малейшей уступки со сто-



Обложка одного из дел уездного суда.

роны заводчиков, которая могла бы быть воспринята крепостной массой, как проявление слабости и раздуть эту «искру непокорности».

«Искра» на некоторое время была «утушена»...

Глава VII.

Заводы во владении «рабочелюбца» Демидова.—Криночкин-управитель заводов.—Указ об угольном коробе.—Исправник прячет указ под сукно.—Разглашения.—Выкраденный указ.—Фантастические слухи об указе.—«Штат».—Удаление «разглашателей» из завода.—Усиление толков о «штате»—Прошение «на высочайшее имя»—«ябедническая бумага».—Взятие под стражу поверенных углепоставщиков.—Требование освобождения арестованых и объявление «штата».—Самоосвобождение поверенных.—Заводоуправление трусит и хитрит.—Главный начальник предписывает советнику Карпову привести бунтующих в повиновение.—Карпов в Ревде.—Вновь арестованные поверенные отбиты толпой.—Поп-миропродавец.—Карпов, не добившись умиротворения, возвращается в Екатеринбург.—Образцовая агентура охранителей заводовладельческих интересов.

Со времени бунта 1825-1826 г.г. прошло пятнадцать лет... Заводы перешли к тому самому Демидову, который в 1825 году так возмущался притеснением рабочих Зеленцовыми. Семь лет как управлял заводами знакомый нам «рабочелюбец» Криночкин.

Но положение рабочих нисколько не улучшилось. Наоборот-угнетение достигло невероятных размеров и вновь толкнуло рабочих на бунт, на этот раз более сильный и кровавый.

Перед приемами, пущенными в ход для усмирения этого бунта бледнеют и Ленский расстрел и все другие подобные случаи новейшей эпохи.

К. А. Пажитнов, известный историк рабочего движения, так характеризует этот бунт ревдинских кучекладов *:

— «Одним из ярких случаев борьбы рабочих за улучшение своего положения при крепостном праве является возмущение в Ревдинском заводе в 1841 году».

Палочный режим к этому времени достиг во всей России высшей ступени своего развития. На Урале создался своеобразный горно-военно-полицейский строй. Если в 1825-26 г.г. царили произвол заводчиков и полицейские экзекуции, то в 1841 году они были дополнены военными судами за «возмущения», шпицрутенами и военными экзекуциями вплоть до массовых расстрелов.

---

* К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России». Том I, 1924 г.

Военный суд над ревдинскими бунтовщиками происходил уже при Глинке, «царе и боге» горного Урала, яром проводнике всей системы царя Николая Палкина.

9-го октября 1840 года заводской исправник Ревдинского завода Земляницын получил следующий указ Уральского горного правления:

Демидов, владелец завода.

«Горное Правление в присутствии главного начальника, слушав записку 2-го отделения от 9 сентября № 1097 об угольном коробе по заводам Ревдинским, Нижнетагильским, Колинским, Невьянским и Суксунским,

приказали: предписать исправникам Суксунскому, Тагильскому, Невьянскому, Каслинскому и Вашему Благородию объявить заводоуправлениям, что они могут дозволить своим рабо-

чим употреблять при приеме угля короб произвольной величины в таком только случае, если сами рабочие признают это для себя удобным: ибо хоть бы заводы Суксунские, Тагильские, Невьянские, Каслинские, Ревдинские и не имели у себя посессионных людей, но так как они, вопреки 161 ст. 7 т. Св. Зак., употребляют своих крепостных не по правилу, предписанному в манифесте 1797 г. апреля 5, то, в отвращение затруднения от наложения обременительных работ, еслиб работники изъявили свои несогласия, все помянутые конторы посессионных заводов должны были прием угля учредить коробом непременной меры. Исправники поставят себе долгом иметь строгие в том наблюдения.

В исчислениях же об употреблении угля непременно должно делать расчет на 22400 кубич. вершков*, как по требованию Департамента Горных и Соляных дел. О распоряжении Горного правления о введении мерного короба ему донесено и так как по предписанию Его Сиятельства Г. Министра Финансов представлено уже соображение о правилах частных заводчиков не дворян, в котором Горное Правление коснулось и до тех заводчиков и помещиков, которые занимают людей своих постоянно заводскими работами, то и о настоящем распоряжении донести до сведения Департамента Горных и Соляных Дел к совокупному рассмотрению как с общим делом—о введении указного короба при заводах, имеющих посессионных людей, так и о распространении наблюдения Горных Начальств на работы, налагаемые помещиками тех заводов, в которых люди не имеют свободного времени, положенного манифестом 1797 года апреля 5-го.

Октября 3-го дня, 1840 г. № 10653.»

Из содержания указа видно, что горное правление пыталось до известной степени урегулировать взаимоотношения заводчиков со своими крепостными, сравняв меру короба частных заводов с мерой короба, принятой на заводах, принадлежащих казне.

В указе говорится определенно, что устанавливается указный короб, и проведение этой меры возлагается на исправника.

Но исправник был кровно связан с интересами заводчиков—и указ был, попросту, положен под сукно.

Впоследствии, в объяснениях следственной комиссии исправник так объяснял свой образ действий:

«На счет введения угольного короба меньшей против нынешнего меры, собственно по Ревдинскому заводу мне известно,

---

* Короб Ревдинских заводов в то время был 27,189 куб. верш.
„ Шайтанских „ „ „ „ „ 22,464 „ „
„ Билимбаевских „ „ „ „ „ 26,624 „ „

что заводоуправление, получив через меня указ Горного Правления и полагая, что без уменьшения плат нельзя уменьшить угольный короб, представило случай этот на разрешение владельцев; не зная, как исполнять указ Горного Правления, я не об'явил его углепоставщиками, тем более, что минувшею зимою они должны были поставлять уголь прежнего еще заготовления. Причем я имел ввиду распоряжение Департамента Горных и Соляных Дел, утвержденное г. Министром Финансов, из'яснение в указе Горного Правления от 28-го января 1826 года № 769, также постановление о мере угольного короба в Ревдинском заводе, сделанное 16-го февраля 1826 г. гг. Советником Любарским и полковником Костыркой с прочими членам, которыми формально была утверждена мера короба ныне существующая.

Спрашивать согласия углепоставщиков, отобрать от них отзыв о сдаче им угля коробом меньшего размера я тотчас по получении указа или вскоре не мог, видя, что предмет этот относится до отправления такой работы, которая исполнялась большим числом людей и заключает в себе коренную перемену того, что делалось ими несколько лет, да и указом Горного Правления ни скорые сношения с углепоставщиками, ни другие подобные меры мне не предписывались».

Между тем, слухи о получении в заводе указа разными путями дошли до углепоставщиков, при чем значение указа, которого никто не видел, сильно преувеличивалось: говорили о предписании ввести новые штаты в заводах, подобно существующим на заводах казенных, устанавливающие весь распорядок на них. Сложилось убеждение, что заводчики и испраник скрывают штаты в своих интересах.

Один из писарей ревдинской управы благочиния, сняв тайно с указа копию, уже 9-го ноября прочитал ее углепоставщику Ермилу Дрягину, советуя просить исправника об изменении меры короба.

Дрягин разгласил содержание указа другим углепоставщикам, дополнив его всякими небылицами. Он говорил, будто в указе подробно определено, как содержание крестьян, так и то, в какой мере налагать работы, и что за провиант велено взыскивать по ценам низшим (по 50 коп.), а работы якобы облегчены.

Среди углепоставщиков ходил также слух, что за об'явление указа о штате письмоводитель исправника унтер-шихтмейстер Горбунов просил будто бы 50 рублей.

Эти толки вскоре подкрепились новыми разглашениями углеприемщика Моксунова и его сына, которые в конце декабря говорили многим угольщикам, что мера угольного короба изменится, что верхушек, которые теперь требуются при приеме угля, ниовсе не будет, и что вскоре об'явят штат.

По словам одного из участников бунта, бывший управляющий заводом Криночкин *, уезжая из завода в конце февраля 1841 г., говорил ему, что есть штат, введения которого и нужно просить. Слова Криночкина сделались вскоре известны многим и еще более утвердили углепоставщиков в их мнении о получении заводоуправлением «штата».

Вследствие близкого соседства с Сергинскими заводами ревдинские крестьяне знали, что там уже в 1828 г. рабочие исходатайствовали введение штатного казенного положения, по которому исполняли работы в меньшей мере, нежели они производились в Ревдинских заводах. Кроме того, сергинские рабочие получали провиант без вычетов за него.

В одном из официальных документов того времени говорится в дополнение к сказанному выше о влиянии сергинских порядков на ход событий в Ревде:

«Сверх того, служители Сергинского завода своими внушениями много способствовали распространению ложных толков о штате, написали просьбу об этом и снабдили зачинщиков возмущения даже выписками из положения о Сергинских заводах».

На протяжении времени с средины февраля до средних чисел марта (1841 г.) из Ревдинского завода были постепенно удалены первые «разглашатели» сведений об указе: Сосунов, Дрягин, Моксунов и Овчинкин. Это окончательно убедило рабочих, что штат есть и что эти лица удалены из завода именно потому, что имеют об этом штате верные сведения.

К толкам о штате присоединилось общее неудовольствие чрезмерным отягощением работами. Об облегчении их некоторые углепоставщики намерены были просить еще в начале 1840 года.

Словесные обращения отдельных углепоставщиков к исправнику с просьбой об об'явлении полученного штата начались в декабре 1840 г. и продолжались до февраля 1841 г. Но исправник решительно ничего не об'являл и не об'яснял. Постепенно углепоставщики прекратили свои настояния.

До марта все было спокойно....

В начале марта из деревни Краснояр отправилась в завод толпа крестьян, человек в 40, с намерением жаловаться на приказчиков, не выдававших им провианта и жестоко наказывавших за недоработку. Они собирались также просить облегчения в работах и об'явления штата. К ним присоединилось несколько крестьян из завода и других деревень, так что общее число участников «скопища» достигло 50 человек.

---

* Криночкин был уволен от должности управляющего заводом в ноябре 1840 года.

Когда эта толпа явилась к заводскому исправнику Земляницыну, тот об'явил, чтобы они к нему скопом с просьбами не являлись, а выбрали бы из своей среды трех-четырех человек, которые и изложили бы ему их просьбу. При этом и исправник, и управляющий заводом уверяли пришедших, что никакого штата нет. Но им не поверили.

Толпа, наконец, разошлась, решив подать исправнику через шесть человек своих поверенных формальное прошение об об'явлении штата.

Так как грамотных людей среди углепоставщиков не было, то пришлось искать составителей в соседних заводах.

Прошение писали в Нижне-Сергинском заводе. Сочинял его служитель Трубников, а переписывал Василий Осипов. Впоследствии, по официальным данным, оба сознались, что «сделали это по своей глупости». За составление прошения получили 8 рублей и сверх того выпили с просителями полтора штофа вина.

Приводим это характерное прошение полностью:

«Всесветлейший, Державнейший, Великий, Государь Император Николай Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший

Просят Ревдинского Г-жи Демидовой завода жители Алерий Никифоров Дрягин, Ефим Козьмин Сараев, Карп Осипов Еремин, Матвей Андреев Бороздин, Мирон Васильев Щукин и Андриан Назаров Руковишников. А о чем наше прошение тому следуют пункты.

I-е.

В нынешнем 1841 году мы неоднократно просили Господина Заводского исправника Михаила Михайловича Земляницына о положении безбедно как по прочим казенным Златоустовским заводам штатного положения по цехам работы как доменному, молотовому, куренному и прочим работам. Какового штатного положения и по сие время не видим, о чем мы уже неоднократно просили и самих приказчиков Круглова и Котовщикова, которые нам отозвались, что по конторе штатного казенного положения не было и не будет, в особенности Круглов с азартом сказал: «вы, ребята, не дожидайтесь—ничего вам не получить!» Положение наше, кроме других цехов, по куренному цеху на годного работника, т.-е. 25-летнего возраста из лесу соснового самому нарубить и скласть, выжечь и представить на плотину 60 коробов, из березового лесу 25 коробов, всего восемдесят пять коробов. На того же еще работника полагается из готовонаруб-

ленных заводскими крестьянами скласть, осыпать, выжечь и представить оный уголь на плотину. Сверх того еще полагается на того-ж работника неизвестно нам по какому положению квартирные дрова трехаршинной меры от 3-х до 4-х сажен. К тому же еще нас затрудняют и отягощают поставкою на заводскую конюшню на приобретенных нами сенокосных местах сена с каждого человека до 40 пудов. За всеми вышеуказанными работами отправляет каждый работник плавкою леса от речки Медяковки до главного Ревдинского пруда расстояние до 40 верст. где мы во время этого сплаву проживаем до 18 дней и не имеем на то время для вышеобозначенной положенной конторой окладной годовой работы исполнить оную в самой точности не в силах.

За все эти вышеоб'ясненные работы получаем мы плату от Ревдинской конторы по куренному цеху за сосновый уголь за рубку цена 1 руб., за березовый 1 рубль 30 коп., за возку оного угля полагается с версты за каждый короб по 5 коп.,провиант мы получаем в летнее время по рублю, в а зимнее рубль двадцать пять копеек, из готовонарубленных за кладку, осыпку и выжег по 75 коп. с короба, за перевозку оного тоже 5 коп. с версты, за квартирные дрова расстоянием в 25 и 30 верст. самому нарубить и привести на господский двор по 1 руб. 50 коп. с сажени. Сена самому накосить и привести по 5 коп. с пуда. За поденную работу за плавку бревен в день полагается по 17½, а в случае удобности в самом скопе воды мы более получаем платы, но только деньги постепенно контора выдает и то не полным количеством, каковую работу, так ровно и положение, сделанное Ревдинскою заводскою конторою, мы исполнять не в силах.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было о сем нашем прошении решение учинить.

К поданию надлежит Г. Исправнику Ревдинских Г-жи Демидовой заводов Земляницыну. К сему прошению вместо вышеписанных просителей, по неумению их грамоте и по личной просьбе, крепостной крестьянин Наум Прокопьев Фетисов руку приложил».

Прошение было подано исправнику 16-го марта.

Исправник вновь об'явил, что нужно работать по прежнему положению и что никакого нового штата нет.

Не удовлетворяясь этим ответом, угленоставщики решили подать новое прошение. Но вскоре (25 марта) поверенные их были неожиданно взяты под стражу.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Трое из поверенных—Дрягин, Еремин и Щукин отправились в Шайтанский завод для составления там нового прошения. Перед этим они были в Бисертском и Маринском заводах того же Ревдинского округа и уговаривали некоторых мастеровых присоединиться к участию в предпринятом ими деле.

По прибытии поверенных в Шайтанский завод, они были арестованы полицией «за самовольную отлучку, намерение на составление каких-то ябеднических бумаг и буйство при задержании». Затем они были препровождены в Ревдинский завод, где и заключены под стражу.

Узнав об аресте через посланных поверенными по деревням нарочных, углепоставщики, собравшись в числе 200—300 человек, просили исправника об их освобождении. Получив отказ, они «с буйством и ругательствами» окружили исправника при от'езде его из полиции, старались остановить его и выбросить из экипажа.

При управе благочиния исправник огласил собравшимся статьи закона, запрещающие скопища. На это некорые из пришедших возразили, что они исправнику не верят и просили об'яснить через священника. Но и увещания явившегося на место собрания попа не имели успеха. Углепоставщики заявили, что они бросят работу и пойдут жаловаться в Екатеринбург.

Вскоре поверенные, взломав решетку в арестантской, присоединились к толпе.

Весь этот день, а также и следующий (8-го апреля) толпа, «не внимая никаким убеждениям», требовала немедленного об'явления штата.

Тогда заводоуправление, желая, конечно, выиграть время до подхода вооруженной силы, предложило углепоставщикам «до рассмотрения правительством их просьбы» уменьшить работы или же поступить в другие цеха.

Но углепоставщики отказались наотрез. Они заявили, что без штата не разойдутся, причем угрожали убить наблюдавших за ними приказчиков и конторских служащих.

О «возмущении» углепоставщиков было тотчас же сообщено в Уральское горное правление.

Главный начальник немедленно предписал советнику горного правления Карпову отправиться в Ревдинский завод, привести рабочих в повиновение, подтвердить им, что никого нового штата для Ревдинского завода не издано и что работы они должны выполнять беспрекословно, как «признанные правительством для них необременительными». Сверх того, Карпов должен был об'яснить, что выдаваемая заводоуправлением плата совершенно достаточна, а «для большего в этом убеждения» об'явить извлечение из дел счетного отделения горного правления о размерах заработной платы на соседних с Ревдинскими казенных заводах.

Карпову вместе с тем поручалось разведать «кто более виновен в начале настоящего поступка крестьян и кто распространил между ними слух о новом штате».

В помощь Карпову был командирован екатеринбургский исправник Борисов с унтер-офицером и двумя рядовыми 8-го линейного батальона.

Утром 9-го апреля Карпов был уже в Ревде. Он призвал к себе бунтующих.

Углепоставщики в этот день, еще до прибытия Карпова, собрались на совещание, на котором порешили быть во всем единодушными и никого не выдавать. Это решение было скреплено присягой и целованием иконы.

На призыв Карпова явилось более 300 человек.

Опять были прочитаны законы о повиновении, сделаны увещания и т. п.

Но рабочие упорно стояли на своем: они требовали об'явить им новые штаты, которые от них скрывают заводоуправление и полиция. Когда выяснилось, что о штатах им говорил служащий соседнего Шайтанского завода Никита Сосунов, за ним сейчас же был отправлен нарочный.

«Увещание» углепоставщиков продолжалось целых четыре часа. Во время этого увещания «беспримерную дерзость» проявили трое самовольно освободившихся из под стражи поверенных. Карпов приказал снова арестовать их, но толпа с криком: «Ура, ребята, не поддавайся», отняла их у конвоиров. При этом в «начальство» начали лететь камни, и толпа стала угрожать кольями. «Даже жены бунтовщиков — говорится в официальном документе—вынимали из ограды брусья и грозили ими».

Согласно сообщению Карпова, в толпе, кроме углепоставщиков, были замечены и мастеровые других цехов завода.

Для вящего увещания был вызван священник Флеровский. Но «дерзость бунтовщиков простерлась до того, что они явно оскорбили священника, а бывших при нем чиновников поносили непристойными словами; священника же называли наемником, мироподавцем, сообщником конторы»....

Бунтующие выставили на всех дорогах верховых для того, чтобы всех идущих углепоставщиков собирать на площадь.

Вернувшиеся из поездки в Мариинский завод, по приказанию начальства, за подписавшими жалобу двумя крестьянами нарочные и ямщики были избиты и присоединены к толпе.

Толпа волновалась до вечера. К ночи все ушли на Еланскую улицу, на которой жило большинство углепоставщиков, и разместилось ночевать человек по 20 в доме, выставив на улице и на мосту караулы *.

На другой день в 6 часов утра все снова собрались на площади, в числе около 300 человек.

---

* Улица отделяется от главной части заводского поселка рекой, через которую переброшен Еланский мост.

Начальство предложило выделить из толпы грамотных людей для ознакомления с указами и положениями, но в ответ послышались требования читать перед всей толпой.

Когда Карпов об'явил собравшимся данное ему предписание все поняли его, как решительный отказ в их просьбе, и сгрудились вокруг начальства.

Раздались угрожающие возгласы:« Погодите, увидите, что с вами будет.» «Теперь не прежняя пора, чтобы мы покорились; мы готовы каждый друг за друга умереть». «Не корись, ребята!» и т. п.

Снова была сделана попытка выпустить для увещания попов, но, как и в первый раз, безуспешно.

Так тянулось целый день...

К ночи толпа снова разошлась по квартирам.

Убедившись в бесполезности дальнейших «увещевательных» мер, Карпов 11-го апреля выехал из Ревды. Он представил горному правлению именные списки «составляющих бунтующую толпу». В списки включено 249 человек, из которых 54 отнесены к категории «самых буйных», а 52 к «менее дерзким».

«Зачинщиками и виновниками начальных причин непокорности» признаны семь человек: Тимофей Козырин, Герасим Черепанов, Логин Сахаров, Мирон Щукин, Аллерий Дрягин, Калина Щукин и Козьма Дрягин.

Может показаться странным, каким образом при таком боевом настроении толпы можно было безнаказанно переписать всех участвовавших в ней, да еще с подразделением по степени активности.

Об'яснение этому находим в представленном исправником «реестре служащим, находившимся за наблюдением действий бунтовщиков». Из реестра видим, что к делу «наблюдения» было привлечено 16 конторских служащих, 6 полицейских и казаков и 14 кучеров. Работой этой «агентуры» и об'ясняется, главным образом, точность информации, как об участниках волнений 9—10 апреля, так и позднейших еще событий более значительных по числу участников.

Далее из рапорта советника Карпова видим, что среди бунтующих совсем не было грамотных.

Следующие три дня углепоставщики ежедневно собирались на площади с прежними требованиями под предводительством избранных поверенных (Андриана Руковишникова, Мирона Щукина, Ювеналия Дрягина, Карпа Еремина) и нескольких других.

ГЛАВА VIII.

Прибытие в Ревду и. д. главного начальника с воинской силой. —«Горестная картина ниспровержения гражданского порядка».—Сладкие речи увещевателей.—Углепоставщики упорно стоят на своем.—«Посмотрим, чья возьмет».—Бунтующие поражают прибывшее начальство своей дисциплинированностью.—Совет усмирителей решает пустить в ход оружие.—Новое собрание углепоставщиков на заводской площади.—Полное неуважение к своду законов.—Гнусная роль попов.—Кровавая расправа.—Неудачная попытка утопить попа-увещевателя.--Восстановление «спокойствия».--Список жертв.--Похороны «без отпетия».—Братская могила.—Потери усмирителей.—Ожесточенность борьбы.—Вариант-частная летопись.

Днем 14-го апреля в Ревдинский завод прибыли: исполняющий должность главного начальника полковник Порозов, помощник горного начальника майор Клейменов с двумя ротами пехоты в составе 178 человек при одном орудии под командой подполковника Пащенко.

«Прибывшим—говорится в официальном донесении — представилась горестная картина совершенного нарушения спокойствия и ниспровержения гражданского порядка. В улицах, примыкающих к площади, толпились люди всех возрастов, тогда как на самой площади заводской более 500 человек непослушных крестьян, окруженные сзади их женами, буйно волновались в густой толпе, произнося крики: «за права свои!» и подымая колья. Они при первом появлении войск прокричали батальонному командиру, чтоб он не осмеливался строиться против них, на что, разумеется, последний не обратил внимания и начал строить роты в должный порядок».

Исправляющий должность главного начальника полковник Порозов приказал толпе прекратить шум и снять шапки «в знак уважения к дарованному ему его императорским величеством сану». Затем он приступил к увещанию. Сам Порозов в своем докладе о событиях излагает сущность своей «увещательной» речи следующим образом:

«Представлял им, что неприличие их поступка делает их преступниками против законов государства; что это важное преступление лишает их покровительства законов, а потому просьбы их, хотя бы даже вполне справедливые, не следовало бы и выслушивать в таком виде. Но, принимая в уважение то, что многие из них , как известно, силою, да и прочие увлечены дурным примером, вероятно, немногих людей дурной нравственности, забывших совесть и бога, он позволил им изложить все свои жалобы, обещая те просьбы, которые окажутся справедливыми, удовлетворить,если это не превышает его власти, или ходатайствовать перед высшим начальством, но с тем, чтобы они вполне покорились и, выдав зачинщиков беспорядка, тотчас разошлись. Иначе он вынужденным найдется употребить воинскую силу, как против ослушников воли царя и закона».

После таких «увещаній»полковника Порозова были оглашены статьи законов, воспрещающие всякие сборища, бунты и т. п.

В ответ углепоставщики вновь повторили свои требования об об'явленіи скрываемого от них штата и все другие ранее заявлявшиеся ими претензіи.

Требования были заявлены в резкой форме и сопровождались криками, что «до об'явления штатов они не разойдутся; что они ныне не так просты, как были за 15 лет, когда при подобном их сборище они покорились воинской команде, причем в глазах их отбирали виновных и подвергали наказанію; что они решились стоять дружно друг за друга до последней капли крови; что они все равны, и зачинщиков между ними нет».

«Один из бунтовщиков—продолжает официальный доклад—стоявший подле маіора Клейменова (Козырин) с дерзкой решительностью сказал: «Еще посмотрим, чья возьмет!» Этому дерзкому было приказано выйти и подчиниться воинской команде, причем исполняющий должность главного начальника лично взял его за рукав, но стоявшие подле ухватились за него, и вся толпа кричала: «Не дадим его!».

Заставив их прекратить шум,полковник Порозов «представлял им, что один хотя пример непослушания делает их (всех) виновными, заверял их лично, что штатов нет, и вновь убеждал их, об'ясняя смысл законов, из'явить покорность и возвратиться к своей обязанности и что высочайше утвержденные штаты составлены только для заводов казенных. Затем об'яснил им все, что могло относиться к их убеждению, и старался вразумить их, что никакая просьба не будет оставлена без внимания начальством, пекущимся неослабно о благосостоянии рабочих людей в заводах, когда она будет принесена с покорностью».

Вся процедура «увещания» продолжалась в общем более 4-х часов.

Затем, Порозов дал бунтовщикам время на размышление до следующего дня, предупредив ,что к неповинующимся он применит строгие меры.

Толпа простояла на площади по уходе начальства еще около часу, а затем двинулась с места всей массой. К величайшему изумлению начальства все шли в примерном порядке, по четыре и по пять человек в ряд, будучи частью вооружены кольями. Шли без шуму, с мрачной решимостью на лицах, а сзади нестройной толпой двигались женщины.

Между тем, в господском доме все начальство собралось на совещание. Все пришли к единогласному заключению, что ими было сделано все возможное для мирного улажения дела. Указывалось,что дальнейшая нерешительность подаст опасный пример, как для прочих цехов Ревдинского завода, так и для соседних заводов. Тем более, что, по имеющимся сведениям, и прочее

население Ревдинского завода начинало волноваться, а в соседнем Бисертском и Сергинском заводах «люди оказывают явное неудовольствие на заводоуправление». А так как прибывшее начальство действовало при увещании «высочайшим именем государя императора», то «в случае упорства буйных ослушников простирать далее снисхождения они считали себя не вправе».

Придя в конечном счете к выводу, что «нет верной надежды избегнуть меры крайней необходимости», совещание постановило: «в случае последней крайности действовать оружием».

Еланский мост и вид на Елань.

Рано утром на другой день, 15-го апреля, толпа, ночевавшая в сборе на Еланском мосту, явилась на площадь в довольно стройном порядке и в значительно увеличившемся числе участников—до 800 человек, при чем уже все до одного были вооружены кольями. Вслед за толпой рабочих явились женщины, которые тотчас же принялись собирать поленья, колья и камни. Им помогали дети.

У стоявшего на площади заводского колокола, по распоряжению заводского начальства, была отвязана веревка. Заметив это, бунтовщики тотчас же принесли другую и привязали ее к колоколу.

Полковник Норозов в сопровождении майора Клейменова вышел к толпе и спросил, одумались-ли они и понимают-ли, что

они противятся царской власти и законам? Из толпы ему отвечали попрежнему, что они требуют прочтения штатов и что они решили стоять твердо на своем.

Тогда толпе снова были прочитаны соответствующие статьи законов. Но, когда после этого чиновник Дорнбуш с книгами законов отправился в господский дом в сопровождении казака, дорогой на них напали двое бунтовщиков—Леонтий Мясников, избивший Дорнбуша, и Влас Десятов, отнявший у казака шашку.

Порозов пытался еще убеждать толпу, но, видя, что его убеждения не действуют, пригласил для увещания присутствовавшего тут же благочинного попа Флеровского. Флеровский обратился к рабочим с «примирительным убеждением». Но из толпы раздались крики: «Удались! Ребята, не целуй креста!» Крики продолжались все время, пока поп проходил с крестом с одного фланга собравшихся на другой, предлагая целовать крест и тем как бы напутствуя на смерть*.

Тогда полковник Порозов приказал попу отойти в сторону и дал знак батальонному командиру открыть огонь.

Раздался залп двух взводов, поставленных в некотором растоянии впереди орудия по сторонам его. Бунтующие, ударив в набатный колокол тревогу, пустили в солдат град камней и обломков чугуна и в то же время кинулись на оба взвода. Последовал выстрел из орудия картечью в центр толпы, где находились «загрубелые бунтовщики», т.-е. руководители бунта.

Но пушечный выстрел не подействовал. Рабочие, стоявшие против взвода на правом фланге, продолжали ожесточенно осыпать его камнями и поленьями.

Толпа, хотя и с меньшей твердостью, но все же продолжала подвигаться вперед. Стрельба левого фланга войск заставила аттаковавших его рабочих отступить, но наступавшие на правом фланге все еще продолжали держаться, пока не увидели, что вновь заряженное орудие обращено против них. После этого они рассеялись, но, взбежав на пригородок и заметив, что стрельба прекратилась, вновь стали собираться кучками, подымая колья и швыряя камни.

---

* Впоследствии этот достойный иерей писал в своих показаниях военно-следственной комиссии:

«... Отреклись от крестного целования. Я удалился. Возмутители удаление мое от них со святым крестом назвали—и по сие время с ними все неблагомыслящие почитают—предательством, укоряя меня: «что ты должен был восстать за мир, а ты вышел с крестом и нарочно благословил, чтобы всех нас погубили; мы за правду стояли, а ты продал нас».

Заодно Флеровский доносит комиссии о замеченных им 12-ти «зачинщиках».

Другой ревдинский поп—Коровин—также донес комиссии об 11-ти замеченных им «подстрекателях».

Место расстрела в Рощинском лесу (Со старинной фотографии Рощинского музея).

Часть толпы все это время продолжала упорно сопротивляться на площади, отбиваясь от воинской команды камнями, кусками чугуна и т. п.

Наконец, часть бунтующих ворвалась в ограду конторы, куда заблаговременно укрылись и. д. главного начальника и сопровождавшие его чиновники.

«Там — говорится в официальном донесении — действием вооруженной силы они были устранены от дальнейших покушений ,а некоторые убиты на месте».

Между тем, другая часть толпы, соединившись вновь после выстрела из орудия и скрывшись за лавки, находившиеся на площади, продолжала оттуда кидать в воинскую команду во множестве камни.

Новым выстрелом из орудия эта часть толпы была рассеяна и бежала врассыпную*.

Несколько человек из рассеянной толпы, убегая с площади, встретили неподалеку от пруда попа Флеровского**, неоднократно призывавшего их к покорности. Они схватили его и повлекли к пруду, нанося оскорбления и побои: толкали в шею, били кулаками по голове, драли за бороду и т. п. У Еланского моста их настиг отряд солдат и отбил попа.

Сохранились устные предания, что после расстрела на площади солдаты буквально охотились за рабочими: стоило показаться где-нибудь на видном месте группе людей, как солдаты начинали стрелять в них. Таким образом, при этой охоте было убито людей больше, чем на самой площади.

---

* Выстрел этот, по словам официального донесения, был направлен намеренно ниже толпы, в пригорок.

** В «летописи Михаило-Архангельской церкви» имеется такая запись:

«Священник Димитрий Иоаннович Флеровский (с 1827 по 1856 г.) ... был один из лучших представителей здешней церкви и отличался ревностью к ее благоустройству. Успешно трудился в деле противодействия процветавшему в то время расколу...

«Пользовался, как благочинный, полным уважением среди подначального духовенства; к сожалению, не пользовался особенным расположением со стороны прихожан.

Летом 1841 г. в здешнем заводе вспыхнул страшный бунт крестьян против помещика. Дело приняло такой серьезный оборот, что для усмирения бунтующих потребовалась воинская команда и оказалось необходимым пустить в дело картечь.

Отец Димитрий был приглашен отслужить молебен на место происшествия. После напрасных увещаний с своей стороны, он занес, скрепя сердце, руку, чтобы окропить святой водой направленные против бунтовщиков пушки...

Несколько человек из толпы с ужасной яростью бросились на него и он принужден был спасаться бегством, но мятежники вскоре его настигли и потащили на так называемый Еланский мост, чтобы оттуда бросить его в пруд...

В 1857 году он был перемещен в Кыштымский завод»...

Посланный в погоню «для страху и преследования» взвод солдат разыскивал и арестовывал попадавшихся ему бунтовщиков.

Спокойствие было восстановлено...

На площади, месте кровавой расправы, осталось 33 трупа, в их числе 6 женщин и две девочки. Было подобрано 62 раненых, в том числе 8 женщин.

Вот список этих мучеников за общее дело, «убитых на месте усмирения возмущения, тела коих преданы земле 16-го апреля по приказанию исправляющего должность главного начальника без отпевания»:

Алексей Андреевич Тихонов (Сидоров), Иван Алексеевич Десятов, Федор Филиппович Козырин, Лаврентий Максимович Калягин, Фадей Андреевич Щекалев, Корнило Петрович Десятов, Федор Леонтьевич Пиголицын, Иван Леонтьевич Вдовин, Никита Дектянников, Филип Сидорович Голубятников, Иван Минеевич Дрягин, Мирон Васильевич Щукин, Епифан Родионович Сарафанников, Андрей Яковлевич Замятин, Иван Степанович Левин (Елесин), Дорофей Иванович Дрягин, Савва Назарович Рукавишников, Иван Макарович Белоусов, Гаврило Федорович Логиновских, Филипп Васильевич Логиновских-Ефим Васильевич Спирин, Сысой Лукич Бороздин, Матвей Иванович Утюмов, Иван Михайлович Толченов, Данило Курылов, Марфа Баранова, Анна Юдина, Аниспя Козлова, (девочка), Матрена Ивановна Трухачева, Александра Мельникова, Акули, на Шевелева, Акулина Кузнецова и девочка Анна Ивановна Поросенкова.

В Ревде есть предание, что убитых везли к могиле за селение возами, из которых кровь ручьями текла на дорогу. После этого улицу, ведшую с площади к могиле, назвали К р а с н а я. Это название сохранилось и до сего времени.

Схоронены они были в общей братской могиле, вне ограды кладбища и «без отпетия» в силу указа 1697 года:

«Если на разбое или на воровстве каком убит будет, и тех умерших тел у церкви божьей не погребать и над ними отпевать не велеть, а велеть их класть в лесу или на поле, кроме кладбища и у божьих домов».

В 1905 году Ревдинскими рабочими был устроен сбор пожертвований на постановку памятника погибшим в 1841 году, но земский начальник Кокшаров запретил постановку памятника, сказав, «мы не разрешаем ставить памятников бунтовщикам».

В феврале 1917 года на братскую могилу было приглашено духовенство, которое отслужило «чин погребения» по убитым...

Над могилой была выстроена трибуна и поставлен деревянный крест, с прикрепленной к нему кружкой для сбора пожертвований на памятник.

После октябрьской революции, братская могила огорожена, кресты убраны.

В революционные праздники, после митинга на заводской площади, манифестация всегда направляется на братскую могилу, где вспоминается событие 1841 года.

В этой же братской могиле похоронены жертвы контр-революции и 2 члена РКП (б.)

Из числа раненых, по списку, составленному исправником Землянициным, за время с 16-го апреля по 7-е июня умерло 30 человек, в их числе 2 женщины.

Таким образом, в общей сложности «успокоение» было достигнуто ценой 63 рабочих жизней.

Сами усмирители пострадали незначительно. По свидетельству заводского лекаря, командовавший карательным отрядом подполковник Пащенко получил четыре легких повреждения, подпоручик Протопопов был сильно ушиблен поленом и получил сотрясение мозга, 15 унтер-офицеров и рядовых получили более или менее легкие повреждения, или, как об этом говорит официальный документ,—«боевые знаки».

Несмотря на такой незначительный урон, воинской команде пришлось, очевидно, выдержать ожесточенную аттаку. Об этом говорит ведомость о количестве поврежденного при столкновении с рабочими оружия и снаряжения:

Что повреждено.	1-я рота.	4-я рота.
Ложей сломано	15	11
Стволов сломано и помято	4	3
Штыков » » »	27	13
Манирок » » »	29	37
Эфесов » » »	1	—
Гранад киверных сломано	9	6
Киверов прошиблено	2	3

И т. д.

40 сломанных и помятых штыков и 26 сломанных ружейных ложей показывают, что солдатам пришлось драться врукопашную.

Полковником Пащенко была представлена в военно-следственную комиссию характерная «ведомость линейного оренбург-

Март 1917 г. На братской могиле рабочих, убитых в 1841 году.

ского батальона № 8», из которой видно, что «на усмирение мятежников в Ревдинском заводе употреблено:

Пороху в боевых патронах	7	фун.	78 зол.
Свинцу	2	»	48 »
Пороху в двух зарядах картечи . .	2	»	48 »
Картечей, заделанных в жестянках .	2	шт.	

Полустаметy, скоропалительных трубок и фителя по положению».

Других записей об обстоятельствах и подробностях этого беспримерного расстрела, кроме приводимых выше официальных данных, нет.

Только в частной «Летописи Умновых» (ревдинских старожилов* имеется такая запись:

«1841 год апрель 17. В понедельник Фоминой недели зачался бунт. В 15 мая (?) Было решение, стреляли боевыми зарядами. Убито мужчин 160 человек, женщин 5 ч. и 2-х девочек 13 лет и мальчиков 2-х. Раненых собрано 48 муж., 41 женщ., а всех было убито и ранено 256 человек. Солдат было 200 челов. Командиров: Берг Инспектор и Горный Исправник, а командовал подполковник Степан Парфенович Кураев и прапорщик Василий Матв. Леннов и офицер Протопопов».

ГЛАВА IX.

Изъявление покорности.—Ловля бунтовщиков.—Охота за Ереминым и Ярягиным.—Назначение военно-следственной комиссии. — Поставленные ей задачи.—Заключение комиссии о причинах и ходе бунта.—Признание действий усмирителей правильными и целесообразными.

Так как разбежавшиеся рабочие не возвращались в селение, то всюду были разосланы особые нарочные об'явить им, чтобы они спешили явиться в завод с изъявлением покорности и тем показали свое чистосердечное раскаяние.

В первый же день вечером явилось несколько человек, утверждавших, что они не были соучастниками бунта, а скрывались от бунтующей толпы в чужих слободах.

На другой день с раннего утра стали являться с изъявлением покорности и рабочие из числа бывших на площади. К 6-ти часам вечера их набралось до 240 человек.

---

* Рукопись хранится в Ревдинском музее. Выписка из нее дана автору П. Н. Белоглазовым.

По официальным данным, все они показали, что большая часть их бросилась в курени к своим работам, чтобы скрыть свое участие в бунте, но что вскоре все явятся. Действительно, в первые же дни явилось более 400 человек.

16-го апреля полковник Порозов с сопровождавшими его чиновниками и одной ротой солдат при орудии, забрав с собой захваченных на месте бунтовщиков, отправился в Екатеринбург. Другая рота была оставлена в заводе «до дальнейшего распоряжения».

Оставшиеся на месте власти приступили к изловлению бунтовщиков, не из'явивших покорности, и вожаков бунта, скрывшихся в лесу.

В этом им помогало духовенство, «благонадежные» крестьяне из кулаков, конторские служащие и некоторые из участников бунта, старавшиеся шпионским усердием добиться снисхождения.

Работы предстояло много: в список, составленный исправником, было включено 206 углепоставщиков, неявившихся с повинной до 6-го мая.

Главные усилия были направлены к изловлению важнейших участников бунта Еремина и Дрягина, которых укрывали жители деревни Краснояр.

В Краснояр было командировано 10 солдат с офицером Ленивым, которому в помощь было придано 30 «благонадежных» крестьян и куренных надзирателей Ревдинского и Мариинского заводов.

Оценив селение, состоявшее из 95 домов, Ленивов приступил к обыску в домах Дрягина и Еремина, а также заподозренных в их укрывательстве, а затем и во всех остальных домах.

Выяснилось, что не долее, как два часа до облавы, беглецы были в деревне и скрылись потом в густом лесу, где отыскать их не представлялось возможным.

Двое жителей деревни вызвались помочь в поимке Еремина и Дрягина. Целых две недели продолжалась охота за ними. Наконец, 20-го мая их настигли в 2½ верстах от деревни в болотистом трудно-проходимом месте. Карп Еремин сдался без сопротивления, а Аллерий Дрягин успел скрыться в чаще. Но через три дня он «быв лишен способов получить хлеб и другие припасы», добровольно он сдался в руки властей.

В поимке горячее участие принимал служитель Никифор Трубецков, сочинявший жалобу углепоставщикам, а потом вызвавшийся поймать главных бунтовщиков.

12-го мая главный начальник сообщил военно-следственной комиссии, что требуется воинская сила на золотосодержащие прииски екатеринбургских заводов и в Каменский завод, и просил отпустить для посылки туда хотя бы часть оставленной в Ревде роты.

Ревдинская заводская контора сама тоже просила о сокращении расквартированной в заводе команды, жалуясь «на отягчение для завода в отношении расходов» из-за нахождения в нем команды в 89 человек.

Ревдинский исправник хотя и доносил ,что был свидетелем совершенного повиновения красноярских крестьян, но считал возможным отпустить только половину команды. Очевидно, уверенность в наступлении успокоения была далеко не полная...

Уже 17-го апреля главный начальник горных заводов уральского хребта назначил военно-следственную комиссию, которая получила наименование «военно-следственной комиссии, учрежденной над возмутителями в Ревдинском заводе». В состав комиссии вошли: советник уральского горного правления Тимченко (председатель комиссии), чиновник особых поручений Меджер, прапорщик Оренбургского линейного батальона № 7 Ленных, коллежский регистратор Севастьянов (секретарь комиссии) и два письмоводителя.

Комиссии было поручено:

«а) Первым долгом озаботиться обнаружением и приведением в известность ложных разглашателей о штатах для Ревдинского завода;

б) обличить зачинщиков, виновников начальных причин непокорности и всех лиц, способствовавших к восстанию бунта;

в) при сем случае открыть заговор их, т. е. истинную причину возмущения и не крылось ли тут особенной какой-либо цели и преднамерения;

г) одним словом открыть истину сего происшествия, действий, преднамерений и степень вины каждого, руководствуясь в сем случае 5-ю частью Свода Военных Постановлений;

д) следствие сие должно быть производимо со всей скоростью, точностью, ясностью и окончено не далее двухнедельного срока».

«К соображению » комиссии было передано и дело о возмущении углепоставщиков в 1826 году.

Рассмотрение же жалоб углепоставщиков было возложено на горное правление.

Комиссия приступила к работе с военно-полевой быстротой. Приказ о назначении комиссии был получен ею в ночь с 17-го на 18-е, а того же 18-го апреля вечером комиссия была уже в Ревде.

Позднее, состав комиссии был пополнен двумя членами: от пермского гражданского губернатора--осинским уездным судьей Соболевым и жандармским офицером подполковником Жадовским.

На правах члена в состав комиссии входил еще депутат от духовенства и у в е щ а т е л ь поп Троицкий. На его обязанности лежало запугивание допрашиваемых комиссией карами небесны-

ми в случае, если они не сознаются и не выдадут других участников бунта.

Военно-следственная комиссия пришла к следующим выводам:

Общее число участников бунта достигало 700 челов. Некоторые из них были привлечены насильно; другие присоединились благодаря внушениям зачинщиков, что начальники непременно прочитают что-нибудь полезное для их цеха. Впрочем, и те, и другие, находясь в толпе, в большей или меньшей степени принимали участие во всех ее действиях. Все же установлено, что позади толпы находились караульные с палками, которые никого не выпускали. Большая часть бунтовщиков участвовала в возмущении 1826 года «и примером своим и внушениями старались укрепить всех в непокорности и ожесточении против правительства». Участники возмущения решились не проявлять покорности до об'явления штата и к работе не приступать, хотя бы пришлось ждать до Петрова дня (29 июня ст. ст.) Бунтовщики рассчитывали на то, что заводоуправление, чтобы не допустить до срыва исключительно-важных для завода сплавных работ производившихся в конце апреля, выполнит все их требования. Зачинщики бунта уверяли других, что войска будут стрелять холостыми патронами и что бунтующим обещана поддержка рабочих Бисертского завода, которые по условленному знаку—набатному звону—присоединятся к ним. Предполагалось, что толпа, по своей многочисленности, сможет смять солдат и даже обезоружить их. Установлено, что среди бунтовщиков была введена строгая дисциплина и подчинение вожакам: «толпа сильно следовала во всем их примеру и приказаниям». Общим условием бунтовщиков было: не выдавать никого из своей среды. Рабочие других цехов завода, хотя «явного участия в бунте не принимали, однакож они, как подтвердили при следствии сами зачинщики, были согласны присоединиться к скопищам, и углепоставщики твердо надеялись на их помощь». Присоединению других цехов помешала быстрота расправы.

Возмущение ревдинских углепоставщиков оказало влияние и на настроение рабочих соседних заводов. Установлено, что 15-го апреля в Ревде среди бунтующей толпы находилось до 20 человек крестьян, самовольно отлучившихся из Шайтанского завода. В самом Шайтанском заводе в этот день заводские люди сходились в кучки по несколько человек и были «не в спокойном состоянии». Ревдинские углепоставщики по опыту прежних своих возмущений знали все последствия скопищ. Они полагали, что и в этом случае будут попрежнему брать и наказывать зачинщиков. Поэтому они твердо решились стоять до последней крайности и никого из своей среды не выдавать. Почти все допрашиваемые показали: «При начале выстрелов руку, сложенную крестом, поднимал и кричал: все за одно!»

Военно-следственная комиссия пришла к выводу, что «кроме требований штата и облегчения в работах, углепоставщики не имели никакой особенной тайной цели или преднамерения».

«...Общею целью и желанием всех, говорится в заключении комиссии, как ныне показывают, было получить облегчение в работах. Самый штат просили в том предположении, что работы были им облегчены, между тем, как ныне они, и даже малолетние дети их обременены разными окладами, не имеют нисколько свободного времени, не знают ни праздничных, ни воскресных дней и не в состоянии выполнить окладов. Так показали они комиссии в оправдание своих противозаконных действий. Многие об'ясняли, что тягость работ была единственною причиною их скопищ, хотя из собственных показаний их видно, что они доныне были постоянно исправными работниками, а многие даже с избытком исполняли все на них возложенное.

«Они показывают также, что после бывшего в 1826 году бунта, когда для Ревдинского зав. утверждено Департаментом Горных и Соляных Дел положение о работах и платах—сделаны некоторые изменения в расположении окладов: часть угля выжигается из березового леса, требующего более времени и труда против соснового; прибавлены работы, которых прежде не было; увеличена мера короба, уголь принимается с разными притеснениями и т.д. Другие об'ясняли, что при нынешних высоких ценах на хлеб не в состоянии пропитывать себя и своих семейств».

Что касается поведения углепоставщиков во время возмущения, то комиссия признала, что они «действовали с таким упорством и решимостью, что обыкновенные исправительные меры не могли иметь никакого успеха».

Другими словами, образ действий усмирителей был признан вполне правильным и целесообразным.

Таково было заключение военно-следственной комиссии, представленное 8-го июня на усмотрение главного начальника.

ГЛАВА X.

Назначение военного суда.—Следственные характеристики главнейших обвиняемых.—Положение углепоставщиков в изображении военного суда.—Горное правление признает, что в Ревдинском заводе рабочие подвергались большей эксплоатации, чем где бы то ни было.—Вопиющие злоупотребления заводской администрации.—Вопрос о виновности Криночкина.—Поп-доносчик.—«Секрет» взаимоотношений заводоуправления и заводского исправника.

26-го июня 1841 года главный начальник горных заводов Глинка назначил военный суд над ревдинскими «возмутителями».

К этому времени все главные бунтовщики были изловлены и находились под стражей. Военно-следственная комиссия снабдила каждого из них краткой, но выразительной характеристикой.

На первом месте стоит служитель Шайтанского завода Николаи Сосунов, который «из видов корысти выкрал в октябре 1840 года из управы благочиния в копии указ Горного Правления о мере угольного короба, об'явил о нем углепоставщику Ермилу Дрягину и присоветовал просить исправника, чтобы об'явил этот указ».

Дальше идут лица, в той или иной мере прикосновенные к разглашению слухов о «штате», сочинители прошения, переписчики их и косвенные подстрекатели: к ним относятся: служитель Ревдинского завода Петр Овчинкин («хотя нет ясных улик,но он сообщник Сосунова»), служители Сергинского завода: Никифор Блинов, Никонор Трубецков и Василий Силаев, углепоставщик Ермил Дрягин, приемщик угля Павел Моксунов и сын его Илларий.

Особняком стоит отставной унтер-офицер Иван Десятов*.

«Он 14 и 15 апреля подстрекал толпу к непокорности, разглашая, что солдаты стрелять будут только для страха холостыми зарядами. Раз'езжал на коне и устанавливал бунтовщиков в ряды».

Видное место занимают и «прошатели» Ювеналий (Аллерий) Дрягин и Карп Еремин. Первый «был во всех скопищах с 9 марта по 16 апреля; из самых дерзких и буйных; ездил для написания прошения, руководил толпою, всегда находился впереди, самовольно освободился из под ареста; убежавши 15 апреля, скрывался в лесах более месяца,имел сношение с жителями Краснояр, с Сергинским служителем Блиновым и намерение писать новое прошение».

О Карпе Еремине сказано меньше: «из числа прошателей, бывший в побеге с Аллерием Дрягиным, но менее буйный».

Тимофей Козырин «постоянно предводил и управлял толпою под именем м а й о р а; был самым буйным и дерзким во все время; дух непокорности оказывал и при допросах».

Логин Захаров и Афанасий Ландин—«из самых дерзких сообщников Тимофея Козырина».

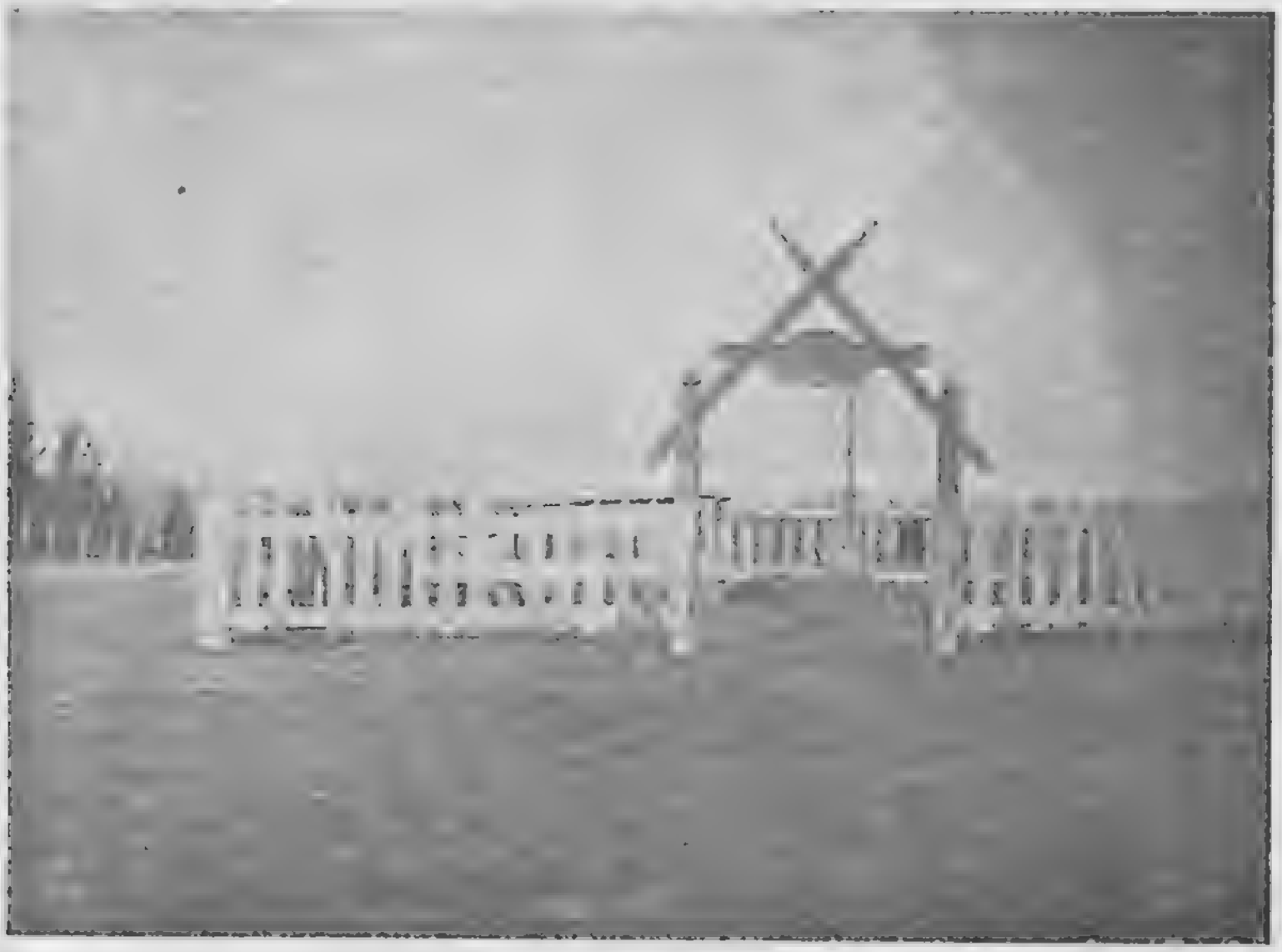
Особенного внимания заслуживает Василий Логиновских. Он, «наказанный за возмущение в 1826 году, был одним из самых буйных зачинщиков и подстрекателей в настоящее время; четырех своих сыновей вовлек в толпу и трех потерял убитыми; в 1826 году встретил Криночкина, когда тот ехал из С.Петербурга».

---

* Отбывший 25 лет военной службы, участник нескольких походов.

Далее идут: Демид Кокушкин («из главных зачинщиков и на словах по сию пору дерзкий»), Влас Десятов («буйный, отнял у казака саблю»), Игнатий Борматов и Иван Зайцев («в числе прочих делали истязания священнику»), Тихон Кокушкин («из главных бунтовщиков и зачинщиков») и Семен Логиновских («из дерзких бунтовщиков»).

Список главных зачинщиков замыкают: наш старый знакомец унтер-шихтмейстер Константин Криночкин, «сильно подозреваемый в подстрекательстве углеставщиков», и углеставщик Семен Мамонов, «уличающий Криночкина в разглашении о штате, буйный и дерзкий».



Братская могила.

К числу второстепенных бунтовщиков из числа содержавшихся под стражей можно отнести: Леонтия Мясникова, Василия Попова, Севастьяна Федянина, Андрея Мясникова, Тимофея Логиновских, Григория Сустина и Моисея Замятина.

Таким образом, под стражу всего было заключено 30 обвиняемых. Кроме того,» 10 обвиняемых находились до суда «под особым полицейским надзором, а именно: Матвей Бороздин, Захар Утюмов, Самойло Катаев, Иван Еремин (Абакшин), Кузьма Десятов, Абрам Десятов, Яков Десятов, Петр Наумов, Спиридон Попов и Семен Евдокимов.

«Военный суд в Ревдинском заводе над возмутившимися там крестьянами и прочими виновными в сем возмущении лицами» заседал почти целый год. В результате его работы всего было привлечено к суду 549 человек.

Состав суда был следующий: презус (председатель) берггауптман 6 класса фон-Зигель, асессоры· подпоручик Кураев (заменен потом Протопоповым), прапорщик Леннов и заседатель екатеринбургского уездного суда Ермолов. Для увещевания судимых был привлечен поп из Билимбаевского завода Остроумов.

Следствие военного суда, направленное, главным образом, к уличению бунтовщиков, вскрыло в то же время, и до известной степени осветило истинные причины бунта.

Акт военного суда так обрисовывает положение углепоставщиков на основании их собственных показаний перед судом:

«Большая часть опрошенных угольщиков утверждают, что оклады, ныне на них располагаемые, превышают их силы; что они не имеют нисколько свободного времени ни для отдыха, ни для исправления домашних нужд; что, занимаясь всегда работой, не знают ни воскресных, ни праздничных дней, не имеют времени даже для исправления христианских обязанностей; при всем этом они не в состоянии выполнить оклады, которыми заводоуправление их обременяет, и что даже малолетние дети их, которые не в состоянии нести никаких работ, облагаются оными.

«Работы на углепоставщиков, судя по их показаниям, располагаются следующие:

а) каждый годный работник должен поставить ежегодно из нарубленных им самим дров 60 коробов соснового и 25 березового,если же одного соснового, то 90 коробов*;

б) кроме этого главного оклада употребляются они для работ, называемых «сверхокладными, сдельями», а именно: 1) каждый, сверх 85 коробов, должен из готово-нарубленных другими куренных дров 5-ти сажен выжечь угля березового 25, а соснового 30 коробов; 2) квартирных дров нарубить и поставить в завод 4 сажени 3) весной посылаются недели на две и на три для сплава в завод бревен; и 4) поставлением на заводскую конюшню 40 пудов сена каждый.

«Сверх всех этих работ, употребляются еще для мелочных занятий в заводе, для починки мостов и т. п.

---

* По справкам, взятым из дел ревдинской заводской конторы, довоенная выработка угля в 1910—14 г.г. составляла на одного углежога с вырубкой и вывозкой из среднего расстояния в 45 верст *50 коробов*, считая: на вырубку леса—2 месяца (апрель, май), на выжег угля—3 месяца (сентябрь, октябрь, ноябрь), на вывозку угля—4 месяца (декабрь, январь, февраль и март).

«Работы сверхокладные в особенности обременительны, потому что они отнимают время, удобное и необходимое для куренного оклада: когда нужно рубить лес для выжега угля, тогда наряжают для сплава бревен; также во время самого углежжения должно поставить сено и т. п.

«При выполнении главного оклада встречаются еще затруднения от того, что леса время от времени становятся хуже и хуже, так что урок, исполнявшийся прежде свободно, ныне не может быть выполнен по чрезвычайному оскудению леса. Самые делянки для вырубки леса и выжега угля назначаются в разных местах (так напр., уголь из дров куренных выжигается не в одних местах с общею годовою вырубкой; кроме того, отводится лес смешанный сосновый и березовый на дальнем один от другого расстоянии (до 40 верст). Успеху работы много препятствует также и то, что места для вырубки отводятся и оклады распределяются весьма поздно, в то время, когда должно быть уже в работе.

«По окончании куренной операции самая выдача угля сопряжена с большими затруднениями и притеснениями для рабочих: положением, составленным советником Любарским в 1826 году о мере угольного короба в Ревдинском заводе, велено принимать уголь таким образом, чтобы две коробушки или меры (из числа 4-х составляющих весь короб) были насыпаны с верхушками, дабы составить полный короб. Пользуясь этим, углеприемщики по словам углепоставщиков, требуют ныне непомерно больших верхушек и даже уталкивают уголь, чтобы его казалось меньше. Вообще, из отзывов некоторых углепоставщиков известно, что после бунта 1826 года мера угольного короба была уменьшена, а потом постепенно увеличивалась, и,как сказано, доведена ныне до крайнего стеснения; при том же, если хотя в одном коробе окажется маленький недостаток, делается расчет таким образом, что за все прочие короба, уже сданные, производится вычет, как бы они ни были полны; также не допускается замена, если не достанет в одном коробе против других коробов того же работника; излишний же уголь приемщик обращает в свою пользу или относит на счет других, которым покровительствует.

«Из числа сверхокладных работ особенно отяготительна плавка бревен; иногда, по неимению воды, крестьяне живут нередко праздно, а плата выдается им только по числу бревен. От сего получают они только 10 или 16 копеек за день, между тем, если нанимают работника для исполнения других окладов, (которые без сего не могут быть выполнены), должно платить от 80 коп. до 1 руб. и давать работнику содержание.

«За работы кратковременные (мелочных сдельев)заводоуправление иногда выдает плату, иногда вовсе ничего не платит: так, один из углепоставщиков Ювеналий Дрягин показал, что за

работу его на пасхе прошлого года в Мариинском заводе при починке плотины и еще ранее того за доставку дранищ осенью 1839 года, его по ныне ничем не удовлетворили, и даже не поместили этой работы в ярлыках, хотя контора, надзиратели Мокеунов и Усольцев, равно и работавшие с ним люди об этом знают, и он просил самого Усольцева неоднократно.

Угольщик на работе.

«Кроме увеличения меры угольного короба, вследствие требования больших верхушек,—допущены после 1826 года изменения и в самом расположении работ: велено выжигать часть угля (25 коробов) из березового леса, требующего более времени и труда против соснового, а дающего мало выхода. Прибавлены квартирные дрова и выжег угля из куреных дров 5 саж., чего прежде не было. В 1840 году работы еще более увеличились тем, что вместо 5 саж. дров на многих наложено выжечь 10 саж. (по случаю пожара, как об'яснил один из приказчиков), что сверх всех существующих ныне сдельев и без того весьма тяготных, заводоуправление предлагало еще употребить углепоставщиков д. Красноярской для возки земли в Мариинский завод (показание крестьянина Калины Щупина).

«Вообще углепоставщики жалуются, что трудность работ постепенно возрастает; так что прежде они имели на отчете один только куреный оклад, а ныне не знают меры своим работам. Не выпол-

ипв же окладов, в безмерном количестве на них налагаемых, они не могут испросить себе ни провианта, ни денег для пропитания своих семейств и подвергаются стеснению в содержании; а куренный надзиратель Камаганцев не только не оказывает удовлетворения в их нуждах, но и самые заработки иногда задерживает; просьбы же о выдаче хлеба вперед под заработку, что прежним управлением дозволялось, не только оставляет без внимания, но еще наказывает просителей, и вообще, в случае малейшей недоработки, жестоко штрафует, без ведома исправника. На притеснения его хотя жаловались приказчикам, но они не внимая их просьбам, отсылали для разбирательства к тому же Камаганцеву, и он подвергал еще большему наказанию.

«Равным образом об уменьшении работ и об уничтожении верхушек просили заводоуправление, но безуспешно.

«Вычет за провиант по дорогим ценам составляет также предмет жалобы многих углепоставщиков: они показывают, что не в состоянии содержать себя, ибо не могут обработать провианта, необходимого для собственного их с семействами пропитания, что по невыдаче провианта в долг под заработку, они для пропитания себя, также для выполнения некоторых окладов посредством вольного найма вынуждены были распродать скот свой и имущество и что все это было причиною последнего возмущения. Один из углепоставщиков (Демид Кукушкин) показал, что за провиант вычитается по ценам выше даже тех, по каким он обходился в заготовлении самим заводам.

«Наконец, об'явлены жалобы на обременение работами престарелых, слабых и увечных».

Выявленные судебным следствием претензии ревдинских углепоставщиков были переданы на рассмотрение Уральского горного правления. Отзыв последнего заключает в себе интереснейший материал о положении крепостных рабочих и характерные выводы в приложении к Ревдинским заводам.

Уральское горное правление, стоящее на страже горно-полицейского режима того времени, тем не менее, дает в своем отзыве заключения, во многом подтверждающие главные претензии бунтовщиков.

Приводим здесь, в извлечении, этот отзыв:

«Из об'яснений Ревдинского заводоупровления видно, что предписанное Горным Правлением введение указного короба осталось неисполненным, потому что контора, по воле заводосодержателя, предлагала войти об этом в соглашение с углепоставщиками при раскладке работ на 1841 год, но в это самое время возникло требование их о введении какого-то нового штата на все заводские цеха и о выдаче провианта без вычета или с вычетом только по 50 коп., и что при таких требованиях сделать в чем либо

малейшую уступку одному-цеху значило дать повод и прочим цехам мыслить, что, действительно, есть новый штат,—и это могло поколебать спокойствие всех заводских людей.

«По сей причине заводоуправление и при нынешней раскладке работ, не об'явило углепоставщиком указ, не вошло с ними в соглашение в отношении изменения короба, а ожидало дальнейших распоряжений от Горного Правления.

«По предписанию Его Сиятельства Господина Министра Финансов, Горное Праление в феврале 1840 года рассматривало общий вопрос о мере власти заводчиков не-дворян употреблять в работы крепостных своих заводских людей. По соображении этого вопроса с законами и прежними учреждениями по горному производству, Горное Правление признало, что частные заводчики, занимающие крестьян своих постоянно заводскими работами и недающие им достаточного времени для хлебопашества, как предписано 167 ст. Уч. св. зак., должны соображаться со штатом ближайших казенных заводов как в содержании своих крепостных людей, так и в назначении на них количества работ, наблюдая в точности, чтобы люди их получали удовлетворение не беднее и несли работы необременительнее против установления казенных заводов. Заключение это через Г. Главного Начальника представлено Господину Министру Финансов.

«Высочайше утвержденным 23 августа 1827 г. журналом Комитета г. г. Министров, между прочим, постановлено:

«1) В уважение, что многие частные заводы находятся в хорошем положении по средствам заведения, заделных плат, не издавать вдруг штатов для всех частных заводов, а держаться того правила, чтобы частные горнорабочие, по соображению получаемого казенными провианта и других пособий, получали не менее их; но в случае справедливых жалоб и открывающейся надобности издавать для частных заводов особые штаты по тому же соображению.

«2) Обязать чрез Департамент Горных и Соляных Дел всех заводчиков Хребта Уральского без всякой огласки подписками, чтобы они по долгу христианских владельцев входили в положение горнорабочих и по совести назначали им достаточное содержание, удаляя всякие жестокости и притеснения, под опасением взятия заводов их в казенный присмотр; причем вменить им в обязанность, если не рассудят снабжать горнорабочих, не имеющих достаточного хлебопашества, безнадежно провиантом, как казенных людей, то давали бы им пайки против казенных по весьма умеренной цене. Таковую цену поставить на шесть лет и представить на утверждение Горного Правления. Если же не найдут удобным провиант сей в натуре, то чтоб определительные урочные и поденные платы были всегда умножены по мере возвышения цен на хлеб.

«Сие Высочайшее утвержденное положение Комитета г. г. Министров известно из секретного предписания Господина Министра Финансов, последовавшего Господину Главному Начальнику заводов от 13 сентября 1827 года за № 53, коим предписано ему иметь наблюдение, дабы со стороны владельцев заводов в точности была исполняема об'явленная им через Департамент Высочайшая воля.

«Во исполнение сей Высочайшей воли управляющий Невьянскими заводами Зыкин представил в Горное Правление ведомость о платах мастеровых за работы, о жаловании и провианте. Горное Правление испрашивало у Господина Министра Финансов разрешения: в чем состоит обязанность его в сем деле? По сему Его Высокопревосходительство, в предложении от 9 февраля 1828 года за № 6 уведомил Господина Главного Начальника Хребта Уральского, что представленная Зыкиным ведомость и впредь поступать имеющие от других заводов подобные ведомости должны быть принимаемы к сведению и соображению на случай могущих быть жалоб или беспокойств по заводам; если же Горное Правление примет недостаточное содержание горнорабочих, но жалоб не будет, то чтобы Главный Начальник донес ему о том не допуская Правление ни до каких непосредственных действий.

«Горное Правление определило: сравнение с казенным и штатами, и все соображения в записке представленные доказывают, что работы, налагаемые в Ревдинском зав. на углепоставщиков, превышают уроки. как казенных, так и всех соседственных частных заводов. Для исполнения одного главного оклада, следуя казенному положению, надо быть в работе в продолжение почти года. К облегчению углепоставщиков служит только то, что для рубки леса употребляется времени менее назначенного штата. Но при этом, кроме приготовления 85 коробов, располагаются на них еще работы сверхокладные: выжег угля 12½ коробов из готовонарубленного леса, вырубка и перевозка квартирных дров, поставка сена и плавка бревен.—Работ этих в той мере, в какой они требуются в Ревдинском заводе, нет ни в одном из округов, принятых при настоящем случае в сравнение. Главнейшее же отягощение от наложения их заключается в том, что они отнимают время, необходимое для куренной операции. Этого неудобства, стесняющего рабочих людей в исполнении окладов, не существует в прочих заводах: там работы посторонние налагаются на углежегов или принимаются ими большей частью по собственному желанию уже по окончании поставки угля в остающееся за тем свободное время, следовательно, не имеют никакого влияния на ход работ собственно по угольной операции относящихся.

«Другое важное затруднение, которому подвергаются Ревдинские углепоставщики, происходит оттого, что рубка леса и выжег угля одним работником производится в двух или трех различ-

ных местах, на дальнем одно от другого расстоянии. Это разделение мест работы,кроме напрасной потери времени на переходы, лишает мастерового возможности наблюдать за работой, находящеюся в трех отдельных пунктах.—Наконец, из собственных сведений видно, что Ревдинские углепоставщики, кроме занятия сверхокладными работами, употребляются еще в другие работы: при сплавке караванов и проч., что еще более лишает их времени, необходимого для выжега угля. Из дел видно, что в 1825 годуГорное Правление входило уже в рассмотрение положения мастеровых Ревдинского завода и, приняв в соображение, что работ располагается там не более как в прочих заводах. а с другой стороны, не имея в виду определенного законоположения о содержании людей, Правление признало себя не вправе обязать владельцев Ревдинских заводов уменьшить работы.

«Департамент Горных и Соляных дел, рассматривая это дело также постановил заключение, что заводы, хотя и находятся в казенном управлении, но принадлежат владельцам, и казна не вправе вводить по оным новые распорядки без особо уважительных причин; почему положение углепоставщиков велено оставить на прежних правилах.

«Но после этого заключения, без всякого разрешения от Правительства, Ревдинским заводоуправлением введен выжег угля из березового леса, для приготовления которого нужно более времени, нежели для соснового; крестьяне дер. Краснояр сверх того обложены приготовлением угля из готовонарубленных дров; и хотя против этого контора оправдывается, что взамен этого они освобождены от плавки куренных дров; однакож, за всем тем, существующие ныне по угольному цеху работы превышают бывшие в 1825 году. Из собранных же за последнее трехлетие сведений хотя видно, что налагаемые на углепоставщиков оклады исполнены большею частью вполне, а некоторыми даже с избытком, но как для полного отправления работ многие вынуждены были прибегать к найму посторонних работников, употребляя для того часть своей заработки, одинокие же, но обремененные большими семействами, не успевая выполнить оклада и получая за уголь меньшую плату, не в состоянии обрабатывать и получаемый провиант, то на углепоставщиков, по собственному показанию конторы, поступило уже с 1835 г. долга более 34 тысяч рублей.

Чтобы облегчить положение углежегов на основании высочайшего повеления, последовавшего по донесению Г. Главного Начальника, и дать им возможность исполнять работы без отягощения,—Правление полагает:

«1) Освободить их от занятий сверхокладных работ посторонних. 2) В отвращение затруднений и напрасной потери времени при переходе из одного куреня в другой, что неизбежно при

расположении на одного работника угля двух родов—соснового и березового,—предписать заводоуправлению, чтобы на каждого полного рабочего налагался уголь одного рода: или соснового до 90 коробов или березового от 60 до 70 (по примеру ближайших Сергинских заводов). 3) Во время исполнения окладов не дозволять конторе употреблять углепоставщиков в другие посторонние работы; по окончательному же выполнении оного представить занимать их перевозками тяжестей и проч. за особую плату. Что же касается до плат, производимых в Ревдинском заводе по угольному цеху, то, находя платы сии по сравнению с другими заводами достаточными для выполняющих полные оклады и не имея в виду жалоб со стороны рабочих,—оставить их в настоящем виде; также оставить без изменения и вычет за провиант, так как выдача провианта с вычетом из плат по стоющим заводу ценам дозволена и высочайше утвержденным 26 ноября 1840 года положением об обеспечении народного продовольствия по Уральским частным заводам.

«Наконец, относительно меры угольного короба, принимая в основание, что при приеме угля по существующей ныне мере, допускающей требование верхушек, действительно могут существовать злоупотребления и притеснения, что составляет главный предмет жалобы некоторых углепоставщиков, и что от Главного Правления предписано уже учредить меру короба законную 22400 куб. вершков, если сами мастеровые не согласятся на прежнюю меру,—подтвердить заводоуправлению, чтоб угольный короб учрежден был законный с соразмерным уменьшением плат, если мастеровые не пожелают поставлять уголь по мере ныне существующей.

«Предварительно предоставить все это на благоусмотрение Г. Министра Финансов через Г. Главного Начальника, собранные Горным Правлением сведения, согласно предложения Его Превосходительства, передать в Военный Суд».

Горное правление в приведенном отзыве определенно указывает, что в Ревдинском заводе углепоставщики, как нигде, были обременены налагаемыми на них окладными и неокладными работами. Не хватало дней в году, чтобы эти работы выполнить даже при наиболее благоприятном семейном положении углепоставщиков (несколько работников в семье и т. п.). Не подлежит никакому сомнению, что выражения этого официального отзыва в значительной степени смягчены не в пользу рабочих.

В отзыве имеются также указания на то, что правительство, очевидно озабоченное многочисленными возмущениями мастеровых, пыталось предпринять ряд мер, ограничивающих эксплоа-

тацию рабочих крепостниками-заводчиками, и сколько-нибудь нормировать налагаемые ими на своих крепостных работы. Но ограничения эти были больше бумажного свойства.

На суде раскрылась картина вопиющих злоупотреблений высшей и низшей заводской администрации в наложении на рабочих телесных наказаний. Пороли рабочих по своему усмотрению и заводская контора, и исправник, и приказчики, и куренные надзиратели. Никакой записи наказаний, как того требовали законы палочного режима, не велось, а если и записывали, то запись не соответствовала действительности. Дадут 200 розог, запишут 50...

В этой части процесса центральной фигурой был куренный надзиратель Алексей Камаганцев, отличавшийся особенной свирепостью.

Много внимания уделил военный суд выяснению вопроса о причастности к бунту Константина Криночкина.

Криночкин, высланный в свое время в Богословские заводы за участие в бунте 1826 года, дослужился там до чина унтершихтмейстера 1-го класса и в 1834 году, по просьбе заводчика Демидова, был откомандирован в Ревдинские заводы «для приведения их в лучшее устройство».

Он управлял Ревдинскими заводами около 6 лет, и был уволен завододержательницей Демидовой от управления ими перед самым бунтом 1840 года*. В феврале 1841 года он выехал из Ревды и возвратился в Богословские заводы.

На Криночкина показывали некоторые заводские приказчики и служители, исправник. благочинный Флеровский и др.

Приказания основывались, главным образом, на слухах о якобы говоренных Криночкиным словах вроде:

«Надобно поскорее отсюда уехать, дабы не отнесли ко мне могущих произойти беспорядков».

«Молитесь богу, дабы мне жить в Каменском заводе и торговать, а в Ревде жить худо будет... Приказчиков многих под суд отдадут»...

Уликой против Криночкина служила и следующая выдержка из письма его к исправнику перед отъездом из Ревды:

«Людям, желающим много, я помешал... Жалею о тех, кои за меня согрешат незаметно. Не знав чувства мои, они стремились день и ночь к добру, но невидимые пружины отторгали, и усилие мое делалось тщетным»...

Благочинный Флеровский показал:

«Зачинщики—простые люди не могли восжечь столь жестокий бунт. Общая молва падает на бывшего управляющего Константи-

---

* В ноябре 1840 года.

на Криночкина, который будто бы при отъезде из Ревды призвал к себе трех углепоставщиков и сказал им: «штаты и положения для вас давно вышли, но контора и исправник скрывают оные от вас». Предсказание Криночкина, я от него лично слышал: «надобно поскорее убраться из Ревды, а то бог знает, что здесь произойдет—и все на меня обратится *.

Криночкин яростно защищался против возводимых на него обвинений объясняя их ненавистью к нему его приемников по управлению заводами—приказчиков Круглова** и Лебедева.

После допросов и очных ставок Криночкин заявил суду, что хочет объявить секрет, относящийся до производства дела. Этот секрет, по его словам, можно было найти в настольном журнале постановлений заводской конторы.

В названном журнале, действительно, оказался «секрет», объясняющий многое в отношениях исправника Земляницына и заводской конторы. Там значилось:

«Января 1841 года вдова тит. сов. Марфа Ивановна Земляницына (мать исправника) изъявила желание на продажу для завода на продовольствие рабочих людей и мастеровых провианта муки ржаной количеством от 10 до 15 тысяч пудов, ценой по 1 р. 35 к. за пуд ассигнациями.

За 10 тыс. пудов она получает по получении сумм с Нижегородской ярмарки, а за остальные 5 тысяч пудов на 20 декабря с. г. и сполна обязуется ныне по зимнему пути поставить 10 тыс. пуд. и остальные 5 тыс. к 1 июля 41 года».

Очевидно, исправник, помимо соображений «политических» при сокрытии указа об угольном коробе руководствовался и соображениями несколько иного рода...

ГЛАВА XI.

Приговор военного суда.—Необычайная снисходительность к заводоуправлению.—Восемнадцать разрядов «возмутителей и пристойные за вину наказания».—Дело исправника Земляницына.—«Высочайшая милость» осужденным.—Стоимость экипировки каторжанина сороковых годов.

Через год после разыгравшихся в Ревде событий военный суд вынес свое решение:

---

* Военный суд признал донос Флеровского ничем недоказанным.

** Ближайший родственник Круглова — помощник куренного надзирателя Бакуев был главным свидетелем против Криночкина, который, по его словам, прощаясь с углепоставщиками, будто бы сказал: «есть штат, который вы можете просить».

«Сентенция общая комиссии военного суда, учрежденного в Ревдинском заводе над виновными в возмущении крестьянами 1841 года.

По соображении об обстоятельствах дела с приведенными законами Военный Суд 30 мая 1842 года положил:

1. Для обсуждения распоряжений местного Ревдинского заводоуправления по неправильному изменению в количестве отправляемых крестьянами заводских работ, должно служить фактом определение Уральского Горного Правления, соображению которого представлено было это обстоятельство, и то, в достаточной ли мере производятся крестьянами заработанные платы.

Из определений Горного Правления, постановленного, по его соображениям, то количество работ, налагаемых на угольщиков Рёвдинского завода, на отягощение которыми они жаловались и постановляли, между прочим причиною, возмущения способы исправления работ и плат, за оные производимых, видно, что работы превышают уроки казенных и соседственных частных заводов наложением выжега сверх-окладных кученков, рукою и перевозкою квартирных дров, постановкою сена и плавкою бревен. Они потому признаются отяготительными, что отнимают время, необходимое для куренной операции, и что места работы (вырубка леса березового и соснового и выжег из него угля) разделяются на два на три отдельные пункта, расположенных на дальнем один от другого расстоянии, отчего работник теряет время в переходах и лишается возможности наблюдать за работою. Что сверхокладных работ, они употребляются на сплав караванов и проч., что еще более лишает их времени, необходимого для выжега угля. Что против количества, признанного Правлением, в 1825 году, соразмерным с прочими заводами, без разрешения правительства заводоуправлением введен выжег угля из березового леса, для приготовления которого нужно больше времени, нежели для соснового; крестьяне деревни Краснояр сверх того, обложены приготовлением угля из готово-нарубленных дров, что, по отзыву Конторы, сделано взамен плавки куренных дров; но за всем тем существующие ныне по угольному цеху работы превышают бывшие в 1825 году.

Из собранных же за последнее трехлетие сведений хотя видно, что налагаемые на угольщиков оклады исполнены большею частью вполне, а некоторые даже с избытком, но как для полного отправления работ многие вынуждены были прибегнуть к найму посторонних работников, употребляя для того часть своей заработки, одинокие же, но обремененные большими семействами, не успевая выполнять оклада и получая за уголь меньшую плату, нев состоянии обрабатывать и получаемый провиант, впали в долги, накопившиеся, по показанию Конторы, более 34 тысяч рублей.

Не касаясь средств, определенных Горным Правлением для облегчения на будущее время положения угольщиков Ревдинского завода, обсуждению Военного Суда подлежит вопрос: в какой степени виновно заводоуправление по изменению, без разрешения Начальства, работ по угольному цеху, признанных для углежегов обременительными, и не было ли это обременение главною причиною к их возмущению?

Для разрешения этого вопроса могут служить следующие обстоятельства: а) Горное Правление считает виновным заводоуправление в неиспрошении разрешения начальства на изменение образа работ угольного цеха потому, что положение угольщиков, существовавшее до 1825 года, оставлено на прежних правилах положение Департамента Горных и Соляных Дел, утвержденным Г. Министром Финансов; но из тех же фактов, из которых взят этот вывод (предписание Департамента Горных и Соляных Дел Горному Правлению от 31 декабря 1825 года за № 856) видно, что новые распорядки по исправлению работ, предполагаемые Горным Правлением к введению по Ревдинским заводам, отменены были потому только, что тогда заводы сии, принадлежавшие владельцу, находились в казенном управлении.

Следовательно, право хозяйственного распоряжения (942 ст. том VII Уст. Горн.), представленное заводчику или его Конторе, при изменении образа работ, без разрешения начальства, заводоуправлением не было превышено; и (за всем тем сделанное по этому праву изменение работ) Горным Правлением признано отяготительным для рабочих, а об'яснения заводоуправления о причинах такого распоряжения неудовлетворительными для совершенного его оправдания.

Основываясь на этом заключении Горного Правления, заводоуправление виновно только в обременении угольщиков работами. Но, как по рассматриваемому Судом делу значится, что поводом к возмущению служила не одна тягость работ, на которую угольщики до времени скопом однакож не жаловались, но и ложное разглашение о сокрытии заводоуправлением штата, будто бы изданного для Ревдинского завода, о об'явлении которого решительно настаивали все бывшие скопища. Следовательно, действие заводоуправления по обременению угольщиков работами нельзя признать за исключительную причину к возмущению и нельзя отнести к роду преступлений, из'ятых от прощения Всемилостивейшим Манифестом 16 апреля 1841 года.

Почему, и на основании 1 ст. сего Манифеста, о с в о б о д и т ь Р е в д и н с к о е з а в о д о у п р а в л е н и е от ответственности перед судом по этому делу, с о в з ы с к а н и е м из сумм заводских по смыслу 57 ст. I кн. и 6 ст II книг. свод. Военно-Уголовн., в с е х р а с х о д о в, происшедших при усмирении возмутившихся, при следствии и при производстве суда.

II. Куренный надзиратель Алексей Яковлев Камаганцев (46 лет). Оговорен от 21 человека в разных его притеснительных поступках с людьми угольного цеха, а именно: одиннадцатью в невыдаче хлеба, а всеми 21 человеками в безвинном и жестоком наказании некоторых из них Камаганцевым—или за просьбу приказчикам о выдаче хлеба, или по частным маловажным случаям. Через что, по словам некоторых из них, по слуху о штате, они вынуждены были просить о нем скопами. Сверх того, одним из оговоривших пред'явлено, что от жестокого наказания Камаганцевым вскоре после сего умер угольщик Плаксин. Против сего Камаганцев оправдывается в ответах его, что хлеб выдается по мере заработки, но без задержания, а наказания за проступки производятся с ведома исправника, через полицейского служителя, с запискою в штрафовую книгу, без участия его, Камаганцева. Порядок наказания виновных угольщиков, изложенный Камаганцевым, подтверждает,как Ревдинская Главная Контора, так и двое полицейских служителей, а из об'явивших себя наказанными никого записанными в штрафовой книге не оказалось. Смерть же угольщика Плаксина, по изысканию об ней произведенному, оказалась естественною и независевшею от наказания, бывшего еще за три месяца до оной. Соображая обвинения, имеющиеся на Камаганцева, с его оправданиями и с обстоятельствами изыскания против последних произведенными—открывается, что одного оговора подсудимых недостаточно к обвинению Камаганцева в об'явленных на него преступлениях, на основании 86 и 87 ст. 1 книг. 318 и 339 ст. II книг. V час. свод. Военно-Уголовн. и учинить его, Камаганцева, свободным от дела; но как он в притеснительных действиях его с угольщиками оговорен большим числом людей и против сего оговора не представил достаточного опровержения, то велеть заводоуправлению: для отклонения подобных жалоб на будущее время устранить Камаганцева от настоящей должности куренного надзирателя и впредь к должностям, сопряженным с командованием людьми, не определять.

III. Крестьянин Ермило Фадеев Дрягин (60 лет) обвиняется в разглашении: 1) отзывом толпы, бывший при советнике Карпове, об издании для Ревдинского завода штата, читанного ему служителем Сосуновым; 2) Захаром Утюмовым—о виденном им у Сосунова царском наставлении, определяющем меру короба и уничтожение вычета за провиант и в требовании 10 руб. для получения копии; 3) Василием Коршуновым—о царском наставлении на уменьшение работ 4) Абрамом Десятовым—о наставлении по предмету содержания крестьян; 5) Сильвестром Моксуновым—о существующем штате, известном ему, Дрягину, через служителя Овчинкина; 6) Григорием Коршуновым—о читанном Сосуновым в копии указе о чем-то полезном, относящемся

до угольного цеха, и в советовании просить о нем. 7) Никифором Замятиным—о последовавшей от Государя Императора милости, штате. 8) Ювеналием Дрягиным—о читанной Сосуновым бумаге, заключающей меру короба и как содержать крестьян Против своих обвинений Ермило Дрягин начально сознался только в разглашени слышаных от Сосунова слов, что мера короба есть убавка, о которой Сосунов советовал просить исправника; а на очной ставке с оговорившими его сознался и в том, что о царском наставлении или штате он точно сказывал им, а сам слышал от Сосунова; но от сего сознания в Военном Суде отрекся, говоря, что при очной ставке он показывал только, что о царском наставлени или штате никому не сказывал и сам от Сосунова не слышал, но разве крестьяне перетолковали превратно его разговор с ними: ибо в читанной Сосуновым бумаге значился титул Государя Императора и заводы Ревдинские, Каслинские, Суксунские и другие. По соображении многих показаний, сделанных на Ермила Дрягина с собственным его сознанием в названии об'явленного ему Сосуновым указа Горного Правления об угольной мере штатом, отрицательству Дрягина от сего сознания веры дать нельзя по смыслу 316 и 15 п. 346 ст. V части II книг. свод. Военно-Уголовного, особенно потому, что признание им сделано сходно со всеми условиями, изложенными в 320 ст.того же свода. Хотя Дрягин по таким обстоятельствам дела и обличается в разглашении об указе Горного Правления и названии его штатом, но чтоб это название штата дано было не по простоте или невежеству, свойственным людям низшего класса, а по злому умыслу для возмущения угольщиков, сего не открыто по делу и потому на основании 86, 87, 88 и 1 п. III ст. I книг. Воен.-Уголовн. в намеренном названии указа штатом оставить Дрягина в сильном подозрении и предоставить заводоуправлению: если не пожелает его иметь у себя, об удалении из жительства просить установленным в законе порядком.

IV. На служителя Николая Сосунова, взятые в совокупности признаки преступления Сосунова—в разглашении указа, против которого он не представлял уважительного подтверждения, составляют из себя, по разуму 316, 344, 346 пун. 2, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 14 ст. V час. II книг. свод. Воен.-Уголовн., совершенное доказательство виновности Сосунова в намеренном уносе из Ревдинской Управы Благочиния копии с указа и об'явлении ее Ермилу Дрягину, то в этом и признают его виновным; поелику же за подобное открытие актов лицам посторонним в первый раз, 309 ст. I книг. свод. Воен.-Уголовн. определен тяжкий денежный штраф; а за второе уже преступление сего рода лишение прав состояния и ссылка на поселение, но как это преждевременное открытие Сосуновым указа Горного Правления

угольщикам, оно хотя есть и первое преступление сего рода, но как имело по превратному истолкованию содержания об'явленного акта вредные для общественного спокойствия последствия и послужило одною из главных причин к возмущению, то, по размеру 98 и 99 ст. I книги того же свода, вина Сосунова подлежит строжайшему наказанию, и потому его, Сосунова (имеющего от роду 27 лет) за означенное преступление, на основании приведенной 309 ст. 1 и 2 прим. к 66 и 67 ст. том XV Свод. Гражд. Закон. отдать в военную службу, куда годным окажется, в противном случае обратить в арестантские роты, в случае же неспособности к работам сослать в Сибирь на поселение.

V. Крестьянин Павел Федоров Моксунов (51 года), оговорен в разглашении при приеме угля: а) Игнатием Дрягиным—что по новому штату мера короба уменьшена и верхушек не будет; в) Дементием Дрягиным—что вышел штат и уменьшен короб; о чем Павел знает от служителей Сосунова и Овчинкина; е) Тихоном, Иовом и Демидом Кукушкиными и Алексеем Рукавишниковым—что скоро будет он, Моксунов, принимать уголь по меньшей мере—с тем Тихоном и Иовом, что Моксунов упоминал о добром житье, а Рукавишников—что скоро прочитают указ об уменьшении меры. Из этих показаний—оговоров Игнатия Дрягина указанными им посредниками сего: Сильвестром Долгановым и Платоном Рукавишниковым не подтвержден. Против оговора Моксунов хотя оправдывается, что он мог произойти от мщения за взыскания его с оговорщиков по обязанности углеприемщика и за ссору с некоторыми по раскольничьей секте, но вероятность показаний на него разглашения подкрепляются и тем, что ему могло быть известно существование указа об уменьшении меры короба, если не от Сосунова и Овчинкина, то от сына его Иллария, в этом сознавшегося. В разглашении же по словам двух человек о вышедшем штате нельзя Моксунова завинить, ибо другие посредники разговора о сем—четыре человека сего не показывают. Если же и нет собственного сознания Моксунова в преждевременном разглашении об указе Горного Правления на уменьшение угольной меры, но как он не представил против оговора его 6-ю человеками уважительного оправдания, то, по смыслу 316, 322 и 344 ст. V част. II кн. свод. Воен.-Уголовн., он не может быть совершенно освобожден и от законной ответственности за это разглашение. Почему его, Павла Моксунова, совершенно не уличенного в преждевременном разглашении об указе Горного Правления о мере короба, но и не оправдавшегося против оговора, на основании 86, 87 и 88 ст. I книги. и 318 ст. II книг. того же свода, оставить в сильном подозрении и предоставить заводоуправлению,

если не пожелает Моксунова иметь у себя, об удалении из жительства просить установленным в законе порядком.

VI. Крестьянин Илларий Павлов Моксунов (23 лет) подвергается суду по оговору двух крестьян: Демида Кокушкина и Дементия Дрягина—в разглашении около 25 декабря 1840 года, в кузнице, в д. Краснояре, о вышедшем штатном казенном положении, известном ему через зятя его, служителя Петра Овчинкина. От сего разглашения, неподтвержденного бывшими при этом Харлампием Дрягиным и Поликарпом Соловьевым, хотя Моксунов отрекся; но на него в этом упадает сильное подозрение, потому что, как он сам впоследствии сознался, ему было в показанное время известно от Овчинкина о получении указа об уменьшении меры короба. Почему его, Иллария Моксунова, в разглашении о сем указе и названии штатом, на основании 86, 87 и 88 ст. V част. Свод. Воен.-Уголовн., оставить в сильном подозрении и предоставить заводоуправлению: если не пожелает иметь у себя Моксунова, просить об удалении его на установленном в законе порядке.

VII. Письмоводитель Ревдинской Управы Благочиния унтер-шихтмейстер I класса Степан Павлов Горбунов (30 лет) подвергся следствию и суду по оговору крестьян подсудимых Ювеналия Дрягина и Моисея Замятина, основанному на слухе от других, что будто бы Горбунов сказывал Козьме Десятову и Захару Утюмову, что штат есть и, обещая его об'явить, требовал за это денег 50 рублей. Напротив, означенные Десятов, Утюмов и еще Ефим Сараев и Семен Логиновских показывают, что они хотя спрашивали Горбунова о положении или наставлении, как говорили другие, но он, не требуя денег, предоставил им спросить об этом исправника; причем трое из них дополнили, что Горбунов об ответе исправника велел им известить его, Горбунова. Горбунов же и в этом последнем оговоре не сознался, об'ясняя, что в начале марта месяца двое или трое крестьян в один день дважды приходили с вопросом: справедливы ли слухи о вышедшем штате? Но он, Горбунов, отвечал, что штата нет, как и исправник им уже об'являл; к нему же (исправнику) не посылал и не имел надобности в его ответе. Из приходивших помнит Утюмова и Сараева. Соображая все сии обстоятельства, из них не представляется доказательств не только на обвинение Горбунова в разрешении о вышедшем штате и требовании за об'явление его денег, но и к подозрению, по разноречию самих оговоривших его людей. Почему, не признавая Горбунова по этому предмету виновным, на основании 86, 87 I книг. и 318 ст. II книг. V части Свод. Военно-Уголовного, учинить от суда свободным.

VIII. Как оговор крестьянином Моисеем Замятиным приказчика Степана Петрова Бакуева в разглашении будто бы последним об издании штата для Ревдинского завода основан на словах крестьянина Григория Коршунова, от чего он отрекся, и указанный Моисеем его брат Никифор Замятин, будто бы слышавший эти слова, сего не подтвердил, то на основании 86, 87 I кни. 315 ст. II кн. V части свода Военно-Уголовного, приказчика Бакуева от суда и следствия по сему предмету освободить.

IX. Унтер-шихтмейстер Константин Егоров Криночкин: Из'явленное священником подозрение, основанное на молве, о позыве Криночкиным 3-х углепоставщиков, и об об'явлении им о штате—ничем не подтвердилось; ибо и другие доносчики на него ничего подобного не говорят. Дементий Дрягин слова свои основывает также на слухе от другого, оставшегося за смертью без спроса. Василий Десятов отрекался от разглашения, что угольщики были при прощанье с Криночкиным, сказывающим им о штате. Показания Семена Мамонова о слышанных от Криночкина словах об изданном штате не заслуживают вероятия по разнообразности их, ибо он начально сказал, что о штате узнал от Ювеналия Дрягина 13-го апреля 1841 г., потом, что зимою он еще слышал от Терентия Козырина, что слышал около сырной недели 1841 г. в литейной фабрике, что лично слышал от Криночкина в самый от'езд его из завода, подтверждая это и при очных ставках и при священнических увещаниях; но, наконец, сказал, что Криночкин говорил ему об этом лично за 4 дня до от'езда. Из указанных им Мамоновым людей никто не подтвердил его показаний и того, чтоб Криночкина кто-либо из рабочих провожал. А сам Криночкин ни в чем не сознался, выставляя к своему оправданию, и то еще, что извет сделан Мамоновым по подстрекательству неблагонадежных людей, в подкрепление чего сослался на брата Семену-Егора Иванова Мамонова, что его уговаривал управляющий Котовщиков и служитель Димитрий Бакуев, посоветовал Семену Мамонову, чтоб он возмущение показал на Криночкина, и что Василия Мелькова управляющий Круглов уговаривал к такому же извету. Из сих людей Егор Мамонов ссылку на него подтвердил с тем, что это происходило без посторонних и что разговоров сих он Семену не передавал; а Мельков сказал, что его Круглов спрашивал только, не слыхал-ли он от угольщиков: от кого они узнали о штате? Котовщиков и Бакуев, однакож, отреклись от подговора Егора Мамонова и им в этом не уличены; а Круглов отозвался, что он спрашивал Мелькова по поручению исправника. Аграфена Круглова—в говорении жене приказчика Круглова, и Ирина Востроконытова—дворовой девке Углановой слов о Криночкине, отреклись. Показание Печурина о слышанных от Криночкина словах (в говоре-

нии которых он не сознался), что в Ревде жить будет худо по обеднению заводов, не ведет ни к какому обвинению Криночкина. Указание на конторский акт о поставке провианта, не относящийся к настоящему делу, ни к какому взысканию Криночкина не подвергает. Неприличные выражения Криночкина в присутствии Комиссии сделанные по сему же предмету по об'яснению его, Криночкина, произошли от помешательства в рассудке. По таким обстоятельствам дела нет повода подозревать Криночкина в возмущении угольщиков Ревдинского завода, особенно, если принять в соображение свидетельство исправника о хорошей жизни Криночкина в заводе, расположение к нему заводовладельцев видно из переписки его с ними, и самую признательность их к его усердию назначением пенсиона при увольнении от управления заводами; почему его, Криночкина, на основании 86, 87, 114 ст. I книг. 315, 318, 339, 341, 345 ст. II книг. Свод. Воен.-Уголовн., учинить от дела свободным и обратить на службу по распоряжению Начальства.

X. Служитель из крепостных Нижне-Сергинского Губина завода Никифор Алексеев Трубецких (39 лет) признан виновным: в составлении фальшивого прошения от Ревдинских угольщиков, послужившего поводом к несправедливому требованию штата (последствием чего было и самое неповиновение), и в сокрытии в просьбе имени сочинителя. За сии преступления, на основании 83, 89, 98, 101 ст. 534 ст. I книг. V част. Свода Воен.-Уголов., наказать шпицрутенами через пять сот человек один раз и сослать в Сибирь на поселение.

XI. Служитель из крепостных Нижне-Сергинского Губина завода Василий Осипов Силаев (26 лет) против имеющихся на него в деле обвинений сознался в переписке фальшивого сочиненного служителем Трубецких, по просьбе 2-х от имени шести человек Ревдинских крестьян угольщиков, прошения, в заочном рукоприкладстве под оным, сокрытии при этом своей фамилии с умыслом избавиться ответственности за переписку несправедливой жалобы и в составлении заочно приговора от 33 крестьян. Но от дачи двум оговорившим его просителям копии с выписки из положения о кричном установе отрекся и в этом не уличен. Почему, согласно сознания Силаева, признать его в означенных лживых поступках виновным, и как поступки сии имели вредные последствия, то вину его признать тяжкою и на основании 83, 89, 98, 101 и 534 ст. I книг. V части Свод. Воен.-Уголов., наказать шпицрутенами через триста человек один раз и по 1 и 2 прим. к 66 и 67 ст. том XV Свод. Закон. Гражд., отдать в военную службу, куда годным окажется; в противном случае обратить в арестант-

ские роты, а по неспособности к работам—сослать в Сибирь на поселение.

XII. На унтер-офицера Ивана Егорова Десятова (51 год) все доказательства, по смыслу 315 ст. II книг. V част. Свод. Воен.-Уголовн., недостаточны для совершенного завышения его в этом преступлении: ибо один человек только заверяет лично слышанный им от Десятова возмутительный разговор, а другие говорят или по слуху от других, или свидетельствуют об оных его связях с толпою. Почему его, Десятова, в означенном преступлении, на основании 86, 87, 88 ст. I книг. и 318 ст. II книг того же свода, оставить в сильном подозрении и предоставить высшему начальству, удалить его из Ревдинских заводов с отдачею под строгий надзор полиции того места, где ему будут назначено местожительства.

XIII. Крестьяне угольщики Ревдинского завода поводом к скопам и просьбе штата поставляют следующие причины: во-1-х, обременение работами; во-2-х, жестокое обращение с некоторыми из них куренного надзирателя и невыдачу им провианта под заработку; в 3-х, стеснительный прием угля, и в 4-х, слухи о существовании штата, изданного для Ревдинского завода и о сокрытии его заводоуправлением. Следствием, произведенным комиссиею и соображением работ учиненных Уральским Горным Правлением, открыто:

1) Работы, действительно, для работников угольного цеха признаны Правлением обременительны, и работники одинокие больше-семейные, не успевая выполнять оклада и получая за уголь меньшую плату, не в состоянии отработать и выдаваемый провиант, отчего впадают в долги.

2) Куренный надзиратель в жестоком обращении с угольщиками не обличен, хотя и оговаривается 21-м человеком в этом поступке. Провиант же, по отзыву заводоуправления исправным работникам всегда выдается вперед, и что под заработку дается оный даже и несовсем исправным рабочим.

3) Прием угля производится четвертниками, с требованием двух из них под гребло и двух с верхушками (на неисмерность коих жалуются угольщики), но поверка приема, сделанная по настоянию заводоуправления, при посредстве нынешнего исправника, указала, что четыре четвертника с верхушками на двух из них недостаточны для совершенного наполнения короба, мера которому по изысканию, сделанному советником Любарским 16 февраля 1826 года, определена постановлением комиссии, бывшей тогда в заводе для исследования жалоб угольщиков; и

4) Ложные разглашения об издании штата происходили от таких людей, которым крестьяне не должны были доверять при внушениях начальников, уверявших их в несправедливости сих слухов.

При таких обстоятельствах дела, представляемые крестьянами причины возмущения, упорства в неповиновении власти и сопротивлении вооруженною рукою воинской команде нимало их в этом не извиняют: ибо они слышали все увещания, что их поступки противозаконны. Почему и признать их умышленными виновниками сопротивления властям законным вооруженною рукою и подвергнуть за сие заслуженному наказанию. Но, как степень участия в преступлении общем была различна, то справедливость требует назначить для каждого пристойное за вину его наказание. Для определения меры наказания одно средство усматривается: принять в основание собственное сознание каждого лица или бессомненные только доказательства его виновности. Следуя сему порядку, разделить сознавшихся в преступлении или уличенных в этом крестьян на разряды.

К первому разряду причислить именовавшихся просителями, примеру которых следовали все скопища возмутившихся: Ювеналия Дрягина (32)*, Карпа Еремина (26), Матвея Бороздина (36) и руководившего толпами, особенно в последние дни, 14 и 15 апреля, Тимофея Петрова Козырина (38).

Ко второму разряду причислить сообщников их, тех, которые сверх участия в скопах, действиями или советами подстрекали других к упорству против увещаний начальников—26 чел.

К третьему разряду причислить тех сообщников возмущения, которые или во все числа 7, 9, 10, 14 и 15 апреля участвовали в скопах, или в некоторых из них, кроме 15 числа, и потому, зная из прежних внушений начальников законопротивность своих поступков, вновь обратились к скопам, чем и усугубили свою вину—130 человек.

К четвертому разряду причислить участников скопов, бывших 14 и 15 апреля, или в одно последнее число, в которое они, увеличив толпу, вынудили начальство действовать вооруженною рукою—140 человек.

К пятому разряду причислить участников в толпах народа, бывших до 15 апреля, ибо они хотя не сопротивлялись воинской команде, но составляя запрещенные законам скопища, слышали внушения, чинимые в 7, 9 и 10 апреля, а с явкою в 14 число на площадь с палками обнаружили решительную непокорность властям—20 человек.

К шестому разряду причислить участников скопищ 7, 9 и 10 числа, буйствовавших и неповиновавшихся внушению начальников,—17 человек.

К седьмому разряду причислить: сознавшихся в составлении скопа 7 апреля, являвшихся к исправнику, а именно—11 человек.

---

* В скобках указан возраст.

К восьмому разряду причислить: Харламия Федорова Дрягина (36) и Ефима Козьмина Сараева (38), в домах которых, по их сознанию, были скопища для совещаний на просьбу уменьшения работ и короба, а у последнего, сверх того,—о меньшем вычете за провиант, об уменьшении уроков и о содержании, согласно штата Ревдинского завода, подобно Сергинскому, но более сего в скопах с 7 по 17 апреля не участвовавших.

К девятому разряду причислить: кричных работников Матвея Афанасьева Горланова (43), Андрея Андреева Малявина (38), Федора Степанова Ландина (Ширяева 24), Венедикта Андреева Малявина (33), из коих первые двое уличены в возмущении рабочих к участию в скопе народа во время усмирения угольщиков 15 апреля, а последние двое в этом не сознались. К сему же разряду причислить и Тимофя Степанова Шанчурова (16), несознавшегося и не уличенного в подговоре рабочих людей Мариинского завода к участию в возмущении в бытность в Ревдинском заводе советника Карпова.

К десятому разряду причислить сознавшихся в нахождении 15 апреля на площади, в толпе или около ее, не участвовавших в возмущении,—24 человека.

К одиннадцатому разряду причислить: сознавшихся в нахождении 14 апреля на площади, в толпе или около ее, не участвовавших в возмущении,—5 человек.

К двенадцатому разряду причислить: Архипа Алексеева Мясникова (46), не сознавшегося в нахождении ни в одном народном скопе, но уличенного двумя свидетелями в участии в толпах: одним в последнее 14 и 15 числа апреля, а другим ранее сего.

К тринадцатому разряду причислить: замеченных советником Карповым в 9-ое число на площади с жердями, но несознавшихся в этом, кричных работников: Якова Ефимова Десятова, Зарубина (59), Александра Иванова Ермакова, Трухачева (32) и Василия Фомина Винокурова (38).

К четырнадцатому разряду причислить: кричного мастера Федора Малахиева Помазкина (40), замеченного в толпе народа в бытность советника и берг-инспектора, но не сознавшегося в участии в возмущении.

К пятнадцатому разряду причислить: Ивана Викулова Зайцева (20), обвиняемого в дерзости против священников при увещании толпы и в битии священника Флеровского в 15 число, во время усмирения возмутившихся, в чем Зайцев не сознался, но уличается двумя присяжными свидетелями: одним, спрошенным по его ссылке, что он, Зайцев догонял толпу, тащившую Флеровского, и шел от своего дому в противоположную сторону, и другим, что Зайцев трес священника за руки и вместе с другими бил его, сронив шапку с него,—и Василия Са-

мойлова Мещерякова (67), не сознавшегося в ругательстве священника Флеровского, но одним свидетелем замеченного проходившим вслед за толпою, в которой вели священника и нанесли ему побои 15-го апреля.

К шестнадцатому разряду причислить: несовершеннолетнего Егора Иванова Шаляева(13),бывшего на площади 15 апреля из любопытства; и государственного крестьянина Василия Кротких, случайно находившегося в это время на месте усмирения.

К семнадцатому разряду причислить: обвиняемых в участии в разных или и во все дни скопов, обвиняемых с 7 по 15 апреля, но не сознавшихся в этом и не уличенных,—145 человек.

К восемнадцатому разряду причислить: Данила Петрова Десятова Шипкова (62), оговоренного в даче 5 рублей служителям Сосунову и Овчинкину за списание копии со штата, но в этом не сознавшегося и не уличенного, и Ивана Васильева Прислонова-Курылова (35), не сознавшегося в связях со служителем Блиновым, подстрекавшим угольщиков к упорству против увещаний начальства.

После такого разрешения, по сравнении вины преступников первых четырех разрядов с 13-ю, 95, 96, 98, 99, 101, 191 и 192 ст. I кн. V част. Свод. Воен.-Уголовного, учинить следующее:

1) Из преступников первого разряда, Дрягина, Еремина и Козырина наказать шпицрутенами через тысячу человек шесть раз, а Бороздина, меньше виновного, через тысячу человек пять раз и сослать всех четырех в Сибирь на каторжную работу.

2) Из двухсот девяноста шести преступников—второго, третьего и четвертого разрядов, десятого по жребию наказать наравне с зачинщиками, шпицрутенами через тысячу человек шесть раз и сослать в Сибирь в каторжную работу; из числа же преступников второго разряда участь Леонтия Мясникова, обратившегося из раскола в единоверие, представить во внимание Высшего Начальства.

По применении же к вине преступников следующих за тем пяти разрядов 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 91, 92, 94, 96, 99, 111, 191 и 198 ст. I книг. и 318 ст. II книг. Свод. Военно-Уголовного, учинить:

3) Из двадцати преступников пятого разряда—десятого по жребию наказать шпицрутенами через пятьсот человек по два раза и оставить в жительстве.

4) Из семнадцати преступников шестого разряда десятого по жребию наказать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и оставить в жительстве.

5) Из одиннадцати преступников седьмого разряда десятого по жребию наказать палками по двести ударов каждого и оставить в жительстве.

6) Преступников восьмого разряда Дрягина и Сараева, на основании 196 и 198 ст. I книг. Свода Военно-Уголовного, наказать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и оставить в жительстве.

7) Из преступников девятого разряда Матвея Горланова и Андрея Малявина, по применении 10, 11, 94, 98, 99, 191 и 192 ст. I книг. Свода Военно-Уголовного, наказать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и оставить в жительстве; а Федора Ландина, Венедикта Малявина и Тимофея Иванчурова, по смыслу 86, 87, 88 ст. I книг. и 333 ст. II книг. того же Свода, в намерении возмутить первыми двумя кричных работников Ревдинского, а последним Мариинского заводов, к участию в скопах, оставить в подозрении.

8) Подсудимых десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого разрядов, в намеренном участии в скопах возмутившегося народа, по разуму 87, 88 ст. I книг. и 333 ст. II книг. Свода Воен.-Уголов., оставить в подозрении.

9) Из подсудимых пятнадцатого разряда, на основании 86, 87, 88, I книг. 315, 318 и 333 ст. II книг., Ивана Зайцева—в битии священника оставить в сильном подозрении; а Василия Мещерского—в ругательстве его, священника, оставить в подозрении.

10) Подсудимых шестнадцатого и семнадцатого разрядов от взыскания, а восемнадцатого разряда—и от дела, на основании 86 и 87 ст. I книг. и 315, 318 и 333 II книг. Свода Военно-Уголовн., освободить.

11) Но как преступления всех поименованных выше в первых пятнадцати разрядах людей, равно разглашателей слухов о штате, подстрекателей к непокорности и сочинителей ложного прошения учинены или до издания Всемилостивейшего манифеста 16-го апреля 1841 г., то на основании I, II, III и IV ст. ст. сего манифеста, преступников первых десяти разрядов от телесного наказания, последующих же за тем и от подозрения освободить, служителей Трубецких и Силаева от наказания, а вместе с ними Сосунова от подозрения освободить, также освободить Трубецкого от ссылки в Сибирь, а Силаева и Сосунова от отдачи в военную службу, с тем, что заводоуправление Губина и Ярцева могут об удалении из жительства, если не пожелают их иметь у себя, просить установленным для сего

порядком. Унтер-офицера Десятова и крестьян Ефима Дрягина и Павла и Иллария Моксуновых, тоже от подозрения освободить.

За сим заключение об отсылке в каторжную работу преступников первых четырех разрядов и удалении из Ревдинских заводов унтер-офицера Десятова оставить в своей силе; а освобожденным от наказания, подозрения и ссылки, силою манифеста внушить, чтоб они воспользовались сею монаршею милостию, старались на будущее время избегать подобного участия в преступлении под страхом неизбежного и строгого наказания по законам. Такое же внушение сделать и всем оставшимся без взыскания по определению суда подсудимым и

12) Об участниках же скопов Андриане Назарове Рукавишникове, Иване Иванове Железникове, Сергее Герасимове Замятине, Фирсе Алексееве Зиновьеве, Афанасии Федорове Ландине (Ширяеве), Василии Федорове Логиновских (Семенниковe) Черемининьком), Илье Степанове Пискунове, Даниле Васильеве Сахарове (Шурпнове) Антоне Тимофееве Соловьеве, Михаиле Игнатьеве Шмелеве, Егоре Маркове Щукине, Якове Михайлове Юрьеве и служителях Нижне-Сергинского завода Никифоре Блинове и Ревдинского Петре Глебове Овчинкине, по случаю их смерти, и о всех убитых на месте усмирения оставить без заключения.

XIV. Следствие о пристанодержателях подсудимых—беглецов Ювеналия Дрягина и Карпа Еремина, отослать на решение по принадлежности—в Екатеринбургский уездный суд,—а отобранные от Еремина и Дрягина при поимке вещи им возвратить.

XV. Из показаний многих подсудимых крестьян Ревдинского завода усматривается, что некоторые весьма редко бывают, а другие и вовсе не бывают у исповеди и св. причастия, то за отвращением сего небрежения о долге христианском на будущее время предписать местному исправнику Ревдинского завода, иметь неослабное наблюдение, независимо от того сообщить этот предмет и духовному начальству.

XVI. Из подсудимых, содержащихся в Екатеринбурге—служителей Николая Сосунова, Никифора Трубецких и Василия Силаева, крестьян Ефима Дрягина и Павла Моксунова, освобожденных от наказания и ссылки силою всемилостивейшего манифеста, хотя бы следовало из-под стражи освободить, но как вины их заключаются в деяниях вредных для общества, то свободу или содержание до решения дела предоставить усмотрению высшего начальства. Его же усмотрению предоставить освобождение из подстражи крестьян Леонтия Мясникова, Тихона и Дементия Кокушкиных, Логина Сахарова, Власа Десятова и Захара Утюмова, причисленных по сему решению к второму разряду, так как подсудимые сего разряда находятся на свободе.

Прежде исполнения сего, это решение, вообще, с делом представить на рассмотрение и утверждение высшего начальства.

Об освобождении подсудимых унтер-шихтмейстера Криночкина из-под присмотра полиции для употребления его на службу по усмотрению Главного Начальника заводов ныне же предписать Екатеринбургской Управе Благочиния.

Подсудимые: унтер-офицер Десятов, служители: Сосунов, Трубецких и Силаев и крестьяне Ермило и Ювеналий Дрягины, Павел Моксунов, Карп Еремин, Тимофей Козырин, Леонтий Мясников, Тихон и Демид Кокушкины, Логин Сахаров, Влас Десятов, Матвей Бороздин и Захар Утюмов содержатся в Екатеринбургском тюремном замке, а прочие десять в жительстве на свободе.

Подписали: Президус, Берг-гауптман 6 класса Фон-Зигель. Ассессор, подпоручик Протопопов. Ассессор, прапорщик Леннов, Заседатель Екатеринбургского уездного суда, коллежский регистратор Ермолов. Секретарь П. Кунгурцев».

Об отрешенном от должности исправника Земляницине суд вынес особое решение: «Признав виновным в бездействии, медленном и слабом исполнении своей обязанности, постановил— выдержать его, Земляницина, под арестом на гауптвахте 2 месяца и впредь к должностям полицейским не определять.

«По манифесту 16-го апреля 1841 г. от присужденного ареста освободить со внесением сего в его формулярный список. Впредь до утверждения высшего начальства Земляницину находиться без должности на свободе».

Со дня вынесения приговора прошел еще целый год, пока приговор был утвержден высшими инстанциями.

15-го мая 1843 года Штаб Корпуса Горных инженеров сообщил Главному Начальнику Горных заводов Хребта Уральского:

«... Государь Император, 4-го сего мая, высочайше повелеть соизволил:

«1) Четырех главных зачинщиков возмущения ревдинских крестьян, причисленных военным судом к первому разряду, именно: Ювеналия Дрягина, Карпа Еремина, Матвея Бороздина и Тимофея Козырина сослать в каторжную работу.

«2) 25 крестьян, участвовавших в возмущении и причисленных военным судом ко второму разряду, именно: Тихона Белькова, Прокопия Гусева, Абрама, Власа, Ефима, Козьму и Якова Десятковых, Сильвестра Долгоногова, Козь-

му Дрягина, Ивана Абакшина, Моисея и Никифора Замятиных, Демида и Тихона Кокушкиных, Никиту Копытова, Семена Логиновских, Семена Мамонова, Епифания Мещерякова, Ивана Новожилова, Петра и Спиридона Поповых, Андрея Руковишникова, Логина Сахарова, Андрея Тюрикова и Захара Утюмова—отдать в военную службу ,а если окажутся к ней неспособными, то обратить в арестантские роты или сослать в Сибирь на поселение. Крестьянина же Леонтия Мясникова, причисленного также ко 2-му разряду и по летам своим (более 36 лет) следующего к обращению в арестантские роты, отдать в оные на два года, во уважение того, что во время суждения сего крестьянина, он присоединился с семейством своим из раскола к единоверию.

3) Из 270 подсудимых третьего и четвертого разрядов, десятого по жребию наказать розгами: причисленных к третьему разряду по пятидесяти и причисленных к четвертому разряду по тридцати ударов, с оставлением на месте настоящего жительства.

4) Всем помянутым подсудимым об'явить, что поименованные в первом и втором пунктах сего положения избавляются от заслуженного и присужденного уже им телесного наказания, а поименованные в третьем пункте—от отдачи в солдаты или ссылке по неспособности, в Сибирь,—единственно по всемилостивейшему манифесту.

5) Куренного надзирателя Камаганцева сместить с этого звания, впредь, как неблагонадежного, не допускать ни к какой должности, сопряженной с властью над другими.

6) Бывшего управляющего Ревдинским заводом унтер-шихтмейстера Криночкина, как уже прежде того, по подобному же в 1826 году возмущению ревдинских крестьян, удаленного в Богословский завод,—перевести на службу в Нерчинский горный округ.

7) Отставного унтер-офицера Ивана Десятова выслать из Ревдинского завода с воспрещением в'езда в который-либо из заводов или селений Уральской Горной Области и с отдачею под строгий надзор местной полиции.

8) Остальных затем прикосновенных к настоящему делу крестьян и других лиц, коих военный суд избавил от всякого взыскания на основании всемилостивейшего манифеста или не признал виновными по недостатку прямых доказательств соучастия их в бунте, освободить от дальнейших последствий по сему делу, об'явить только первым, что они избавляются от заслуженного наказания единственно по силе манифеста и, внушив,

вообще, всем участвовавшим лицам, чтобы впредь воздерживались от подобных поступков под опасением строжайшего по законам взыскания.

9) Освободить равным образом от личной ответственности Ревдинское заводское управление за обременение им крестьян некоторыми сверхокладными работами;но все судебные понастоящему делу издержки возместить из заводских сумм полковницы Демидовой.

10) Для отвращения впредь замеченного при производстве настоящего дела невыполнения многими Ревдинскими обывателями христианской обязанности ежегодного причащения св. таинств предоставить духовному начальству принять соответственные меры, а заводскому управлению и местной полиции предписать, чтобы оказали в сем случае духовной власти всякое содействие».

Дело об исправнике Земляницыне было передано на решение Сената, который определил: «бывшего исправника Ревдинских горных заводов титулярного советника Михаила Михаилова Земляницына за допущение заводское управление в продолжение полугода оставлять без исполнения указ Горного правления о введении нового короба, сокрытие во все время об этом указе от углежегов, несмотря на неоднократные требования сих последних; недонесение об всех действиях по сему предмету Горному правлению, непринятие надлежащих мер к открытию разглашателей ложных слухов об изданном будто бы для Ревдинских заводов новом штате, и через то неотвращение самого бунта,— согласно решению Горного Аудитората и мнению г. Главноуправляющего Корпусом Горных Инженеров, освободить от следующего ему наказания по силе всемилостивейшего манифеста 16-го апреля 1841 года с тем, чтобы его, Землянициына, по явной его неспособности к полицейским должностям, впредь к оным не определять; удержанного у него во время производства суда половинного оклада жалования, согласно 1360 и 1364 ст. 15 том. Св. Зак. Уголовн., не выдавать и время бытности под судом в действительную службу не зачитать».

Остается сказать несколько слов о приведении приговора в исполнение.

Из четырех зачинщиков, осужденных по конфирмации приговора в каторжные работы, один—Карп Еремин умер в тюрьме, не дождавшись окончательного решения своей участи. Остальные трое были отправлены в Сибирь на каторгу 28-го июля 1843 года.

В деле имеется список вещей, выданных арестантам, отправляемым в ссылку в Сибирь. Каждому было выдано:

Кафтан	стоимостью 1 руб.	$42^{6}/_{7}$ коп.
Коты		40 »
Онучи		14 »
Шапка		$34^{2}/_{7}$ »
Рубаха Порты		$62^{6}/_{7}$ »
Мешок		$13^{4}/_{7}$ »
Всего		3 руб. $12^{4}/_{7}$ коп.

Печать ревдинской управы благочиния.

Уралоблгит 2028. Тираж 10.000.

Свердловск тип. «Гранит» Акц. Общ. Уралкнига. Зак. 5533.

Издательство Уралкнига

НАХОДЯТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Социально-политическая литература.

Вопросы коммунистического просвещения.—Сборник материалов, вып. I. Составили Д. Романовский и Л. Суница. Ц. 65 k.

За книгу и газету—сборник. Ц 22 k.

Каменев Т.—Старая и новая школа. Ц. 30 k.

«Красный Календарь»—революционные годовщины в царских учреждениях. Вып. I: а) «9 января» б) годовщина смерти Ленина. Ц. 50 k.

Зиновьев Г.—История Российской Коммунистической Партии (б). Популярный очерк. Ц. 45 k.

Ленинизм или троцкизм? Сборник статей и речей Каменева Л. Б., Зиновьева Г., Сталина И., Сокольникова Г., и ответ «Правды» на статью т. Троцкого Ц. 50 k. (Печатается 2-е изд. расширенное).

Программа и устав Российской Коммунист. Партии (б). Ц. 8 k.

Комсомольская литература.

Бухарин Н.—Молодняк. (Доклад о работе среди молодежи на XIII с'езде РКП). Ц. 17 k.

Зиновьев Г.—Что такое комсомол и чем он должен стать. Ц. 16 k.

«Живой гранит»—Сборник по истории юношеского движения на Урале. Ц. 70 k.

Упоров Е.—Звено пионеров и его работа. Ц. 18 k.

К чему должен стремиться и чем должен быть комсомолец. (Устав и программа РЛКСМ и заветы Ленина) Ц. 8 k.

Историко-революционная литература.

Колчаковщина.—Сборн. под ред. Н. Райвида и М. Быкова, Ц. 1 р. 10 k.

Герасимов А.—Год в колчаковском застенке. Ц. 35 k.

Каптерев А.—Дубинщина. (Очерк истории восстания Далматовских крестьян). Ц. 30 k.

Берс. А.—Пугачевщина на Урале (краткий очерк, с портретом Пугачева). Ц. 35 k.

Голубых М.—Уральские партизаны (история похода отрядов Блюхера-Каширина в 1918 г.) Ц. 50 k.

Шушканов Н.—Свердлов Яков Михайлович (Биографический очерк) Ц. 20 k.

Ленинская библиотечка.

Н. Ленин.—О кооперации. (2-е изд.) Ц.—k.
» —О концессиях. (2-е изд.) Ц. 12 k.
» —О религии. (2-е изд.) Ц. 8 k.
» —Об отношении k специалистам. Ц. 12.
» —Буржуазная демократия и диктатура пролетариата. Ц. 18 k.

Научно-популярная библиотека.

(Серии: естествознание, мироздание, «наука и техника».
Першке В.—Наука о веществах и их превращениях. (Краткое введение в химию) Ц. 45 k.
Сементовский В.—История органического мира на земле. Ц. 40 k.
» —Происхождение человека и его развитие Ц. 35 k.
« История земли. ц. 35 k.
Карманов С. Г.—Химия в войне. С иллюстр. Ц. 40 k.
Карманов С. Г.—Химическая переработка каменного угля. С иллюстрациями. Ц. 35 k.
Карманов С. Г.—Химическая переработка дерева. С иллюстр. Ц. 50 k.
Жабров А.—История и развитие авиации. С иллюстр. Ц. 25 k.
Жабров А. — Авиация в войне и мирном строительстве. С иллюстр. Ц. 22 k.
Эйхе Ф.—Доменная печь и чугуно-делательное производство. С иллюстр. Ц. 50 k.

Уральская экономика.

Саухат И. Г.—Ископаемые богатства Урала. С рис. Ц. 70 k.
Семенов К. С. проф.—Лесное хозяйство Урала. С рис. Ц. 95 k.
Бобылев Д. М.—Экспортное хозяйство Урала, как экономическая проблема. Ц. 75 k.

Антирелигиозная литература.

Степанов И. - Мысли о религии. Ц. 15 k.
» —Очерк развития религиозных верований. Ц. 20 k.
» —Об аде и рае, бесах и ангелах, праведниках и грешниках. Ц. 28 k.

Разная литература.

Карманный словарь.—«Помощь читателю газеты» 2-е изд. Ц. 30 k.
Ковзан К.—Руководство для рабочих и красноармейских спортивных кружков. Ц. 85 k.
Медицинский справочник рабочего, под редакцией докторов: Н. И. Коган и А. Т. Кузнецова. Ц. 57 k.

С заказами об[illegible]ться:

Свердловск, ул. [illegible]айнера, 12,
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.

Представительство: Москва, Ильинка 4, комн. 29.

2439

Цена 50 коп.

2439

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
г. Свердловск, улица Вайнера, 12.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ:
Ильинка, 4, помещен. 29.